

Галина Тюрина
Тоже люди

Галина Анатольевна Тюриня

Тоже люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69965431

SelfPub; 2023

Аннотация

Прекрасное будущее наступило! Земное человечество наконец-таки избавилось от войн, имущественного неравенства, дискриминации и уголовных преступлений. Но, оказывается, в бескрайнем пространстве Вселенной затерялись пока не известные землянам государства с совершенно другим общественным строем. Насилие и жестокость тут – норма жизни. Рабство, произвол и пиратство – в порядке вещей. А еще у этих людей есть неплохие межзвездные корабли. Первый контакт двух миров оканчивается трагично: чужой звездолет с хорошей маскировкой, проникший в окрестности Земли, в упор расстреливает земные исследовательские катера. Впрочем, в результате инцидента пиратский корабль тоже пострадал: теперь ему нечем нападать. И кто же в этом виноват? Так вот он – смельчак, протаранивший катером орудийный отсек чужого звездолета и чудом выживший. Теперь этот "камикадзе" трижды пожалеет, что не погиб сразу! Ведь в плену у пиратов его не ожидает ничего хорошего, кроме... любви к девушке из другого мира.

Галина Тюрина

Тоже люди

О память сердца, ты сильнее
Рассудка памяти печальной...

К. Батюшков.

Из записной книжки Э. А.

За окном трепетали мокрые листья яблонь. Ветер бился в окно, временами жалобно завывая и всхлипывая. Молнии змеились по клочкастому серо-черному небу, освещая бурную грозовую ночь. Маленький дом, казалось, каждый раз содрогался от громовых раскатов. В такую ночь трудно уснуть, особенно если ты совсем один.

Эмиль сидел на кровати, поджав под себя ноги, и, не отрываясь, смотрел в просвет между занавесками. Вспышки молний на секунду озаряли задумчивое лицо, и снова все погружалось во тьму. Его мысли снова и снова возвращались к одному и тому же: «Как там Ева?» Все было давно известно: то, что родится мальчик, и то, что степень интеллекта у него будет примерно равна восьмерке, и то, что этот мальчик не его сын.

Отрывисто зазвенел старинный телефон. Эмиль обернулся и взял трубку. На стене загорелось объемное изображение диспетчерской главного терминала.

– Все экспонатами Исторического музея балуешься? Или это копия? – Лицо знакомого диспетчера было чем-то озабочено. – Алекси, тебя вызывают на главный терминал. Дело серьезное, вылетай сейчас же.

– Буду через десять минут.

Связь отключилась, и Эмиль, откинув телефон, спрыгнул с кровати и открыл старинный дубовый шкаф.

«Она сказала мне, что я старомоден как... как шкаф. «Ты, – Сказала она. – Экспонат Исторического музея, и всегда останешься таким». Она никогда не любила меня, она просто меня жалела...» – Подобные неотвязные мысли вертелись в его голове, пока он одевался совершенно без посторонней помощи, потому, что жутко не любил домашних роботов.

Застегивая китель, Эмиль взглянул на шарик со стереоизображением Евы. Потом взял этот шарик и сунул в карман. После этого он мысленным приказом захлопнул форточку, щелкнул застежкой капитанского ремня и выскочил в гараж. Автоматически зажегся свет. Эмиль с разбегу прыгнул в машину и дал ускорение.

Флаер вылетел из гаража и взвился в грозное небо. Автомат включил защиту.

«Такую грозу будут давать еще два раза на этой неделе, – подумалось Эмилю. -

В давние времена летом всегда были подобные, только

неуправляемые грозы».

Он взглянул на часы. Ему оставалось еще пять минут. Флаер набрал хорошую скорость. Гроза давно осталась позади, под днищем машины ровным блюдцем поблескивало море. Здесь было утро. Море длилось еще полминуты, потом Эмиль сбросил скорость и высоту. Флаер стал планировать.

Искусственный остров жил своей жизнью: кишели флаеры, флипы и велолеты. Эмиль перелетел стену Центра и выключил гравитатор. Машина опустилась у стеклянной лестницы, и Эмиль ступил на первую ступеньку. Лестница пришла в движение, унося его в чрево подземного здания. Откуда-то появилось Око и замельтешило перед глазами. Эмиль отмахнулся от него и переступил порог приемной терминала. Там толпились люди. Эмиль шел и здоровался кивками со знакомыми и просто с теми, кто обращал на него внимание. А прессы то, прессы!

Вот, наконец-то, и лифт. Агент службы порядка у ограждения приветливо козырнул. Эмиль ответил. Лифт впустил его и через несколько секунд выпустил. Из соседнего лифта тоже вышел человек в форме космофлота. Это был капитан Таро Мияша. Эмиль встретился с ним взглядом. Тот церемонно, хотя и на ходу, поклонился, Эмиль в ответ улыбнулся и салютовал ладонью. Дальше они зашагали вместе. Очередная дверь впустила их, и они оказались среди таких же земных капитанов-исследователей. Комната была небольшая, в ней разместилось всего чуть более дюжины человек с сереб-

ряными нашивками на кителях, и каждый был знаком Эмилю не понаслышке. Среди них были и его давние друзья: Андрей Летаев, Эдвин Юрас, Ю Удилаш, Майкл Джой и Карик Калинка.

– Я собрал вас здесь по делу, не терпящему отлагательства, – раздался знакомый всем голос. Левая стена пропала, и все увидели стерео-проекцию председателя Координационного Совета Земли. Он был одет в будничный серый костюм. Даже знаков отличия, положенных ему, как члену Совета, не было. – Дело в том, что в непосредственной близости от Земли произошло нечто неординарное. Компьютеры не могут адекватно проанализировать ситуацию из-за недостаточности данных, требуется немедленное вмешательство исследователей-людей.

Появилось объемное изображение планеты-астероида. Нормальный такой астероид, серенький, ничего особенного. Потом план сделался крупней. Поверхность планеты была испещрена ходами круглой формы.

– Это планета-астероид С-28 в поясе астероидов вокруг Солнца. Автоматическая станция на С-28 не отвечает. Патрули-роботы в этом квадрате исчезли. С нетронутых патрулей из соседних квадратов поступила отрывочная информация о бесплотном неопознанном летающем объекте, но эти записи не отличаются четкостью и, скорее, походят на сфабрикованное «ради шутки проявление призрака наподобие легендарного «Летучего голландца». Никаких повтор-

ных видео или сканоподтверждений больше не поступает. Тем не менее, С-28 потеряла четкую ориентацию на орбите и меняет массу и траекторию. Необходимы исследования этого явления на месте. Медлить нельзя. Вполне возможно, что мы стоим перед открытием, и это будет наш первый контакт с посланцами совершенно другого мира. Человечество Содружества ждет этого контакта уже много-много веков, но еще не разу ему не удавалось встретить именно друзей, а не родственников по разуму. Может быть, эта долгожданная встреча произойдет именно сейчас. Координационный Совет Земли принял экстренное решение: послать на С-28 капитанов-исследователей с целью наблюдения и уточнения данных об объекте-призраке, а также уполномочить их вступить в дружественный контакт с пришельцами. Кандидатуры капитанов выбрал компьютер, опираясь на личные психологические особенности каждого. Если кто-то из присутствующих здесь по каким-либо причинам не может принять участие в мероприятии, просьба объявить об этом сейчас же.

– Не верю я в бредни о друзьях по разуму, – вдруг шепотом высказался капитан Джой. – Исследования глубокого космоса свидетельствуют, что вероятность пересечения с таким же, как и у нас, но не человеческим разумом, практически равна нулю.

Эмиль боковым зрением наблюдал за друзьями: Андрей крутил кончик шнурка на кителе, Эдвин Юрас и силач Каллинка переглянулись, флегматичный Удилаш жевал хвостик

от вишни, и его смуглое лицо казалось каменным, Мияша прищурил и без того узенькие глазки, и его обычная дежурная улыбка сияла безупречными зубами. Никто не собирался отказываться.

– Значит, вы готовы сейчас же вылететь к С-28?

– Да, – прозвучало хором, и тон этого «да» был какой-то озорной и приподнятый.

Уже через две минуты капитаны находились в заранее маневровых катерах и неслись к С-28. Время подлета составляло 17 минут 38 секунд. Капитаны молчали, улыбаясь друг другу по стерео и прослушивали экспресс-информацию о С-28 и ее окрестностях.

Серая, маленькая и дырявая, как решето, планетка проходила под дюзами совсем рядом. Катер трясло от постоянных перемен гравитационного поля. Прямая, скрупулезно высчитанная компьютером, поминутно начинала напоминать петли, и тогда Эмиль брался за ручное управление и выравнивал машину. Нужно было снижаться. Началась рискованная зона. Предостерегающе замигал всеми контрольными огнями терминал. Эмиль выключил автопилот и сконцентрировал управление в своих руках.

– Что там с гравитацией? – задал он вполне отчетливый мысленный вопрос.

– Изменяется, – ответила машина и начала выдавать предельные параметры.

– Честно говоря, ничего не понимаю! – буркнул сам себе капитан и тут же любезно обратился к компьютеру: – А у тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

– Я не мыслю как человек, я – бортовое киберустройство, – бесстрастно ответил компьютер.

– Извини, вопрос был некорректен. Жаль, что ты не «Семерка». Ну да ладно, ты мне все равно нравишься, – сказал капитан мысленно.

Он внимательно уставился в обзорный экран и переключился на ручное управление. Катер перестало встряхивать, хотя мнимая «прямая» курса все еще вычерчивалась на контрольном экране причудливыми линиями. Эмиль заложил крутую дугу и, продолжая балансировать, начал снижаться. Странные изменения гравитационного поля временами отличались огромной силой, а временами совсем затихали.

– Снижаешься? – послышалось из наушников. – Я тоже пытаюсь.

– Я над тобой, – прозвучал голос еще одного капитана тройки. – Буду снижаться за тобой с промежутком в пять секунд.

– Я пошел, – откликнулся Эмиль. – Квадрат открыт для снижения.

Он «забарабанил» по сенсорам терминала. Катер, повинувшись, накренился, нервно мигая индикаторами дюз. Навигационное устройство лихорадочно высчитывало бесконечно меняющиеся углы наклона и вычерчивало возможные курсы

снижения. Контрольный экран показывал ломанную линию на фоне ландшафта планеты, светящуюся сомнительно-желтенькой дорожкой.

«Если бы ты был человеком, то сейчас повертел бы пальцем у виска», – подумал Эмиль и сжал рукоять «джойстика».

Катер дрогнул и упал в расщелину. Контрольные экраны замигали. В наушниках послышались удивленные возгласы. Но Эмиль ничего этого не слышал и не видел. Все его ощущения и абсолютно все внимание были сосредоточены на управлении. Небо стремительно переворачивалось, высота упала до предела. Вот скрежетнула дюза, что-то забрякало по обшивке.

– Что случилось? Что случилось? – звучало в наушниках.

Наверное, со стороны это выглядело так, как будто потерявший всяческий контроль и управление катер кубарем падает в остроугольную пропасть. Теперь резкое торможение с одновременным выравниванием. Капитан в каком-то метре от скальных игл дна пропасти остановил и развернул машину. Опять что-то скрипнуло.

– Стабилизация систем достигнута, – сообщил компьютер тем же бесстрастным тоном. – Вторая дюза дает протечку десять процентов от аварийной.

– Нормальненько. – Капитан и не думал расслабляться и разветвлять управление. – Теперь оглянемся.

Катер плавно разворачивался. Сразу шесть высокоточных широкодиапазонных камер записывали и передавали изоб-

ражение, все датчики работали в штатном режиме. Вдруг гравитационное поле опять изменилось, планетка резко сделалась в полтора раза тяжелее. Катер неумолимо потянуло днищем на острия скал.

Однако реакция Эмиля была мгновенна и безошибочна. И катер, как лошадь, во всем подчиняющаяся умелому жокею, резко «подскочил», не успев напороться на скалы, сделал «свечку» и начал медленно подниматься из пропасти. Тут нагрузка резко упала. Катер подбросило, да так сильно, точно выбитую теплым шампанским пробку. Но капитан твердой рукой затормозил, «обуздал» машину и отвел ее подальше от опасной скалистой стенки.

И тут вспыхнуло солнце! Эта первая ассоциация сменилась удивлением, а потом и ужасом под аккомпанемент грохота в наушниках. Нехороший, алый с белыми проблесками, свет на секунду озарил терминальную панель и погас, опять сменившись серостью пыльного неба планетки. Эмиль огляделся. Наверху, в прорези краев скал, на фоне бледных звезд светились мертвенными, беловатыми огоньками две точки. Катеров его напарников больше не существовало.

Эмиль направил машину вверх.

– Опасность, – ледяным тоном проговорил компьютер. – Связь прервана, центр настаивает на немедленном возвращении.

Эмиль не слушал. Его взгляд упал на странный вид – щербатую, всю в трещинах, скалу. В ее основании было отвер-

стие почти правильной формы. Таких отверстий здесь было множество. Планетка когда-то, лет триста тому назад, активно разрабатывалась как рудник. Именно для этого она была поймана и отбуксирована сюда, в район Солнечной системы, и поставлена на самостоятельную круговую орбиту вокруг Солнца. Тогда это был грандиозный проект. Еще лет пятьдесят назад некоторые выдвигали различные проекты использования этой ставшей ненужной в результате замены почти всех природных элементов синтезируемыми из света аналогами планетки. Но все эти проекты остались без внимания. Пока что здесь функционировал автоматический центр наблюдений и базировался маленький жилой городок, который совсем уже зачах. Бывали целые месяцы, когда в этом «городке» не было ни души. Даже вездесущие туристы не соблазнились С-28. Все хотели к лучезарным звездам или на старую добрую Землю, но уж ни за что не желали прозябать на сером нумерованном астероиде.

Но нестабильности гравитации тут никогда не было. Планетка была прекрасно отбалансирована, предел возможного изменения массы равнялся почти девяти десятым. Это Эмиль хорошо помнил, и еще он помнил, что отверстия по старой традиции делали круглыми. Стоп! Круглыми, а это было чуть вытянутым. Или показалось? Проверим.

Эмиль еще раз плавно развернул катер и медленно двинулся вперед. Вот она, чуть вытянутая дыра, края из блеклого оксида какие-то подозрительные, как будто бы только что

оплавленные.

Кажется, я нашел, – почти шепотом проговорил Эмиль. – Квадрат 32 78, передаю изображение поверхности.

– Немедленно назад! Вернитесь на базу! – звучало в наушниках.

– Возвращаюсь...

Эмиль начал плавно поднимать машину из пропасти. Очередной раз резко поменялась гравитация. Катер тряхнуло и потянуло вниз и почему-то вбок, как будто специально норовя прижать и протащить по неровностям стенки пропасти. Терминал «взбесился» аварийными огнями в условиях нулевого запаса свободы, жалобно заскрежетала травмируемая обшивка.

Эмиль опять напрягся. Конечно, человек реагирует в миллион раз медленнее компьютера, но здесь играет большую роль интуиция – то самое «шестое чувство», которого нет у машины. Капитан снова вывел катер в почти вертикальное положение и дал самую малую скорость. Катер медленно, но устойчиво взбирался вверх, к солнцу, сквозь зубастую пасть расщелины. Колебания гравитации не прекращались, но были не такими сильными.

Машина наконец показалась из пропасти и парила на малой высоте над обезображенным внешними дырами хребтом.

– Немедленно возвращайтесь! – опять прозвучало в наушниках.

Капитан не ответил. Он вдруг понял, что не вернется на базу. Может быть, вообще никогда никуда больше не вернется. На поверхности, там, где только что была чуть вытянутая, но, в принципе, обычная дыра, теперь было видно матовое кольцо с маленьким локатором сбоку. И локатор устоялся своим открытым «кулачком» прямо на катер. Во всяком случае, так показалось Эмилю. Этот «глаз» предвещал ужасное. Эмиль тут же понял, что мгновенное алое зарево и горящие в пыли над дырявым хребтом катера – это дело именно этого прибора. И от него нет спасения, уже нет спасения! Тень пропасти уже не прикроет его катер, она слишком далеко, целых несколько секунд!

Раздумий почти не было. Эмиль мгновенно сконцентрировался, сдавливая «джойстик» и шля мысленный приказ управляющим системам машины. Катер развернуло и рвануло вперед мгновенной силой дюз. В тот же момент багряное зарево ослепило и оглушило капитана, и он потерял сознание.

Кошечка очнулась, вся растерзанная, поцарапанная и грязная. Как она попала в эти пустынные отсеки, она не помнила. Острый обломок арматуры впился в бок, и лежать было крайне неприятно. Она пошевелилась, потом встала на четвереньки и поползла, царапая нежные коленки об холодный и шершавый пол. Но силы оставили ее, и она легла на живот, прижавшись щекой к грязному покрытию. Вдруг она

почувствовала, что чья-то рука коснулась ее. Она по-животному испугалась. Неужели еще кто-то? Неужели не все насытились? Кошечка зажмурилась. Кто-то осторожно переворачивал ее.

«У меня, наверное, сломана нога. Если это начнется опять, то я умру от боли!» – с ужасом думала она.

Но насилия не последовало. Кошечка почувствовала, что кто-то низко наклонился над ней, внимательно рассматривая, но почти не касаясь. Тут любопытство пересилило ужас, и она открыла глаза.

Совсем близко к своему лицу она увидела глаза, в первую секунду показавшиеся ей просто огромными и неестественно яркими. Рассматривая лицо, она лихорадочно соображала, кто бы это мог быть. И вдруг поняла: такого человека ни в команде, ни среди наемников не было, да и быть не могло. Кошечка много раз наблюдала парней с таким по-детски открытым взглядом, но только по визору в ее любимых приключенческих фильмах об освоении Вселенной или о каких-нибудь войнах с вымышленными врагами и монстрами. В реальной жизни ей такие люди пока не встречались ни разу.

В голове у Кошечки все мутилось от боли, аж черные «мушки» рябили. Тем временем чужак внимательно осмотрел Кошечкины ноги и осторожно дотронулся до ее правого колена. Кошечка охнула.

– Сейчас станет легче, – сказал незнакомец, как будто

успокаивая, и вдруг сильно дернул ее за ступню.

Кошечка взвизгнула, выругалась и ударила его ногами.

Он закрылся руками и откачнулся, уклоняясь. Потом удовлетворено констатировал:

– Подвижность полностью восстановлена. – Тут он достал из кармана что-то радужно-яркое и показал девушке: – Хотите конфетку?

Кошечка почувствовала, что боль стала не такой сильной, как раньше.

– Что? – переспросила она. – Конфетку?

– Почти так, – ответил незнакомец и ловко положил ей в приоткрытый рот радужный шарик.

Шарик был приятен на вкус. Кошечка несколько раз облизнула его и загнала языком за щеку. Силы ее вдруг увеличились, и боль стала быстро утихать, даже ссадины перестали нудеть. Черные «мушки» перед глазами окончательно исчезли.

– Что это за конфетка? – спросила она.

– Это быстродействующее обезболивающее, – спокойно ответил чужак. – Ну, как вы себя чувствуете?

– Гораздо лучше, – сказала она. – А зачем вы меня дергали? Ведь у меня, кажется, сломана нога.

– Она была только вывихнута. – Незнакомец улыбнулся. – Теперь все в порядке.

– Мне это все снится, а вы – сказочный доктор, – проговорила Кошечка, тоже улыбаясь. – Хороший сон. Я не хочу

просыпаться.

Незнакомец нахмурился. Лицо его стало серьезным и грустным.

– Нет, это не сон. И я не сказочный доктор, а ваш пленник. Вставайте, на металлическом полу недолго простудиться.

Кошечка вскочила. Его слова подействовали на нее как ушат холодной воды. Только сейчас она вдруг поняла, что перед ней тот самый камикадзе недоделанный, сумасшедший псих, из-за которого... Она тут же замахнулась, чтобы ударить пленного, но поостереглась наткнуться на железо. Шею землянина охватывал металлический ошейник, от которого тянулась цепь, приковывающая его к стене трюма.

– Встать и покорствоваться, мозгляк, когда с тобой говорит властелин Вселенной! – почти крикнула она, до боли сжимая кулаки от внезапного разочарования.

Землянин послушно встал и даже голову слегка склонил (впрочем, вряд ли из-за какого-то особого почтения к «властелину Вселенной», просто ростом был на голову выше девушки). «А сложен-то неплохо, и улыбка приятная...» – пронесли в мозгу Кошечки «крамольные» мысли, но она тут же застеснялась их и попыталась выкинуть из головы, заменив на придиричиво-брезгливое: «А пальчики-то, как у великосветской дамочки, тонкие и, похоже, даже с маникюрчиком... Как это ему их не переломали, когда, допрашивая, лупили куда ни попадя?»

На самом деле следов избиения у пленного было предо-

статочно: и физиономия «рихтована», и на шее глубокая запекшаяся ссадина, а левая рука выше локтя перевязана окровавленным лоскутком. Но общий его вид все равно выражал спокойствие и уверенность, он ничуть ее не боялся, а даже наоборот.

Тогда, взбешенная таким «неуважением», девушка неожиданно изловчилось и ударила его по раненной руке. Землянин отступил на два шага. Кошечка заметила, что зрачки его расширились от боли, в остальном же выражение лица не изменилось.

– Размазня, – произнесла она высокомерно. – Ты должен защищаться или хотя бы огрызаться. Терпеть обиду от слабейшего – самое унижительное. Слабые должны бояться сильных.

Землянин только покачал головой.

– Ну, тогда получай еще! – обозлилась Кошечка и хотела ударить пленного повторно, но тот на этот раз увернуться и попятился настолько, насколько позволяла цепь. – Слабак и трус! – презрительно усмехнулась Кошечка. – Ты умрешь страшной смертью, если я этого захочу. Впрочем, тебе и так осталось недолго жить.

Она развернулась и медленно направилась к люку. Она чувствовала, что все еще находится в пределах досягаемости для пленника. Вдруг в голове промелькнула мысль: «А что, если он сейчас сзади накинется на меня?»

Девушка резко обернулась, изготовившись к обороне.

Землянин стоял на том же месте в той же позе. На повязке обозначилось пятно свежей крови. Пленный совсем не соби-рался нападать. Он просто наблюдал за ней. Просто внима-тельно смотрел.

Кошечка развернулась и быстрым шагом, уже не огляды-ваясь, пошла к люку.

Кошечка сидела на мягком диване в персональном ка-ют-кабинете сэра Рича. На самом деле у нее было имя, у нее была даже фамилия -родовое прозвище, переходившее из поколения в поколение. Как это было давно! Лет двадцать тому назад маленькая девочка, с лентой в крысиной косичке, в длинном мамином платье, сидит в детском креслице и складывает в пирамидки зеленые и красные стеклянные кружочки. Стальные заклепки потолка, начищенные рабами, напоминают звезды. По стенкам на коврах развешено ору-жие... Но нет, нет... лучше не вспоминать о своей комнате, полной всяких блестящих вещей...

...В хрустальном кувшине белая лилия.

– Мама, почему меня так зовут?

– Посмотри в зеркало и потом на этот цветок. Ты сразу поймешь...

– Но мы не так уж похожи...

Мама смеялась, а потом шла во внутренний дворик. Она шла, шла, ее каблучки стучали по полу коридору... Мамы больше нет, цветка в кувшине тоже нет, палисадника дав-

но нет... коридор... Коридор и крыльцо остались. Она помнила, как в последний раз споткнулась о вылезший гвоздь. Сколько лет протекло со времен мамы и палисадника? Она выросла и похорошела с того времени. Она часто заглядывала в зеркало, но никто уже не сравнивал ее с цветком. На Джорджии не росли цветы. Без мамы не росли. Сколько раз она уезжала и возвращалась в этот дом к отцу, она не помнила. Да и не хотелось вспоминать. Кровь и грязь лились рекой. Из-за нее дрались. Ее продавали, покупали, проигрывали, пользовались ею, ею любовались, и ей завидовали, ее дарили и опять продавали. Ей было наплевать. Ее считали роскошнойшей кралей и шикарнейшей телкой. Но все это была суета, а потом разочарование, пустота и тоска...

...Сэр Рич был ласковый и щедрый мужчина, он был совсем не стар, богат и вдобавок даже красив. Кажется, она влюбилась..., или нет, просто сильно увлеклась. Рич нежно обнимал ее и подливал в бокал мартини. Ей нравилось, как странно сладко кружится голова. Он дарил ей дорогие шмотки и украшения. Он обещал ей стать властителем мира, а она рассчитывала стать его властительницей. Она одурманит его любовью, подомнет под свой каблучок. Детские мечты! Ах, как она была молода когда-то! Кошечка заглянула в зеркальце пудры. Она и была еще молода! Зато стала не так глупа. Эти безделушки! Кошечка провела пальцем по пыльному ларцу. Кому они нужны? Как давно она не слышала нормальной человеческой речи. Одни ругательства! Не с кем

поговорить! Ах, со своим любовником? О чем же? Она ему не нужна как собеседник, не нужна как человек! Это она поняла совсем недавно, и, может быть, поэтому Рич показался ей каким-то противным и даже страшным. Она стала его побаиваться и даже исподтишка ненавидеть. Никак не могла дождаться возвращения. Отпустит ли он ее? Как же! Держи карман шире. Придется что-нибудь придумывать. Может быть, Рич ей просто надоел? Она не знала, как объяснить свои чувства. Она не любила его, она и раньше не любила его... а теперь... теперь... Может быть, ей было просто скучно, нечем заняться? Сэр Рич берег ее, как драгоценность в стеклянной коробочке, не давая для развлечения друзьям. А может, просто брезговал своими подчиненными и хотел единоличного владения сокровищем? Ведь женщина на корабле была одна. И вот он предал ее... кинул своим «оголодавшим» подчиненным, как сахарную кость псам ...

Она ощупала синяк на коленке. Было больно, кожа посинела и опухла. Кошечка закурила сигарету, однако не принесшую ожидаемого расслабления. Горьковатый дым заставил кашлянуть и взвился облачком к потолку в кондиционер. Тогда Кошечка легла поудобнее на диван, вытянув болевшие ноги. Потянулась, чтобы достать пепельницу. Пепельница выскользнула из пальцев и раскололась на две сверкающие части. Сигарета тоже выпала из приоткрытых от досады губ и тут же погасла в огнеупорном ворсе ковра.

Неслышно вошел Рич. Он сел на диван и властно сгреб

Кошечку в свои объятия. Кошечка попыталась было отвернуться от него.

– Ты сердисься на меня. Ты устала, – подобострастно проговорил Рич. – Я искуплю свою вину, моя королева, наши неудачи временны. Мы починим корабль и снова ринемся на покорение Вселенной.

Кошечке стало противно, но она не показывала виду.

– Ты простишь меня, простишь! Команда должна была успокоиться... – продолжал Рич, целуя ее плечи. – Они были грубы с тобой. Со временем мы накажем их за это. Только вот прибудем на базу.

Кошечка сжалась, пытаясь улыбнуться. На губе давала знать себя ссадина.

– Ты устала и немножко приболела, – противным сладким голосом «пел» Рич. – Засни. Я помассирую тебе ноги.

Кошечка перевернулась на живот, уткнулась носом в пахнущую сигаретами подушку и постаралась забыться и уснуть. Но сон не шел, в голову лезли мысли о пленном земляшке и о его «конфетке». Вот бы сейчас такую конфетку и не думать ни о чем. Как он сказал? Обезболивающее. А может, это яд? Может быть, этот ублюдок решил напоследок погубить кого-нибудь еще на этом корабле? Кошечка вскинула глаза на часы: прошло уже почти четыре часа со времени принятия «конфетки». На яд не похоже. Кошечка пощупала пульс: все было в полном порядке. Мало того, мелкие царапины и синяки уже не болели, а некоторые из них

просто исчезли. Землянин не соврал, это было действительно отличное обезболивающее. Прекрасное обезболивающее, которое вдобавок обладало еще и заживляющим эффектом. Тогда зачем он дал его враждебному человеку? Может, он думал, что она – одна из землян? Чушь! Более глупой мысли просто не может прийти в голову. Тем более что он вроде бы прекрасно осознавал происходящее. Он назвал себя пленником. Он знает, что его жизнь в наших руках и эти руки все не собираются его ласкать и холить. Тогда зачем он отдал последнее? Последнее ли?

– Слушай, – обратилась Кошечка к Ричу, – Остались ли какие-нибудь личные вещи у пленного чужака, ну, того бешенного земляшки, которого вы зачем-то притащили на корабль?

– Да, но немного. – Сэр Рич посмотрел на Кошечку удивленно. – А почему это тебя интересует?

– Вчера я случайно встретилась с ним в трюме, и он...

– Я убью этого ублюдка сейчас же! – воскликнул Рич. – Как он посмел прикоснуться к тебе!

Интонация была наигранной. Он просто хотел угодить Кошечке.

– Да нет же, – спокойно сказала Кошечка. – Он просто угостил меня обезболивающей таблеткой. Вот я и подумала, может быть, этих таблеток при нем была уйма? Это такие радужные шарики.

– Обезболивающие таблетки? – переспросил сэр Рич. –

Ничего подобного не видел, хотя обыскивали со всей тщательностью. Вообще-то его скафандр сгорел почти полностью. Не понимаю, почему этот говнюк не сгорел вместе с ним.

Сэр Рич поднялся, открыл один из ящичков и высыпал его содержимое на столик. Кошечка увидела карманную планшетку «для записей» в золотистой обложке и тут же схватила эту красивую вещь.

– Дарю. – Сэр Рич поцеловал ее в плечо.

Кроме этого из ящичка выпала сплавленная так, что нельзя было прочесть ни имени, ни звания, не то бейджик, не то нашивка – вероятно, удостоверение личности землянина, и шарик. Шарик тут же «спрыгнул» со стола и закатился под диван.

– Смотри, – воскликнула Кошечка. – Это, наверное, такое же обезболивающее. Оно очень приятно на вкус.

Сэр Рич наклонился, пошарил рукой и вынул шарик. Кошечка взяла его и лизнула. Шарик не имел вкуса. Кошечка всмотрелась в него. Шарик был прозрачный, и в нем мерцало объемное изображение головки женщины. Женщина была красивая, улыбающаяся, чем-то похожая на Кошечку. Кошечка удивилась в первую секунду, а потом рассмеялась.

– Я это тоже забираю себе, – сказала она и засунула шарик в карман.

– Где ты прячешь обезболивающее? – в уже неподдельном

гневе кричал сэр Рич.

– У меня ничего нет! – повторял земляшка, когда двое верзил-солдат выкручивали ему руки.

– Говори сейчас же, а не то... – Рич врезал пленному по физиономии с такой силой, что у того голова откинулась назад. – Последний раз спрашиваю!

Землянин глядел открыто, прямо в глаза Рича, кровь текла у него из носа. Кошечка стояла тут же рядом и наблюдала. Какое-то странное чувство пробивалось сквозь ее обычное равнодушие, это чувство не было знакомо ей раньше, оно было ново.

Пленного повалили и стали бить ногами, но ни одного сто-на не было слышно. Земляшка молчал, стиснув зубы, и даже не пытался хоть как-то увернуться от ударов, только голову обхватил руками...

– Стойте! – вдруг сказала Кошечка и сделала над собой усилие, чтобы игриво улыбнуться Ричу: – Дорогой, ведь чужак действительно ничего не знает, и у него нет никакого обезболивающего... – Она удивлялась сама себе, но тем не менее продолжала: – Я все это выдумала. – Тут она игриво подмигнула солдатам и обняла сэра Рича за талию. – Я просто пожелала проверить тебя. Мне захотелось еще раз убедиться, что ты обожаешь меня так же, как и прежде.

Сэр Рич победно заулыбался, тут же забыв про «допрос», и, взяв Кошечку на руки, до боли крепко поцеловал ее в губы и понес в свою каюту. Солдаты, поняв, что «инцидент

исчерпан», тоже оставили пленного и отправились по своим делам.

Кошечка глядела через плечо Рича на неподвижное, скорчившееся на полу тело несчастного до тех пор, пока Рич не завернул за угол. Потом она расслабилась и поцеловала мужчину в шею, обвив своими тонкими руками его плечи. Сэр Рич прибавил шагу, и девушка слышала, как яростно колотится его сердце. Но ее это не трогало, она теперь считала, что это не любовь, а лишь кратковременная плотская страсть к красивой женщине. Но Кошечка все равно продолжала целовать его, зная наверняка, что он от этого в восторге. Он ничего не подозревает, и это отлично. Когда твой недруг считает тебя сообщником, ты можешь затевать за его спиной что угодно, он этого не заметит.

Обстановка на корабле вызывала серьезные опасения. Последствия неудачи сказывались на всем экипаже. Тем временем переходная зона приближалась так же неотвратимо, как сумерки, когда солнце скрывается за горизонтом. Никого уже не радовало, что преследование прекратилось. Четыре недели напряженного ожидания: «Догонят или не догонят? Отыщут в пучине пространства или не сумеют?», мучительный вопрос «Почему они не нападают? Ведь мы теперь беззащитны, как младенцы!» и откровенный ужас при внезапном появлении серебристых силуэтов вражеских кораблей на опознавателе и таком же внезапном их исчезновении

вконец измотали членов экспедиции.

– Надо быть совсем слепыми, чтобы нас не различать! – открыто «вещал» штурман. – Конечно же они нас прекрасно видят! Просто они играют с нами, как кошка с мышкой. Они появляются то спереди, то сзади, то сбоку, но не стреляют, а только посылают сигналы оповещения о своем присутствии. Лично я бы на их месте давно превратил нас в дуршлаг, хотя бы ради снисходительности к загнанному противнику. Скорее всего, они задумали что-то до того жуткое, что им даже не жаль ресурсов и времени, лишь бы помучить нас напоследок еще пару суток...

Эта мысль постепенно покоряла умы, и ужасная развязка казалась все неотвратимей и страшней, но проходил день за днем, даже неделя за неделей, а ничего не случалось. «Звездный волк» продолжал свой путь, нетронутый и беззащитный, в испуге кидаясь из стороны в сторону от преследующих его по пятам кораблей. Наконец, на исходе четвертой недели, враги опять появились во всей своей грозной красе, выстроившись как на параде, и, подав сигнал, переводимый на человеческий язык как «Прощайте, мы уходим», потом скрылись и более на определителе не появлялись. Сканер показывал чистоту пространства на сотни парсеков.

Вражеские крейсера (что это были именно военные крейсера, капитан Рич даже во сне не сомневался) ушли, хотя поверить в это смогли не сразу. Предположений о причине удаления земных звездолетов было столько же, сколько лю-

дей на корабле. Постепенно люди все же уверились в том, что враг действительно «отвязался», не вступая в драку. И тут началось всеобщее безудержное веселье, которое перешло в пьянку и озлобление на свое бессилие. Приступ безумной радости сменился беспросветной депрессией. Рич серьезно беспокоился о том, сможет ли корабль с неисправным щитом и перепившимся экипажем преодолеть переходную зону, полную природных ловушек вокруг цепочки черных дыр.

– Хорошо еще, что на «Волке» один из лучших штурманов Леи, – рассуждал сэр Рич. – Да и пилоты очень неплохие.

Тем временем обстановка на корабле накалялась. Кают-компания была вечно полна пьяными людьми. Больше всего Рич волновали наемные солдаты. Они совсем вышли из-под контроля. Между ними и коренными членами экипажа часто вспыхивали ссоры, что усугублялось усиленным приемом спиртного до полного абсурда. Пьяные наемники были совершеннейшим бедствием и вели себя вызывающе даже с самим капитаном. Сэр Рич опасался, что они устроят бунт с целью захвата власти на корабле. Теперь капитан Рич лавировал между двух огней: приходилось подыгрывать наемникам, иногда даже кидать им в зубы девчонку, которая была не так уж ему и безразлична, а с другой стороны ограничивать выдачу спиртного экипажу. Но другого выхода у него не было. Кроме того, пришлось выдать экипажу оружие на случай внезапного восстания солдат. Но и это была палка о двух концах: наличие оружия сразу сказалось на поведении

команды. Подчиненные сразу обнаглели. Запрет на спиртное часто нарушался.

– Солдаты пьют, и мы тоже балуемся, – объясняли пилоты.

Сэр Рич штрафовал экипаж, даже однажды наказал карцером зачинщиков, но принять более серьезные меры не решился. Еще одна капля недовольства могла стать последней и в без того полной чаше, которой стал «Звездный волк». Тем более что первым «запевалой» почти всегда оказывался штурман. Он чувствовал свою незаменимость и потому безнаказанность и все более наглел. Бывало, что он целыми днями лежал в своей каюте мертвецки пьяный, а потом, злой, с красными выпученными глазами, хозяйничал у пульта управления и ссорился с пилотами.

– Почему же земляне ушли? – недоумевал сэр Рич.

Подобный поступок был необъяснимым и поэтому вызывал тревожное любопытство. Предположений было много, но какое из них является верным, Рич не знал.

– В конце концов, пленный наверняка знает причину, – рассуждал капитан. – Стоит с ним поговорить и заставить выдать их мотивы, хотя, похоже, слюнтяй-то – дрессированный, все по уставу... Скорее всего, врать будет напропалую, больно уж взгляд честный... – И он отправился в трюмный отсек.

Когда за ним увязалась Кошечка, он не возражал, а только шутиливо спросил:

– И тебе интересно послушать, что будет плести этот ублюдок?

Кошечка не ответила. Она прекрасно помнила, что, когда уж совсем не было спасу от назойливых наемников, она убежала и пряталась в трюме за контейнерами. Она всегда пробегала мимо земляшки и потом, за ящиками, ожидая появления рассерженных преследователей, гадала: «Выдаст, не выдаст?». Наконец появились наемники. Они шли шумно, непристойно ругались и спорили, кто первым займется любовью с ней. Когда они входили в отсек, ругань на минуту смолкала и слышался всегда один и тот же вопрос:

– Заходила ли сюда девчонка?

И в ответ было всегда неизменное и четкое «нет».

Потом обычно Кошечка слышала ругательства в адрес земляшки и звуки избиения. Зачем пленник врал? Кошечке это было не совсем понятно, и сначала она удивлялась, а потом стала воспринимать это как почти должное. Но с каждым новым разом она опять переживала волнение «выдаст, не выдаст?». И он опять не выдавал, и солдаты, выместив на нем свою злобу и даже не догадавшись проверить пространство между контейнерами, уходили рыскать по другим отсекам.

Теперь Кошечка «по привычке» слегка волновалась: «Расскажет или не расскажет о ее импровизированной игре в прятки?

...Пленный встал при их появлении. Он конечно же пре-

красно знал, что появление людей в форме экипажа не предвещает для него ничего хорошего, так же, как и появление людей в металлизированных куртках солдат. Сэр Рич вплотную приблизился к землянину, приставив к его груди дуло мини-бластера. Тот отступил на полшага и прислонился спиной к стене. В пронзительно голубых глазах отразилось ожидание боли и неприятие таких отношений. Но страха не было. Он не был трусом, Кошечка уже поверила в это.

– Еще не сдох, падаль? – проговорил Рич, зло усмехаясь. – Если хочешь оставаться на этом свете еще несколько суток, то сейчас без лжи ответишь на мой вопрос...

Пленник уставился прямо в глаза сэру Ричу, не отводя взгляда и даже не мигая.

– Так вот, – продолжал Рич, – почему преследующие нас корабли ушли восвояси, не дав по нашему обнаруженному и беззащитному звездолету ни залпа?

Землянин ответил так:

– Это был конвой. После случившегося на астероиде, ваш корабль взяли в кольцо и проводили да границы освоенной территории. На сигналы «опознания» вы наверняка не отреагировали, в мирный контакт и вообще в какие-либо переговоры вступить категорически не желали, и они просто следили за вами, предупреждая о вероятной опасности встречные корабли и направляя вас восвояси во избежание повторных инцидентов.

Такой ответ настолько поразил сэра Рича, что он опустил

бластер.

– Врешь, – наконец сказал он. – Может быть, скажешь, что и атомных пушек на тех кораблях не было?

– Атомные пушки? – Удивление на лице земляшки было неподдельным и поэтому смешным.

– Ну, оружие, которым можно уничтожить вражеский корабль на расстоянии, – пояснила Кошечка.

Сэр Рич недовольно посмотрел на нее.

– Я не люблю, когда женщины лезут не в свои дела, – предупредил он.

Она замолчала, поджав губы.

– Того, что может уничтожать корабли на расстоянии, разумеется, не было. Уже триста лет звездолеты Земли не носят на борту орудий нападения.

– А как же вы воюете? – спросил сэр Рич с ноткой злой иронии.

– Мы не воюем. Последние вооруженные конфликты были так давно, что о них можно прочитать только в учебниках по истории.

– Ты опять лжешь! – Сэр Рич рассвирепел. – Не хочешь говорить правду и несешь всякий вздор. Ну, ничего, я заставляю тебя быть сговорчивее. – Он сжал бластер так, что хрустнул пластик.

– Я не лгу, – прозвучал голос пленника твердо.

«Конец земляшке, – подумала Кошечка и вдруг покачнулась как пьяная, чуть не упав. – Что такое?»

– Что происходит? – услышала она взволнованный голос Рича и немедленный ответ пленного:

– Корабль попал в сильную магнитную воронку. Его тянет к черной дыре.

Звездолет еще раз чувствительно трянуло. Кошечка ухватилась за ближайший контейнер, а сэр Рич не удержался на ногах и выругался, воскликнув:

– Да что же они, сволочи, там делают?

– Вероятно, за пультом никого нет, – последовал такой же скорый ответ землянина – И бортовой компьютер просто не в состоянии самостоятельно справиться с чрезвычайной ситуацией.

Сэр Рич вскочил и, неудачно задев бедром контейнер, побежал, прихрамывая, в другой конец корабля к рубке.

– Откуда ты узнал, что за пультом никого нет? – удивилась Кошечка. – Ты видишь сквозь стены?

– Конечно нет. – Пленник сел на пол, звякнув цепью. – Просто симптомы настолько очевидны, что подобный вывод напрашивается сам собой. Думаю, конструкция этого звездолета, а также принцип управления им вполне стандартны, а, следовательно, и реакция на подобные вещи тоже.

– Ты знаком с конструкцией корабля? – Кошечка помялась с минуту. – А он выдержит? Мы не погибнем?

– Не волнуйтесь. Это же в сущности рядовая «яма», в которую конечно же лучше бы было не попадать совсем, но и «выскочить» тоже достаточно просто. – Голос землянина

успокоительно смягчился, но Кошечка заметила, что, произнося эти слова, он отвел взгляд и вместо того, чтобы по своему обыкновению открыто пялиться в лицо собеседника, посмотрел в стену. – Сейчас ваш капитан отдаст приказ, чтобы штурман с пилотами предприняли необходимые маневры... Надеюсь, он прекрасно понимает, что нужно заняться этим как можно быстрее, так как без принятия экстренных мер корабль станет необитаемым уже через полчаса или самое большее минут через сорок.

Кошечка похолодела от этой мысли и спросила:

– Тебе страшно?

– Нет. – Землянин тихо вздохнул и опять уставился ей в глаза. – Скорее обидно.

– Обидно? – переспросила Кошечка.

– Будь я за пультом, выправил бы положение за пять минут. И вообще, если честно, то допускать такую тряску – форменное безобразие, не лезущее ни в какие ворота.

– Ладно, хватит мне с тобой трепаться. А то нашла себе собеседника, как будто и пообщаться здесь больше не с кем! – Она демонстративно сплюнула в его сторону и, стараясь выглядеть как можно равнодушнее, пошла по коридору, хватаясь за стены при вздрагиваниях и толчках.

В рубке царило замешательство. Сначала Кошечка не поняла, что здесь произошло, и впилась взглядом в Рича.

Сэр Рич был бледный как смерть и отчаянно, хотя и в пол-

голоса, ругался, скрючившись в капитанском кресле и глядя на экран сканера. Два пилотских и штурманское место пустовали. Средний монитор был разбит и обуглен. Произошло что-то явно ужасное.

– Что случилось? – в недоумении задала вопрос Кошечка.

Сэр Рич на секунду оторвался от сканера и прошипел:

– Иди к черту! Мы падаем на карлик.

Лицо его было испугано и зло. Тут, наконец, до Кошечки тоже со всей отчетливостью дошла суть происходящего, и она, уже по-настоящему испугавшись, начала оглядываться:

– Это правда? Ты не шутишь? – Ошеломленная, она больше не нашла слов.

– Этим не шутят, черт тебя подери! Пилоты и штурман перестреляли друг друга в самый неподходящий момент! – И сэр Рич разразился самой ужасной бранью.

Впрочем, объяснения были уже лишними. Кошечка наконец заметила бурые пятна на задней панели и грязные полосы на полу. Проследив взглядом направление этой «дорожки», она увидела сапоги, торчащие из-за не до конца закрытой двери туалетной комнаты, и это зрелище ужаснуло ее до глубины души.

– Боже! – прошептала она. – Корабль неуправляем! Нам осталось жить полчаса! Кто же проложит курс выхода из этого ада?

Сэр Рич не отвечал.

– Кто это сделает? – зарыдала Кошечка.

– Уберите ее из рубки, эй, кто-нибудь! – рявкнул капитан.

Тут же влетели двое охранников и потащили ее к выходу.

– Стойте! Стойте! – Кошечка вырвалась из рук солдат и уцепилась за спинку капитанского кресла. – Я знаю, кто нас спасет!

Охранники оторвали ее от кресла и уже совсем выволокли было из рубки, но сэр Рич остановил их.

– Подождите, – сказал он, и на его лице отразилось подобие надежды. – Оставьте ее в покое. – И уже обращаясь к Кошечке: – Так что же ты, милая, знаешь?

– Земляшка! – выпалила она.

– Земляшка? – Лицо Рича приняло брезгливое выражение. – Уберите ее к чертовой матери в каюту.

Охранники снова схватили Кошечку.

– Земляшка сказал, что сможет выправить положение за пять минут! – завопила она. – Он разбирается в управлении звездолетом!

– Уберите ее в каюту, – повторил, морщась, Рич и, подождав, когда ее визг затихнет, а солдаты вернутся, приказал: – Пленного сюда. Ошейник снять. Да поаккуратнее там с ним: не пинать, рук не ломать, по башке не бить! Он мне нужен не только живой, но и в ясном сознании. И побыстрее, времени совсем почти не осталось... Да, и позовите еще кого-нибудь по дороге, пусть утащат трупы.

– Так ты утверждал, что сможешь вывести корабль из этой

трясины за пять минут? – Сэр Рич смотрел на землянина почти ласково.

– Да. Но сейчас...

– Чертов хвостун! – прошипел Рич.

– Но сейчас корабль ушел ближе к карлику. Поэтому на расчеты и маневр потребуется несколько больше времени, чем я предполагал вначале.

Лицо сэра Рича опять ласково заухмылялось.

– В таком случае, если ты сможешь мне управлять кораблем, то я... – В этот момент он увидел Кошечку, подглядывающую и подслушивающую из-за полуоткрытой двери, и закончил мысль: – Я даю слово капитана, что тебе будет сохранена жизнь. Стоит на время забыть, что мы – враги, ведь у нас нет другого выхода. – И сэр Рич улыбнулся. Улыбка получилась только на одной половине лица, вторая же половина осталась испуганно-серьезной, и от этого общее выражение стало очень похоже на гримасу боли.

– Я готов помочь. – Голос пленного был тверд и спокоен, а глаза внимательно следили за изменениями показаний приборов на терминальной панели. – Господин капитан не возражает, если я займу штурманское кресло?

Рич кивнул.

...Теперь, когда на месте штурмана был пленный земляшка, Кошечка почти перестала бояться гибели, но на смену этому чувству пришло необъяснимое волнение и дьявольское любопытство. Она уже перестала прятаться за дверь и

с интересом следила за происходящим. Наконец она совсем осмелела и, тихонько пробравшись у стенки, чтобы не привлекать внимание Рича, уселась в крайнее пустующее кресло. Теперь она могла наблюдать за всеми людьми, находящимися в рубке, не со спины, а сбоку.

За терминалом воцарилось молчание. Сэр Рич сжал губы и ждал. Молча стояли за штурманским креслом верзилы-охранники. Безмолвие нарушалось только мягкими сигналами датчиков терминальной панели, сливавшимися в довольно складную мелодию. Кошечка зафиксировала свое внимание на землянине. Пленник преобразился. Его глаза, казалось, излучали энергию, еле заметные действия пальцев были молниеносны и уверены, как будто он слагал не курс махины корабля, а настукивал по столу любимую мелодию. Его спокойное и сосредоточенное лицо отражалось в осколках среднего монитора. Кошечка была поражена: он вел себя так, как будто не было угроз, голодовки, презрения и побоев.

Наконец на терминальном экране появилась зеленая точка, вычерчивающая курс по магнитной «сетке», рядом высветились начальные параметры и расход энергии.

– Готово, – просто сказал землянин.

Сэр Рич встрепенулся и, положив руки на терминал, поглядел на расчеты.

– У нас стопроцентно снесет носовую надстройку, – нахмурившись, сказал он.

– Надстройку? – Землянин на секунду задумался. – Она

не логична к данной конструкции.

– Однако она есть, – прошипел сэр Рич, пытаясь не обнаружить мгновенно вспыхнувшую ярость.

– Извините, – простодушно смутился землянин. – Я немедленно сделаю поправку. Времени для этого достаточно.

Он опять углубился в расчеты. Сначала, повинувшись его мановению, на экране возникла схематическая планировка корабля, потом схема и параметры надстройки, потом по экрану с все нарастающей скоростью поехал какой-то текст из символов, букв и цифр, которые Кошечка просто не успевала даже толком разглядеть.

– Придется кое-что изменить, – сказал землянин и набрал что-то на пульте.

Некоторые данные тут же стали иными.

– Теперь устраивает? – спросил пленный, глядя на капитана с совершенно идиотской в данной ситуации доброжелательностью.

Сэр Рич кивнул и насупился, он пытался скрыть кипевшую в нем ненависть. Глупый земляшка смотрел и не видел, но зато Кошечка очень хорошо в этом разбиралась.

«Рич уничтожит тебя, просто в порошок сотрет, как только ты ему разнадобишься, – подумала она. – Он так же легко отказывается от своих обещаний, как и дает их».

– Первые пять секунд маневра будет перегрузка, – предупредил землянин.

– Знаю, – фыркнул Рич и взял старт.

В одно мгновение все стало тяжелее. Кошечку ощутимо вдавило в кресло, и она услышала стук. С трудом повернув голову, она увидела, что охранники сели на пол от неожиданности свалившейся на них тяжести и один из них даже выпустил оружие из рук. Бластер упал прямо к ногам пленного.

«Вот где земляшка рассчитал взять верх!» – ураганом пронеслось в мозгу у Кошечки. Все выходило как в лучших боевиках: сейчас он схватит бластер и одной очередью... Она чуть не закричала в порыве азарта: «Ну! Давай!»

Но ничего не произошло. Землянин даже не обратил внимания на бластер. Перегрузки прекратились так же мгновенно, как и начались. Солдаты вскочили, оружие было поднято.

– Недотепа! Упустить такой шанс! – чуть не вырвалось у Кошечки. – Дурень!

Землянин повернул голову к ней и участливо спросил:

– Вам плохо?

Кошечка отвернулась. Ее мнение о нем рушилось, как песчаный замок под первым ударом волны. Пленный чужак, как оказалось, совсем не подходил на роль «киношного» супермена.

Экран заметно просветлел. Магнитная сетка, символизирующая напряженность поля вокруг корабля, становилась все реже и ровней, пока не сравнялась с привычным фоном.

Сэр Рич вытер выступивший на переносице пот и потре-

бывал:

– Кошка, подай коньяку! Теперь можно и расслабиться немного.

Кошечка принесла два бокала на круглом подносике и остановилась перед Ричем. Сэр Рич схватил бокал и мелкими глотками выпил его содержимое. Его лицо было усталым и недовольным. Кошечка, не подавая виду, что заметила это, развернулась к землянину. Сэр Рич грозно сопел сзади. Лицо пленного приняло выражение, которое обычно предшествует вежливому отказу. Он уже было открыл рот, чтобы сказать что-нибудь вроде «нет, спасибо», но тут Кошечка неожиданно получила довольно сильный толчок в спину. Она то удержалась на ногах, но бокал, сверкнув хрустальными гранями, полетел на пол. Это были любимые Кошечкины бокалы. Это были единственные вещи, которые она взяла из дома, «бокалы удачи», как называл их отец, и единственная посуда такого рода на корабле. Кошечка зажмурилась, ожидая услышать прощальный звон хрусталя, и простояла так несколько секунд. Но ожидаемого звона и разлетающихся в разные стороны осколков не последовало. Наконец Кошечка открыла глаза и посмотрела на пол, потом перевела взгляд на сидящего перед ней землянина. Тот с невозмутимой, хотя и не очень довольной миной рассматривал содержимое бокала. Бокал был цел: очевидно, земляшка успел поймать его налету. Кошечка облегченно вздохнула и обернулась к сэру Ричу.

– Черт подери! – Рич поморщился. – Сколько я должен ждать, чтобы поставить эту рюмку! – И он опустил свой бокал на поднос так резко, что Кошечка даже испугалась, что подломится тонкая ножка.

Потом Кошечка снова обернулась и посмотрела на землянина. Тотпил алкоголь, и, видимо, делал это впервые в жизни. Наблюдая за ним, Кошечка вспомнила, как она, будучи еще маленькой девочкой, хлебнула в первый раз виски, и ей стало ужасно смешно.

Земляшка явно через силу допил содержимое бокала, лицо его было кислым, хотя он и старался не выдавать, что напиток пришелся ему далеко не по вкусу. Он поставил опустевший бокал на поднос и хрипло сказал:

– Большое спасибо.

Кошечка не смогла удержаться от хихиканья, глядя, как пленный медленно «зеленеет». Сэр Рич тоже запоздало уловил, в чем дело, и захохотал во все горло, разом сбрасывая накопившееся раздражение. Стражники вторили ему в два пропитых голоса. Наконец сэр Рич перестал смеяться и приказал:

– В каюту пилота его. И охранять там эту немочь, чтобы спьяну чего не натворил...

Землянина увели. Он уходил нетвердой походкой, раскачиваясь во все стороны и ловя равновесие, как канатоходец. Когда шаги затихли за дверью, сэр Рич повернул голову к Кошечке и сказал:

– Кто не умеет пить - тот не мужчина! И таких беспомощных ублюдков они послали нам наперерез! Оказывается, нет ничего странного в том, что земляшки так и не решились напасть на нас. – И он снова засмеялся, презрительно фыркая и скаля ровные зубы.

Кошечка понимала, что он совсем не верит в то, что сейчас сказал. Просто он не терпел людей, знающих и умеющих больше него, и всегда находил в таких людях какие-нибудь недостатки, делающие их, по его мнению, совершенно недостойными какого-либо внимания.

Всю ночь Кошечке снились странные сны. Последний сон был просто отвратителен: ей пригрезилось, что весь корабль наполнен пьяными мертвецами и они шатаются по всем отсекам и орут песни на каком-то дьявольски непристойном диалекте. Кошечка бегала от них по коридорам, но они ее все равно находили, тянули окровавленные лапы, и она снова и снова убегала в полнейшем ужасе. Наконец она нашла дверь своей каюты. На пороге стоял сэр Рич и протягивал к ней руки. Полная радости, что нашла спасение, она бросалась к нему и видела пустые глазницы и дыру в черепе. Сэр Рич, нет, это был уже не сэр Рич, а замерший в мертвом оскале штурман коснулся ее ледяными руками, она отпрыгнула и наткнулась на что-то липкое, душашщее, закричала, не слыша своего голоса, и... проснулась. Рядом мирно сопел во сне Рич, неплохой, в сущности, парень, но последнее вре-

мя сильно осточертевший. Кошечка осторожно выбралась из его объятий и оделась.

Чем ближе корабль подходил с Федерации Семи Солнц, тем чаще она задумывалась о том, как бы вернуться домой. Нельзя было позволить увести себя на Железную Леди – личную крепость Рича и базу его «Звездного волка». Кошечка понимала, что если это произойдет, то ей предстоит стать вечной пленницей «Леди». Оттуда то сэр Рич ее уже не отпустит, это точно! А ведь когда-то она жаждала стать хозяйкой этого астероида, даже загадывала желание, глядя на «падающую звезду». А теперь, когда эта глупая мечта вот-вот станет реальностью, ей ужасно хотелось побыстрее смыться домой и навсегда забыть об этих наивных детских глупостях как о бредовом кошмаре.

Наступила пора активно действовать. Но недавние происшествия нарушили все ее планы. Штурман был убит. А ведь она хотела купить у него одну услугу, ведь только он мог незначительно изменить маршрут и направить корабль ближе к Джорджии, ее родному дому. Далее шла более рискованная операция: предстояло подкупить одного из техников, чтобы он спустил часть энергии. Тогда «Волку» по неволе пришлось бы заправляться на Джорджии. Обошлось бы это не дешево, но, в конце концов, свобода – всегда очень дорогостоящая штука. А теперь? Подкупить техника она могла, но кто направит корабль прямехонько к Джорджии? Разве Рич? Нет, если ему представится случай выбирать, то он ни-

когда не выберет Джорджию. Кажется, Рич стал что-то подозревать, или все эти свалившиеся на него тревоги стали таким катализатором маниакальной осторожности и чрезвычайной подозрительности.

Кошечка сидела на кровати и думала. Проблема казалась неразрешимой, и вдруг ее как осенило. Земляшка! Ведь он не выдавал ее солдатам. Наверное, она ему нравится. А что, если договориться с ним?

Сначала она испугалась этой мысли, а потом решила, что все же стоит рискнуть. Ведь это последняя возможность.

«Я пообещаю земляшке, что заберу с корабля и тем спасу от неминуемой расправы. А перед этим расскажу о том, что его неизбежно ждет на «Звездном волке» по окончании экспедиции. Даже если он не согласится мне помочь и выдаст меня, я опять же мало что теряю: просто все остается так же, как и было».

Кошечка тихо встала и приоткрыла дверь. В коридоре было пусто, и только в кают-компании не смолкали пьяные песни. Кошечка скользнула за поворот. Двое охранников у каюты пилота были мертвецки пьяны и спали, сидя на раскладных стульях и положив бластеры на колени. Кошечка бесшумно открыла замок каюты личным бортовым ключом сэра Рича и вошла.

Каюта была чисто прибрана. Те немногочисленные вещи, которые не были растащены после смерти пилота, аккуратно лежали на своих местах. Кошечка даже удивилась про себя,

зачем это земляшке все убирать? Ведь эта каюта не принадлежала ему, напротив, она служила ему тюрьмой. Но потом, поразмыслив, она решила, что имеет дело с человеком, не терпящим хаоса в любой ситуации. Она не раз встречала таких людей, но все больше женщин, среди мужчин это качество было так же редко, как колодцы в пустыне.

Пленный не спал. Он, умытый и безупречно опрятный, сидел на койке, скрестив ноги по-турецки и положив на колени руки ладонными вверх. Глаза его были широко открыты, но невидящий, расфокусированный взгляд как будто проходил сквозь нее. Казалось, он молится или колдует. Кошечка опешила. Она хорошо помнила фильмы, где всяческие маги, колдуны и экстрасенсы, набирая черную силу таким же вот образом, мучили потом добрых людей злыми снами и вызывали на них какие-нибудь ужасные беды. Правда, это были развлекательные фильмы с перестрелками и любовными приключениями, где в конце концов супергерой побеждал злодеев, и все заканчивалось неизменным хеппи-эндом и так не походило на реальную жизнь, что Кошечка относилась к подобной чепухе с большой долей скепсиса.

В этот момент землянин «очнулся» и увидел Кошечку.

– Извините, – поспешно сказал он. – Я не хотел вас напугать.

– Я не из пугливых, – высокомерно заметила Кошечка. – Так, значит, это ты внушал мне такие гадкие сны?

– Сны? Внушал? – Земляшка даже растерялся. – Я вообще

не знал, что вы спали.

– Не прикидывайся. – Кошечка слегка разозлилась. – Ты – гипнотизер.

– Что вы! Я этим навыком пока не владею. Для этого нужны особый дар и длительные тренировки.

– Ну а зачем же ты это делал? – спросила Кошечка, демонстративно подняв руки кверху ладонями.

– Зачем? – Пленный слегка покраснел. – Помните, вы в рубке принесли напиток. Кажется, называется коньяк. Я сначала хотел отказаться, а потом... Я никогда ранее не пробовал ничего подобного. Для меня он оказался натуральной отравой. Простите, но, по-моему, так эта спиртосодержащая жидкость совсем непригодна для приема внутрь и так ядовита, что даже простое вдыхание ее паров опасно и нужна защитная маска. Мне стало ужасно плохо, отравление было таким сильным, что поначалу я даже подумал, что умираю... Потом вроде стало полегче, тогда я и решил заняться специальной гимнастикой, приводящей разум и тело в нормальное состояние. Сейчас уже все в полном порядке, только голова немного побаливает...

Кошечка тихо засмеялась:

– Я еще никогда не видела мужчины, который начал «склеивать лапы» с первой рюмки. Но хватит об этом. – Лицо ее приняло серьезное выражение. – Я хочу, чтобы ты проложил курс корабля как можно ближе к астероиду Джорджия и сохранил мой сегодняшний визит в тайне.

Землянин на секунду задумался, а потом твердо сказал:

– Хорошо. Я постараюсь сделать так, как вы хотите.

– И ты не спрашиваешь, зачем это нужно, и ничего не про-
сишь за услугу? – Кошечка была удивлена.

– Я просто не хочу показаться слишком любопытным, ведь причина и без того лежит на поверхности. – Землянин опять уставился прямо в глаза Кошечке. Лицо его излучало искреннее участие. – Я полагаю, что вы собираетесь посетить этот астероид или что-нибудь в непосредственной близости от него, но по каким-то очень веским причинам не желаете говорить об изменении маршрута с капитаном корабля. Именно это заставило вас обратиться ко мне, как к единственному человеку в данный момент, который может это сделать. В противном случае вы бы просто не решились разговаривать со мной об этом.

Кошечка с минуту молчала, пораженная, потом спросила:

– Но неужели ты не собираешься просить чего-то взамен?

– Не стоит благодарности. – Землянин еле заметно улыбнулся.

– И ты даже не хочешь похлопотать за свою жизнь?

– Капитан обещал мне ее сохранить.

Кошечка засмеялась над доверчивостью земляшки:

– Неужели ты всерьез воспринял его обещание, да еще данное в момент наивысшей опасности? Капитан Рич ненавидит и призирает тебя, и надо быть полнейшим идиотом, чтобы не видеть этого. Ты жив, пока без тебя не обойтись, но

не обольщайся, он расправится с тобой сразу же, как только ты разнадобишься... Сэр Рич безжалостен к врагам, а обещания выполняет, только когда это ему выгодно.

– Я не могу поверить, что капитан не держит своего слова. – На лицо землянина как будто напозла еле заметная тень. – Но если это возможно, значит, такова моя судьба.

Кошечке стало жаль его, но она сразу выбросила из головы это глупое чувство и как могла более внушительно сказала:

– Помни, про наш разговор никто не должен знать. Иначе... -Тут девушка не нашлась, чем пригрозить, и замолчала.

Пленный согласно кивнул головой и заверил:

– Не волнуйтесь, я не проболтаюсь. Клянусь.

Кошечка вышла. Поведение пленного казалось ей довольно странным. Он вообще был какой-то ненормальный, просто неестественно и лучезарно наивный, и это вкупе с его несомненной технократической «просвещенностью» и явной интеллектуальностью тем более поражало. Кошечка поймала себя на мысли, что эта ненормальность ей приятна. Земляшка внушал доверие. Девушка действительно верила, что он не выдаст, и это успокаивало ее. Теперь нужно было подождать, пока корабль подлетит к Джорджии, и тогда осуществить вторую часть плана. Кошечка закрыла дверь каюты на замок и также неслышно, как пришла, проскользнула в обратном направлении.

Она благополучно вошла в капитанскую каюту (Рич по-прежнему дрых без задних ног после обильного возлияния),

разделась и легла. Забыв про дурные сны, она устроилась поудобнее прямо у его теплого бока, перетянула одеяло на себя и закрыла глаза.

Землянин выполнял обязанности штурмана, а заодно и пилотов настолько безупречно, что сэру Ричу просто не к чему было придрататься. Корабль более ни разу не попал даже в малейший «водоворот», ни один метеорит не чиркнул по обшивке. Так что тут не было повода для беспокойства. Экспедиция близилась к концу. До базы оставалось не более трех суток, энергии хватало с лихвой, да и наемники присмирели. Но капитан был неспокоен: его тонкое чутье безошибочно определяло скрытую измену. Но откуда она подкрадется? Он с тревогой и подозрением всматривался в привычные лица, пытаясь вычислить, в ком таится скрытая зараза бунта.

Корабль подлетал к Джорджии. Сэр Рич приказал всем быть на своих местах. Кто знает, какие неожиданности их ждут? Хотя корабль шел и в нейтральном пространстве, но все-таки находился в непосредственной близости от границ населенной планеты. Такая версия маршрута несколько смущала сэра Рича. Однажды он даже задал земляшке об этом вопрос впрямую, когда тот корректировал курс. На что пленный, нисколько не теряясь, спокойно ответил:

– Господин капитан, просто этот путь самый безопасный. Я бы мог проложить курс рядом с Ариадной, но там, по сведениям автоматической сводки, активизировались метео-

ритные потоки. Можно легко нарваться на неприятности, ведь у корабля неисправен внешний щит.

Сэр Рич только скрипнул зубами. Раскованное поведение и тон пленного не нравились ему с самого начала, однако объяснение показалось убедительным и исчерпывающим. Ведь пространство в пределах Шестого Солнца действительно изобиловало метеоритными потоками. Целые пояса кружились вокруг светила. Именно поэтому эту часть Чернильной галактики называли Песочницей. У Шестого Солнца было двадцать восемь спутников, но только четыре из них были освоены. Это были астероиды распространенного типа «а ля естественные условия»: Ариадна, Джорджия, Мегера и Л-4 (Филиал Федерации Семи Солнц Лея-4), на которой базировались власть в лице губернатора (соответственно, имелся и пресловутый «исполнительный аппарат») и три военных крейсера.

«Звездный волк» уже сутки как снизил скорость. Слишком уж густо это пространство было засажено «препятствиями», а облетать Шестое Солнце было никакой выгоды: выигрыш во времени небольшой, но запросто можно наткнуться на какое-нибудь «теневое» тело или, того хуже, «налететь» на пограничный патруль, чего сэр Рич не желал более всего.

Шестое Солнце становилось ярче и ярче, минут через пятьдесят мелькнет по борту Джорджия. Неясная тревога все нарастала и нарастала в душе сэра Рича, а он знал, что предчувствия его никогда еще не обманывали. И наконец он

не выдержал и вызвал охрану.

В рубку ввалились двое солдат.

– Ты, – капитан указал на одного из верзил, – проверишь, все ли на положенных местах. Обязательно загляни к моей Кошке и охрану пленного проверь. Иди.

Первый солдат ушел исполнять приказание.

– А ты со мной. Мы сейчас обойдем все служебные отсеки.

Второй солдат кивнул.

Сэр Рич встал, одернул китель и потушил сигарету, докуренную до половины:

– Пошли.

И они вышли из рубки.

В служебных отсеках было, как и положено, совсем безлюдно. Сэр Рич терпеливо обходил помещение за помещением, оглядывая оборудование и контейнеры. В генераторном отсеке пахло озоном.

– Дрянные техники, – буркнул Рич. – Опять с перепою что-то прозевали.

В коридоре под стенной панелью «играло» искрой, должно быть, какие-то небрежно изолированные контакты. Сэр Рич сплюнул на пол и прошел дальше. В остальном все было в порядке. В преддюзовых отсеках было сумрачно и пахло плесенью, пылью и запустением. Металл скелета корабельной утробы смутно поблескивал, по углам валялся сор.

Наконец они добрались до люка с выдавленной надпи-

сью «Осторожно! Надеть защитные маски!». Сэр Рич открыл дверь, и из нее пахнуло застоявшейся вонью и духотой: вентиляция тут отродясь работала очень плохо.

Вошли. Сэр Рич окинул взглядом защиту емкостей с ресурсами и кожух распределительной системы. Потом ладонью стер слой пыли с малого монитора, показывающего состояние систем двигателей, в том числе и счетчик количественной наполненности, и на секунду окаменел: энергии, судя по данным, осталось самая малость аварийного запаса – минут на сорок движения, не более того.

– Что за чертовщина? – Сэр Рич приблизил лицо к монитору. – Сломался, что ли? На терминале только что показывало норму.

Он вскрыл панель контрольного блока и набрал код опознавания. Данные мигнули, появились дополнительная информация, содержащая расчет времени при постоянной работе двигателей в заданном режиме: сорок шесть минут одиннадцать секунд.

Тут капитан совсем «позеленел»:

– Что за дьявольские шутки? Бунт на корабле?

Вдруг сзади кто-то приглушенно чихнул. Рич и охранник разом обернулись. В проеме открытой двери мелькнула спина в темной куртке.

– Стой! – заорал сэр Рич. – Стой, диверсант! Стреляю!

Убегающий человек на долю секунды показался в «трубе» коридора. Еще мгновение и он бы скрылся за углом. Разда-

лась бластерная очередь.

Беглец всплеснул руками и, коротко вскрикнув, упал на повороте коридора с продырявленной шеей и спиной. Когда сэр Рич подбежал к нему, тот был уже мертв.

Сэр Рич оглянулся. Солдат стоял на месте и спокойно дозаряжал бластер.

– Неужели нельзя было только ранить? – недовольно прорычал Рич.

– Как получилось, так получилось, – ответил солдат.

Сэр Рич наклонился над мертвецом: это был младший техник, новый член экипажа, принятый на судно всего четыре месяца назад на последней стоянке. Он еще не успел прочно войти в команду и пока обретался на незавидных птичьих правах новичка. По жизни всегда хмурый и не особо общительный, к тому же обладатель не самой приятной наружности и потому частенько вызывавший смешки и издевки старых членов экипажа относительно его отношений с женским полом, парень точно не являлся самым счастливым человеком на корабле. Однако это обстоятельство вряд ли могло служить причиной таких странных «вредительских» действий, как намеренное «обескровливание» корабля. За его действиями стоял кто-то, кому подобная «беда» была однозначно на руку, и это сэр Рич прекрасно понимал.

Все члены сильно поредевшего экипажа по требованию капитана были срочно собраны в рубке. Все, кроме наем-

ников. Пленного земляшку тоже привели, и он с интересом созерцал собрание. Здесь были кроме капитана Рича и Кошечки старший техник, стрелок, изнывающий от безделья по причине неисправности атомного орудия, и четверо солдат, причисленных к команде.

Рич начал без предисловий:

– Кто еще не в курсе, почему мы здесь так срочно собрались, сейчас все поймет. Пять минут назад был застрелен младший техник. Я застал его при попытке скрыться с места преступления: он зачем-то «слил» в пустоту почти все корабельные ресурсы. Совершенно очевидно, что это действия он совершил по чьему-то злостному наущению, то есть его попросту кто-то подкупил или заставил каким-то иным способом.

– А может быть это наемники? – выразил подозрение один из солдат.

– Исключено, – покачал головой Рич. – Им это вообще ни к чему.

Он еще раз окинул взглядом всех присутствующих:

– Как бы то ни было, а у нас теперь нет другого выхода, кроме как садится на Джорджию в надежде, что там мы сможем получить недостающее.

– Джорджия! – вдруг вспомнил он. – Кошка, Джорджия – это твоя родная планета?

– Да. – Кошечка почувствовала, что ее план на грани раскрытия, и голос ее дрогнул.

– Значит, это ты решила сбежать домой? Может быть, ты еще и кораблем моим хочешь завладеть, пользуясь неисправностью щита и орудий? Неужели этого недоумка подкупила ты? – Капитан Рич уставился на нее гневно-прожигающим взглядом.

Заметно побледневшая Кошечка, из последних сил стараюсь не показывать вида, что ее план раскрыт, проговорила срывающимся голосом:

– Нет. Как ты мог такое про меня подумать! Это конечно же не я.

– Конечно же это не она, – громкий и убийственно спокойный голос перекрыл ее лепет.

Все, как один, уставились на пленного, который, воспользовавшись всеобщим удивленным замешательством, удобнее уселся в штурманском кресле и, с явным вызовом выдержав эффектную паузу, продолжил:

– Мне сейчас стоило бы промолчать. Тем более что капитан уже непререкаемо «вычислил» мнимую виновницу, и, в общем то, никто бы до последнего не догадался о том, что презренный чужак, которого все тут однозначно считают слабаком и размазней, задумал, и, главное, смог привести в исполнение подобное действие. Однако я считаю, что скрываться за слабой женской спиной просто неприлично. К тому же я уже окончательно осознал, что ваши обещания – обман, и жить мне осталось по любому совсем недолго, скорее всего, только до ближайшего причала. Да, сэр, это я направил

техника в энергетический отсек с совершенно определенной целью. Маленькая месть, господин капитан...

Признание было так неожиданно, что все замерли, и только сэр Рич, снедаемый страшной яростью, прорычал:

– Но как ты его уговорил?

– Гипнозом. Это же очевидно даже для непосвященных. – Пленный произнес это таким спокойным тоном, ухмыльнулся и даже слегка прищурил глаза, «устало» откидываясь в кресле, что Кошечка мгновенно осознала: он готов умереть прямо сейчас, он даже ждет немедленной расправы.

В наступившей после заявления тишине стало слышно, как в единодушном порыве были сняты с предохранителей пистолеты и бластеры.

– Просто пристрелить мало, – вдруг сказал сэр Рич. – Мы казним его позже, когда у нас будет достаточно времени и фантазии, чтобы эта скотина напоследок со всей отчетливостью осознала, кто здесь истинный хозяин. Он ведь сейчас просто провоцирует нас, хочет легко отделаться.

– Верно! – крикнул техник, а стрелок тут же добавил: – Этот гад должен умирать медленно и мучительно!

Один из стражников «вытряхнул» землянина из кресла, схватил за грудки, ловко съездил «под дых» и толкнул в сторону двери. Тут уж каждый посчитал своим долгом мимоходом «воздать по заслугам» пленному. Кошечка было хотела скрыться за спинами других, но заметила колючий взгляд Рича.

– А что же ты? Неужели щадишь эту коварную сволочь?

– Твои подчиненные меня оттеснили, – тут же нашлась она.

– Разойтись, – властно приказал сэр Рич.

Люди тут же отпрянули, оставив землянина стоять посреди рубки на коленях.

Кошечка подошла к нему вплотную и на секунду замерла в нерешительности. Тот даже мельком не глянул на нее, только покорно и даже как-то приглашающее склонил голову еще ниже, вытирая ладонью кровь с разбитой губы.

– Ну, что же ты? – спросил Рич. – Теперь тебе никто не мешает. Или ты ему все-таки сочувствуешь?

Кошечка взглянула на Рича почти в бешенстве. Менее всего сейчас она хотела быть уличенной в слабодушии:

– Я сочувствую?

И она резко ударила пленного ногой в остром модельном сапожке с такой силой, что тот упал и скорчился на полу, издав еле слышный стон сквозь сжатые зубы. Потом приняла красивую позу, размахнулась и ударила еще, уже с каким-то истеричным ожесточением. Раньше ей почему-то казалось, что он почти не чувствует боли или относится к ней с презрительным равнодушием, и поэтому все происходящее мнилось почти что постановочным фарсом. Но теперь она вдруг заметила, как с каждым ее ударом вздрагивает и сжимается его тело, и осознала, что причиняет ему нешуточные физические страдания. И тогда душа ее опять наполнилась непро-

шенной жалостью, и она отступила в сторону. Но этого уже никто не заметил. Все (тут даже Рич не удержался) набросились на пленного, и стали избивать, выплескивая нерастратченную энергию, накопившееся раздражение и подспудную обиду на весь свет.

– Довольно! – первым «очнулся» капитан. – Так мы прозеваем Джорджию. – И уже с должной расстановкой рывкнул: – По местам. Приготовиться к посадке. А эту падаль пока уберите.

Все бросились исполнять приказы капитана. Через полминуты в рубке остались только сэр Рич и Кошечка. Рич оценивающе окинул ее взглядом с ног до головы и ласково сказал:

– Ты прелесть, дорогая.

Кошечка с облегчением улыбнулась, игриво подмигнув ему. Опасный инцидент был исчерпан.

Тем временем на мониторе появился быстро растущий шарик нужной планеты. Сэр Рич отправил опознавательные позывные, запрос на посадку, и тут же начал торможение. Когда пришел положительный ответ (другого для них и не ожидалось), то «Звездный волк» уже «пристроился» на нужную орбиту.

Кошечка не смогла подавить улыбки и поэтому отвернулась и наклонилась, делая вид, что поправляет обувь, чтобы Рич преждевременно не заметил ее радость.

Джорджия уже занимала пол экрана «живого» обзора. И

вот наконец ощущение несущегося вниз лифта. Посадка! Ресурсов на пять минут.

«Даже не взлететь обратно на орбиту! Как точно я все рассчитала, – подумала Кошечка. – Осталось всего несколько минут до свободы, только бы сейчас не ошибиться!»

Корабль стоял на посадочной площадке Джорджии. Поднятая при приземлении пыль быстро рассеялась, и перед наблюдающими простерлась однотонная равнина с редкими холмами. Строения посадочной площадки казались безжизненными, но уже через минуту Кошечка заметила движение. На поле из укрытий вышло несколько вооруженных людей, но это были не основные «сторожа». В подземном ангаре находился хорошо вооруженный «полновесный» корабль, а в зданиях порта (да и по всей прилегающей поверхности) были установлены автоматические пушки и пулеметы.

Сэр Рич закодировал терминальный пульт и, взяв Кошечку под локоток, вышел с ней из рубки.

– Ты ведь будешь умницей и, конечно, поможешь договориться с твоим отцом, – сказал он ей. – Мы заправимся по минимуму и проследуем далее ко мне. – Он вдруг обнял ее и приподнял над полом, целуя в губы. – Ты просто не представляешь, как я тебя люблю! Мне не терпится дождаться того момента, когда ты станешь моей официальной женой и хозяйкой Железной Леди.

Кошечка промолчала и только благосклонно улыбнулась, томно опустив глазки в пол. Она была очень довольна, что

роль покладистой и любящей невесты ей прекрасно удается.

Все было готово к высадке, и сэр Рич дал сигнал открыть наружный люк и спустить трап.

Наконец-таки первый раз за такое долгое время Кошечка ступила на твердую землю планеты. И какую землю! Своей планеты! Но девушка сдерживала себя, ожидая подходящего момента для проявления своих истинных чувств. И вот такая возможность не замедлила представиться.

Две группы людей стояли друг напротив друга. Одна группа состояла из сэра Рича, Кошечки и трех солдат-охранников, другая – из «стражей» Джорджии. Наконец появилось и главное действующее лицо. Полноправный хозяин планеты и владелец всей без исключения недвижимости на ней сидел в потрепанном флаере и подслеповато оглядывал прибывших.

– Папа! – выкрикнула Кошечка. – Неужели ты не видишь, что твоя дочь вернулась домой?!

– Доченька! – Хозяин Джорджии, оставив всякую официальность, быстро вылез из машины и протянул руки к Кошечке.

Девушка отпихнула одного из солдат и бросилась к нему. Она обхватила его седую голову, осыпая поцелуями:

– Папочка, миленький!

– Милая моя девочка! Мы так долго не виделись, что я очень соскучился. Как долго тянулся этот год! – Хозяин Джорджии размазал по лицу выступившие слезы. – Ну, как

ты поживаешь? Похоже, что благородный капитан Ричардсон уже сделал тебе предложение, и ты теперь его официальная невеста и будущая жена?

Рич самодовольно ухмыльнулся, кивая, но через полминуты эта сыто-уверенная мина сменилась удивленным и даже слегка испуганным выражением.

– Нет! – вдруг отрубил Кошечка. – Этого никогда не будет! Я остаюсь дома вместе с тобой, папа. Ты будешь видеть свою дочь каждый день живой, здоровой и веселой, а этот насильник и предатель пусть проваливается. Я больше не желаю с ним знаться.

– Но ты... – попытался возразить сэр Рич. – Ты же сама хотела, чтобы мы вместе... говорила, что обожаешь, мечта-ла...

– Заткнись! – зло фыркнула Кошечка. – Не забывай, подонок, на чьей ты сейчас территории. Папочка не даст меня в обиду!

Капитан «Звездного волка» прикусил губу и умолк, насупившись, а Кошечка еще раз обняла Старого Лео, потом взяла бластер у отца и нарочито неторопливо подошла к Ричу вплотную и, уперев дуло прямо в его живот, сказала:

– Пойдем-ка, перекинемся парочкой словечек наедине, без ушей твоих прихвостней. А папочка пока немножко покараулит.

– О чем речь, дорогая, за тобой и в огонь, и в воду, – кивнул Рич, понимая, что деваться ему все равно некуда.

Они отошли в тень построек. Сэр Рич слащаво улыбнулся и с деланной веселостью первым начал разговор:

– Кошечка, ты за что-то на меня обиделась? Я, конечно, иногда допускал некоторые вольности, но пойми, это была необходимость во спасение. Ты же знаешь, что я без ума от тебя. Что заставило вдруг перевернуть все с ног на голову? Каприз?

– Я задумала бежать с твоего корабля уже давно. То, что произошло, не является мимолетным капризом, а было хорошо спланированным действием.

– Значит, это все-таки ты? – Глаза Рича прищурились, он не желал верить.

– Да. Это я подкупила техника, чтобы он устроил диверсию, и именно я подговорила землянина проложить нужный мне курс. – Кошечка взглянула Ричу прямо в зрачки.

– Но... Но ведь этот ублюдок сам признался... – начал Рич.

– Он солгал, взяв вину на себя, понимая, что мой план на грани раскрытия. Между прочим, он прекрасно знал о том, что я собираюсь бежать, но не выдал меня, потому что поклялся... Обещал и не выдал... Не то что ты!

– Не выдал? Он же враг, Кошечка, наш общий недруг! Это из-за него и ему подобных сорвалась наша такая многообещающая экспедиция!

– Да, враг! – Кошечка сжала в руках рукоятку бластера – Но почему-то он, а не ты, держал данное обещание до по-

следнего и защищал меня даже под страхом смерти, в то время как ты только и делал, что...

– Ну, прости меня, дорогая. Ты ведь понимаешь, что это было продиктовано суровой необходимостью. Ты сама бы поступила так же, будь на моем месте...

– Сейчас я ничего не хочу знать и понимать. Ты – предатель и обманщик. Я больше не желаю иметь с тобой ничего общего! – Кошечка посмотрела на Рича так уничижающее, как на что-то совсем недостойное хоть какого-нибудь внимания.

– Но ведь ты только что сама обманула и предала меня. – Сэр Рич постарался сказать это как можно мягче.

– Нет, это всего лишь адекватный ответ на твое предательство, – парировала девушка.

– Хорошо. Я все понял, осознал свою вину и жду приговора. И что же ты собираешься делать теперь? И я, и они, да и весь корабль теперь в твоей власти... – Рич старался выглядеть как можно более смиренно, хотя в душе вовсю бушевало жгучее пламя обиды за то, что его, такого всегда предусмотрительного и уверенного в своей исключительности, так ослепила и непростительно провела эта девчонка.

– Вы получите энергию, расплатитесь наличными и уберетесь. Я итак уже очень удовлетворена, что смогла доставить столько неприятных минут благородному капитану. – Кошечка оскалилась в презрительной ухмылке. – И еще: ты сейчас же отдашь мне земляшку. Не желаю, чтобы ты со своей

оголтелой шайкой получал извращенное удовольствие, медленно убивая его. Ведь, помнится, ты обещал сохранить жу-жаку жизнь в обмен на необходимую тогда помощь и опять, как за тобой водится, не собираешься исполнять данного слова.

– Неужели этот мозгляк тебе все-таки понравился? – Сэр Рич нашел в себе силы снисходительно усмехнуться. – Мне нужно было сразу подумать об этом тогда, когда ты первый раз заговорила о нем. На корабле вся команда были обычными людьми, занятыми повседневной работой, ты же всегда была любительницей всего экзотического. Вспомни, как я застрелил из-за тебя Мая-хромоножку, когда мы познакомились.

– Просто я хочу избавить тебя от очередного нарушения клятвы. Ведь в уставе, принятом для неукоснительного соблюдения всеми капитанами космических кораблей, ясно сказано...

Сэр Рич поморщился, как от зубной боли, боясь выпустить бешенство, охватившее его изнутри:

– Я вольный звездоплыватель и для меня не существует никаких уставов. Но если ты хотела больно уколоть меня, то у тебя это отлично получилось. Ты получишь своего землячку сейчас же. И знай, что, когда ты опомнишься и пожалеешь о нашей ссоре, ты можешь рассчитывать на то, что я с радостью приму тебя в свои объятия. Как бы ты меня сейчас не обзывала, я все равно буду любить вздорную девчон-

ку, похожую на дикую кошку, и не премину вытереть слезы раскаяния с этих прекрасных изумрудных глаз. Время все расставит по своим местам, и ты поймешь, что никто более не достоин тебя, как я.

Тут капитан «Звездного волка» развернулся к ней спиной и размеренно зашагал к трапу. Солнце блестело, отражаясь в зеркальных вставках и молниях его иссиня-черного кителя. Он шел гордо и размашисто. Он был прекрасен, как умный, сильный и здоровый вожак диких волков, о которых Кошечка в свое время так любила глядеть анималистические передачи по стерео. Да, когда-то она всерьез обожала эти карие с желтой искрой глаза, этот хищный орлиный нос, эти тонкие, обычно сложенные в презрительную ухмылку губы и эти жесткие непослушные волосы. Когда-то (и, в сущности, совсем недавно) она действительно была без ума от его железных объятий и испепеляющих до боли поцелуев. Теперь же она не жалела об его уходе. Пока не жалела. Она смотрела ему вслед и думала о пропавшей неизвестно куда влюбленности и оставшихся пустоте и омерзении.

... Из корабля выволокли несчастного пленника.

– Твой трофей, дорогая. Вот ключик от наручников, – сказал Рич, в последний раз пнул чужака, лежащего у его ногничком со скованными за спиной руками, и бросил брелок Кошечке. – Надеюсь, мы еще встретимся, и ты будешь гораздо благосклоннее ко мне, чем сегодня.

Потом «волки» быстро загрузились и не замедлили «от-

чалить».

– Я не понимаю, – поморщился Старый Лео. – Зачем было ссориться с Ричем? Такого завидного жениха больше не найдешь даже на Лее, не то что в нашей глуши. Красив, богат, галантный кавалер. Чего же еще тебе нужно?

– Папочка, он мне так надоел, что просто слов нет. Когда я решила путешествовать в его обществе, то была еще наивной и доверчивой девчонкой, ищущей приключений и еще не осознавшей, что лучше родного дома места нет. Ты просто не понимаешь всей нашей выгоды, – с сожалением проговорил Лео. – Ведь ты – единственная моя наследница. Если сэрич станет твоим официальным мужем, то мы вместе завладеем почти всем восточным путем. Основные базы будут нашей собственностью, а мелкие причалы мы просто возьмем под жесткий контроль. Кто с нами сможет после этого тягаться? Только федеральные власти с Леи-4! Сэрич – отличная партия для тебя во всех отношениях, ваш брак взаимовыгоден вам обоим: он с твоей помощью фактически становится королем восточного направления, а ты – королевой. К тому же я уже далеко не молод, и мне бы хотелось полюбоваться на достойных внуков. Подумай, дочка! Мне показалось, что благородный капитан Ричардсон к тебе чрезвычайно неравнодушен несмотря ни на что. И он наверняка вернется.

– Давай пока не будем об этом, папа. Я очень утомлена, хочу есть и спать. – Кошечка демонстративно зевнула, подошла к пленному и тронула его ногой:

– Эй! Вставай и считай, что тебе крупно повезло.

Пленник зашевелился.

– А, это что за черт? – Старый Лео наконец обратил внимание на лежащего. – Твой очередной любовник, взявшийся ухлестывать за тобой под носом у Рича? Ишь, как его отделили!

– Нет, папа, это совсем не то что ты подумал. Это пленный землянин.

– Что? – Глаза Лео округлились. – Кто?

– Землянин, – повторила Кошечка размеренно. – Это он отчасти виновник позорного возвращения «космических волков» не солоно хлебавши.

– Землянин? – проговорил Старый Лео. – А, ну-ка, ребятки! – обратился он к охране. – Помогите-ка ему подняться.

Солдаты поставили пленного на ноги, удерживая за локти.

– Я никогда раньше не слышал о том, чтобы мы хоть раз сталкивались с землянами с того времени, как астры покинули прародину. Однако каждому более или менее образованному человеку известно еще из курса начальной школы, что основатели Федерации были изгнаны из земных пределов и с тех пор этот когда-то родной мир стал для нас запретным. Мы вынуждены ютиться в этой туманности, и даже официальные власти до сих пор не отваживались открыто глядеть в сторону Земли. – Старый Лео нахмурился. – Значит, «волки» побывали на Земле?

– Нет, Ричу просто удалось проскользнуть незамеченным

в пространство рядом с ней. Потом был захват станции на одном из астероидов, в которой не оказалось ни души. Но и там мы прятались недолго. Земляне нас быстро нашли и раскусили. Мы спасались оттуда практически бегством, атомные орудия были покорены, почти вся система внешней маскировки и частично щита выведены из строя.

– Значит, земляне по-прежнему имеют очень сильный военный флот. «Волки» поступили очень опрометчиво, сунувшись незнамо куда... – Старый Лео еще больше нахмурился. – И этот молодчик тоже наверняка военный. Зачем он тебе? Не лучше ли избавиться от него как от вероятного шпиона прямо сейчас?

– Нет, папа, по-моему, так он совсем неопасен. Ну, посмотри... – Кошечка взяла пленного за подбородок. – Посмотри, какая у него добродушная физиономия! Такие лица бывают только в кино.

– Внешность бывает обманчивой, уж поверь мне, всякого повидавшему на своем веку. Давай лучше просто забудем, что он существовал. Прах к праху... – Старый Лео поднял бластер и снял курок с предохранителя.

Солдаты, до сих пор поддерживающие землянина в вертикальном положении, как по команде, отступили в стороны.

– Ну, папочка, ну не надо! – Кошечка встала между пленным и отцом, умоляюще сложив руки на груди лодочкой. – Он такой симпатичный! И он наверняка будет очень послушным. К тому же я думаю, мы сможем вытянуть из него кое-

какую информацию про Землю. Это же так интересно!

Пленный уже окончательно пришел в себя, достаточно крепко стоял на ногах и безмолвно наблюдал, как решается его судьба. Старый Лео еще раз внимательно окинул чужака взглядом, потом посмотрел на дочь, ухмыльнулся и, опустив бластер, вернув предохранитель на место.

– Ладно, – сказал он. – Одним рабом больше, одним меньше. Тем более что на руднике всегда требуются рабочие руки... Эффектный малый, это верно. Пусть пока живет, если тебе это нравится. – И, обращаясь к охране, добавил: – Взять, да фейс больше не портить.

Кошечка села в услужливо придвинутое стражником кресло. Солдат тут же удалился за дверь, повинуясь ее недвусмысленному жесту.

Пленный же (его держали в камере, обычно служившей карцером при «дежурке», и по распоряжению хозяйки вывели сюда), непринужденно и даже изящно склонившись, вдруг ловко поцеловал руку девушки, лежащую на подлокотнике. Кошечка совсем не ожидала подобного и поэтому отдернула руку:

– Фу! Я и не думала, что ты будешь подлизываться, считала, что у тебя есть что-то похожее на гордость.

Землянин недоуменно посмотрел на нее (ей показалось, что как на совершеннейшую дикарку):

– Разве подобное почтительное приветствие прекрасной

дамы считается унижительным? Простите... Просто у меня на родине... так принято. Извините. Если вам неприятно, я больше не буду так делать.

Кошечка неожиданно для себя смутилась:

– Нет. На самом деле этот обычай мне понравился. Отныне встречай меня так каждый раз. – И в подтверждение слов уже протянула руку для поцелуя специально.

Землянин еще раз нежно приложился губами к ее пальцам и тут же распрямылся, уставившись в ее лицо внимательно-ожидающим взглядом.

– Можешь присесть. – Кошечка указала ему на стул у ближайшей стены.

Пленный тут же повиновался.

Она помолчала с минуту, но ничего по-настоящему умного для чинного начала разговора придумать так и не смогла, а потому спросила первое и мимолетное, что пришло в голову:

– Правда, что на Земле всем заправляют только женщины?

Землянин взглянул на нее очень удивленно, но спокойным тоном ответил:

– Неправда. На Земле с незапамятных времен равноправие полов.

Кошечка опять смутилась и, не желая и далее казаться перед каким-то невольником глупой, продолжала:

– Ты меня не понял. Я желала спросить об устройстве вла-

сти на Земле. Только отвечай кратко и ясно. Кто на твоей планете является верховной властью? Кто управляет государством? Монарх? Президент? Генералиссимус?

Землянин на мгновение задумался.

– Я не знаю, как одновременно коротко и понятно объяснить. Ведь, судя по всему, для этого придется довольно подробно описать всю нашу общественную систему. Думаю, что она кардинально отличается от той, которая существует здесь...

– Не увиливай от ответа! Кто у тебя на планете самый главный? Кто отдает всем приказы? Кто-то ведь должен поддерживать порядок и карать за неповиновение?

– Порядок поддерживают медико-санитарные, воспитательные и поисково-спасательные службы. Также у нас есть специальные координирующие центры, они регулируют и направляют деятельность различных общественно-полезных служб и организаций, а также сферу обеспечения. Центрами управляет Совет Земли, над ним есть Совет Содружества... Вот только не понимаю, что означает «карать за неповиновение».

– Ты мне зубы не заговаривай! – Кошечка поморщилась. – Хватит темнить, отвечай прямо и откровенно. Считай, что это допрос военнопленного. Если будешь и дальше что-либо скрывать или прикидываться непонимающим, то придется позвать стражников, чтобы они тебя хорошенько поколотили, или применить детектор лжи, а это тоже вовсе не без-

болезненно!

Землянин опустил взгляд, в его тоне послышалась как будто нотка разочарования:

– Задавайте, пожалуйста, однозначные вопросы, и я постараюсь ответить на них так же однозначно. Мои же ответы проверяйте так, как считаете нужным.

– Да ты никак в отказ собрался? Надеешься, что с тобой тут в игрушки будут играть? – фыркнула Кошечка, высокомерно вздернула нос и, все более распаяясь, продолжала: – Ты должен твердо усвоить, что здесь тебе не Земля и что ты теперь всего лишь ничтожный червь, скотина говорящая и вообще ничто. Теперь ты просто вещь среди других таких же вещей, принадлежащих хозяевам этой планеты, а именно моему отцу и мне. И тебе очень повезло, что мне вдруг захотелось, чтобы ты остался в живом состоянии. Однако я могу и передумать! Только от моего каприза отныне зависит, жить тебе или умереть мучительной смертью...

Пленный сидел неподвижно, одними глазами следя за ее размашистыми жестами. Наконец девушка остыла и взглянула на него, чтобы оценить степень воздействия «речи».

Землянин же, как ни в чем не бывало, опять уставился ей прямо в лицо и спокойно произнес:

– Продолжайте, пожалуйста. Я вас внимательно слушаю и не сомневаюсь, что данная информация для меня будет крайне полезна.

Он сказал это совершенно без иронии и даже без намека

на издевку. Его слова были прямолинейны и правдивы настолько, насколько только могут быть правдивы и прямолинейны слова малолетнего ребенка, у которого что в голове, то и на языке. Кошечка поняла, что вразумить чужака и поставить на место, напугав своим гневом, у нее не получилось. Тогда она уже мягче спросила, решив перейти к «обходной» тактике:

– Так ты говоришь, что у вас есть какой-то там Совет, значит, и армия конечно же есть. Чей приказ ты выполнял, когда атаковал безоружным катером орудийную башню «Звездного волка» прямо «в лоб»? Гражданский пилот никогда бы не пошел на такое самоубийство. Ты, несомненно, военный!

– Я не военный. И армии, или, по-другому, войск (слова-то какие старинные, мало кто на Земле, да и во всем Содружестве теперь знает, что они обозначают) у нас давным-давно не существует. Зато есть служба универсальных исследователей, и я как раз принадлежу к ней. И непосредственно я подчиняюсь только распоряжениям Совета Земли и Совета Содружества, когда меня призывают для выполнения экстренных заданий.

– Ты проговорился! Тебя призвали для выполнения задания! Тебя информировали и направляли. Ты был в легком патрульном катере. Маневрировал с ювелирным мастерством у самой поверхности. Если бы ты был обыкновенным штатским водилой, ты бы не кружил со своими дружками вокруг замаскированного корабля, как назойливая муха, а,

наоборот, поспешил бы убраться от вероятной опасности по-
дальше. Ты – пилот пограничных войск, и не морочь мне
больше голову!

– Я действительно находился на задании, данном мне Со-
ветом Земли. Меня призвали для исследования неординар-
ной ситуации, возникшей в непосредственной близости от
родной планеты, как и других капитанов исследовательского
профиля, находящихся в этот момент на Земле. Но повто-
рю, я – не военный, армия в Содружестве изжила себя как
совершенно бесполезная организация.

– Так ты, оказывается, совсем не тот, за кого мы тебя
так упорно принимали! Неспроста мне показались странны-
ми твоё мастерство в управлении автономным космическим
кораблем и глубокие познания в области навигации. Зачем
обыкновенному пилоту катера такие избыточные умения и
знания? Ты – настоящий капитан звездолета! Придурок Рич
так и не понял, какая «райская» птичка была в его лапах!

Землянин только недоуменно пожал плечами:

– Ну, капитан. Что в этом удивительного?

– Скажи лучше, у тебя действительно имеется звездолет?

– Да.

– И он – твоя собственность, или ты наемник какой-ни-
будь крупной компании?

– Извините, не понимаю вопроса.

– Ну, кому изначально предназначался корабль, на кото-
ром ты командовал?

– Мне, конечно. Исследовательские суда вообще строятся только под конкретного капитана.

– А команда на корабле? Сколько у тебя подчиненных?

– Двое: помощник и штурман. Более для успешного управления и не требуется: все механические работы выполняют киберы. Конечно, чаще всего народу на борту гораздо больше, однако все они считаются пассажирами.

– Твой корабль обслуживают киберы? Значит, ты настолько богат, что можешь позволить себе такое роскошество? Сколько же ты зарабатываешь за рейс?

– Простите, не понимаю вопроса.

– Ну, ладно, спрошу по-другому: с какой целью ты совершал рейсы?

– В основном, с экспедиционной. Редко – экстренная эвакуация людей или доставка грузов.

– Значит, с частниками вообще не связывался, на госзаказе «сидел». Скажи, у тебя есть собственный астероид для «парковки»?

– Не понимаю.

– Где находится база твоего корабля и твой дом?

– Я живу на Земле. Звездолетам же положено находиться на специальных орбитальных причалах.

– Опиши свое жилище на Земле.

– Обычная квартира в городе: гостиная, спальня, кабинет, столовая, мастерская, тренажерный зал, бассейн. Вообще-то, я часто предпочитал ей загородный домик. Там естествен-

ная природа и по минимуму роботов и суеты. После многомесячной экспедиции так приятно просто расслабиться, посидеть у костерка или порыбачить.

– Судя по твоим словам, дома ты жил очень неплохо. Можно даже сказать, преотлично жил, как сыр в масле катался. Ну, а какие вещи ты мог себе позволить? Часто ли делал покупки, на которые уходило много денег?

– Всегда брал любые вещи, которые были мне необходимы. Извините, можно задать вопрос?

– Задавай! – Кошечка, увлекшись разговором, не заметила, как перешла с повелительного тона на приятельский.

– Что вы имели в виду, когда употребили слова «покупки» и «деньги»? Эти слова, как и понятия, ими обозначаемые, у нас давно ушли в прошлое, и люди на Земле используют их только в «историческом» контексте.

– Неужели на Земле не существует товарно-денежных отношений?

– Не существует.

– В это просто невозможно поверить. Может быть, на вашем звездолете есть запас редких металлов?

– На данный момент в Содружестве только старинные звездолеты в статусе музейных экспонатов имеют некоторые детали из металлов, некогда считавшихся редкими и потому служившими неким общепринятым эквивалентом материального благополучия. Мой же корабль является современным исследовательским судном.

– Ты меня опять не понял. Я просто хотела узнать, чем ты расплачиваешься, например, за ресурсы для корабля, за снаряжение, за стоянку, за техническое обслуживание. Ведь что-то от тебя за все эти блага требуется?

– Нет.

– Фантастика. Похоже, что у тебя был неограниченный государственный кредит. Ладно. Допустим, у тебя выходной или отпуск, тебе осточертело ходить в стандартной униформе и захотелось приобрести новую куртку, да не такую как у всех. Что ты делаешь в таком случае?

– Заказываю по каталогу, и ее тут же доставляют по репликатору. Можно также зайти в салон моды, который есть в любом поселении. Ну а если хочется уж совсем чего-нибудь необычного, то можно посетить Дом моды: там тебе изготовят любые вещи по твоему желанию и представлению.

– Значит, тебе сразу же приносят все, что ты ни пожелаешь, и ты за это не обязан что-либо отдавать?

– У нас так делают все.

– Все, о чем ты рассказал, так странно, что я пока не могу представить себе такую жизнь. Мне все время кажется, что есть какой-то подвох. Ну а хотя бы какие-нибудь драгоценные минералы или ювелирные изделия из них ты можешь вот так запросто, как ты говоришь, получить?

– Честно говоря, никогда не пробовал этого делать. Ювелирные изделия из натуральных камней всегда интересовали меня только как памятники искусства. Впрочем, дома у ме-

ня есть небольшая коллекция, включающая в себя несколько прелюбопытных камней с многовековой историей. Есть неоспоримые свидетельства, что в старину их очень ценили и гранили вручную, поэтому они по сути своей являются исключительной исторической редкостью.

– И у тебя есть такие прозрачные наитвердейшие камни, ну, алмазы?

– Да. Разного размера, огранки, чистоты и цвета. Еще есть рубины, изумруды, топазы. Но более всего мне нравится одна камешка, вырезанная из крупной жемчужины с беспримерным искусством. Это воистину ценнейший раритет.

– По твоим словам получается, что ты ужасно богат! Мой невольник- сказочный миллионер!

– Извините, но не понимаю.

– Он не понимает! Да ты просто нагло врешь мне прямо в глаза, пытаешься уверить в том, что при первой же возможности осыплешь меня драгоценностями. И при этом ты бесовестно набиваешь себе цену, хотя совершенно не похож на богача. Те, кто очень богат, привыкли вести себя совершенно по-другому: они все время приказывают, говорят надменно, всячески выказывая пренебрежение остальным, даже глядят на людей по-другому, как-то свысока, поверх голов. А у тебя вся речь пересыпана словечками типа «извините» и «пожалуйста»!

– Элементарные слова вежливости по традиции закладывают даже в самые примитивные программы для роботов. –

Пленный обезоруживающе смущенно улыбнулся. – Грубость и игнорирование формул культурного обращения – первый признак ущербности умственного развития.

– Очень интересно. По-твоему, получается, кто не вежлив – тот однозначно дурак. – Девушка тоже невольно улыбнулась в ответ.

На приемах и встречах сильных мира сего, освещаемых в визорных новостях, тоже было не принято грубить и сквернословить. Там все было торжественно и красиво, как у богов. Только вот от сэра Рича, тоже капитана корабля, она редко слышала слова подобного рода. Наверное, землянин все-таки был гораздо ближе к светскому обществу...

– Старый Лео зовет леди ужинать, – прогремел бас охранника из-за двери.

Кошечка как будто очнулась и настороженно посмотрела на пленника. Тот скромно опустил взгляд и сидел совершенно неподвижно. Тогда она встала (землянин тут же тоже поднялся) и сказала:

– Приятно было поболтать. Пойду-ка теперь подкреплюсь и составлю компанию родителю. – Тут она достала из кармашка горсточку пищевых таблеток и протянула чужаку: – Это тебе. Ты ведь, наверное, тоже голоден.

– Спасибо, – просто сказал пленный.

– Я думаю, тебе недолго здесь сидеть. Скоро мой отец решит, что с тобой делать.

– Разрешите еще один вопрос?

– Спрашивай.

– Как ваше имя?

– Ты должен называть меня «госпожой» или «хозяйкой».

– Но ведь у вас наверняка есть настоящее, данное при рождении имя. Или это секрет, который никому знать не положено?

– А ты настырный. – Кошечка улыбнулась, шутливо погрозив пальцем. – Мама дала мне имя Лилия в честь ее любимого цветка. Она очень любила цветы и даже выращивала их рядом с домом.

Старый Лео и Кошечка ужинали вдвоем под ажурным абажуром, когда-то собственноручно сплетенным мамой. Кошечка впервые за многие и многие дни ела настоящий мягкий хлеб с мармеладом и запивала его ароматным сладким чаем. Кошечка была рада, что наконец после долгих скитаний была дома. Они всегда так ужинали вдвоем, когда она возвращалась из очередного вояжа. Это была их семейная традиция, своего рода обычай. И еще один человек незримо присутствовал за столом. Это была мама. Ее портрет висел в гостиной на стене, и у стола стоял ее любимый черный лакированный стул. Кошечка и сейчас представляла, как на этом стуле сидит мама. Она в белом платье с золотыми цветами на блестящей шелковой ткани. Волосы ее уложены в венок на макушке, на плечи спускаются золотые локоны, и в одном из них цветок. Цветок петунии, этаким кокетливый граммо-

фончик.

Лео молчал и разглядывал островки пузырьков от растворимого сахара в чае. Он, конечно, понимал, что сейчас не нужно задавать никаких вопросов. Наконец, последний бутерброд был съеден, и Кошечка встала из-за стола.

– Спасибо, – произнесла она и зевнула.

Старый Лео тоже встал и, поцеловав дочь в лоб, сказал:

– Иди отдыхать, дочка.

Кошечка направилась к двери и вдруг вспомнила:

– Пап, а кто будет убирать посуду?

– Новая служанка, – ответил отец и позвал: – Цыпа!

Из соседней комнаты, служившей кухней, тут же явилась женщина в белом переднике, и Кошечка с немалым удивлением узнала местную звезду кабаре по кличке Цыпочка. Она была почти вдвое старше Кошечки, но, тем не менее неплохо сохранилась, даже несмотря на солидный стаж «изматывающей» работы в «злачном заведении»: смуглая, белозубая, кудрявая, с пышными формами. Помнится, год назад не было ни одного стражника на Джорджии, который бы не прищелкивал языком, сыто лыбясь, стоило упомянуть ее знаменитое «фуэте на шесте».

– Она тебе нравится? – спросила Кошечка, глядя на портрет мамы.

Старый Лео смутился:

– Но ведь надо кому-то заботиться о хозяйстве, а ты все реже бывала дома. Я могу выгнать ее теперь, когда ты здесь.

– Нет. Что ты! – Кошечка улыбнулась. – Я понимаю, что в хозяйстве нужны женские руки. Я спрашиваю просто так.

И она отправилась в спальню, раздумывая об изменениях дома. Сколько она себя помнила, отец никогда не держал служанок. Видно, ее действительно не было дома очень долго.

Утро было, как всегда, ясное и совершенно безоблачное (облака на Джорджии вообще были исключительной редкостью). Солнце осветило первыми розовыми лучами постройку и пыльную всхолмленную «перспективу». На Джорджии не было смены времен года, а сутки делились ровно пополам на день и ночь. Сутки были общепринятые, их продолжительность соответствовала двадцати четырем часам, в точности как на забытой и вражеской прародине. Привычка – вторая натура. И люди везде старались сделать так, как им было привычно. Даже на полуискусственных малых планетах.

Кошечка открыла глаза с первым утренним лучом, умылась и выскочила, как была в спальней рубашке, на крыльцо. Во дворе было пусто, стража успела смениться, и заступившие на вахту, наверное, уже дрыхли в домике-дежурке после ночных походов «по бабам». Вдруг стукнуло и открылось окно отцовской спальни. Кошечка от неожиданности вздрогнула и спряталась за дверь. В окне показалась заspanная служанка. Цыпочка потянулась, звучно зевнула. Она была совсем голая, и это было отлично видно с крыльца.

– Лео! – пропела она звучным грудным голосом. – Просьпайся, мой мальчик.

«Наглая женщина, – подумала Кошечка, шлепая босыми ногами по коридору. – Вольготно себя здесь чувствует».

Она вошла в ванную и залезла под душ. Прохладная вода хорошо освежала. Девушка, бодрая и уже не капельки не заспанная, натянула на себя домашний костюм и закричала так громко, что эхо прокатилось по коридору:

– Папочка Лео! Твоя дочка зверски хочет кушать! Когда завтракаем?

Завтрак был прерван сиреной, оповестившей о том, что кому-то вздумалось просить посадки на площадке Джорджии. После короткого разговора по стерео стало ясно, что старый друг Лео, Толстый Джек, решил навеститься «на чашечку чаю».

Толстый Джек оказался не один, а с дочерью, симпатичной хохотушкой Сарой, бывшей одноклассницей Кошечки. Кошечка очень обрадовалась появлению Сары, с которой еще в школе крепко сдружилась, и весь последующий день они провели вместе, болтая о разных женских штучках.

– Знаешь, – под конец призналась Сара, – ведь мы не просто так сюда заехали. Я попросила отца, чтобы он завернул сюда ради тебя.

– Правда?

– Конечно. Ведь мы давние подружки! – продолжала Са-

ра. – У меня к тебе вполне деловое предложение.

– Валяй! – Кошечка устроилась поудобнее.

– Так вот. Через полтора месяца на Лее намечается праздник 350-летия образования Федерации Семи Солнц. Я представляю, сколько женихов слетится в столицу!

– Ты хочешь, чтобы я отправилась с тобой на охоту за женихами?

– Нет! Я хочу предложить одну очень неплохую возможность. – С этими словами Сара достала диктофон. – Вот это я записала с правительственного канала стерео Леи-4.

Она включила запись, и устройство поведало, что «по случаю празднования 350-летия Федерации Семи Солнц на столичной планете Лее будет проведен грандиозный парад, в котором будут участвовать лучшие военные суда Федерации, и состоятся юбилейные гонки на планетарных катерах, главный приз которых составит 1000000 единиц...».

– Ты предлагаешь мне погонять на катерах? – весело спросила Кошечка.

– Слушай дальше, – одернула ее Сара.

Диктофон продолжал: «Состоится грандиозный межпланетный конкурс красоты «Мисс Галактика», на который съедутся самые прекрасных девушки со всех концов Федерации. Победительнице будет торжественно вручен бриллиантовый венец стоимостью 30000 единиц и эксклюзивный годовой контракт с модельным агентством «Левекорпорейтед». Также, на столичной планете намечаются...» – Тут Са-

ра выключила устройство: – Дальше чепуха. А вот конкурс красоты – это здорово!

– И ты собираешься в нем участвовать? – Кошечка с удивлением смотрела на Сару.

– А что? – Сара плавно повернулась, держа руки на талии. – Разве я некрасивая? Почему бы не попробовать? Ну а ты уж вообще! – Сара потянула Кошечку к зеркалу: – Посмотри, какая миленькая. Подкрасить, сделать модную прическу и одеть в шелковое платье! – Сара закружилась по комнате. – Ведь мы всерьез можем претендовать на первый приз! Ну как? Нравится такое предложение?

– Ну, я не знаю. – Кошечка пожала плечами. – По-моему, так это не совсем реально.

– Еще как реально! – воскликнула Сара. – Мой отец все равно летит на Лею. Он и доставит нас туда. Все расходы по содержанию участниц фирма-устроительница берет на себя. Нам бы только пройти первый кастинг. Давай соглашайся! А то мне одной страшно.

Кошечка все еще мялась:

– Но я только вчера прилетела после почти годового отсутствия. Что скажет отец?

– Твоего отца наверняка уже уговорил Толстый Джек, – заверила Сара, и она была права: Старый Лео уже знал обо всем.

– Я думаю, что тебе стоит поехать, – сказал он. – Вдруг, да я увижу свою дочь Мисс Вселенной. Тогда мы станем зна-

менитостями и богачами. К тому же эта поездка обойдется совсем не дорого.

Итак, было решено. Кошечка вытряхнула свой гардероб и уложила самые красивые платья в пластиковую сумку.

– Вот деньги. – Старый Лео протянул ей пачку купюр. – Может быть, и с Ричем помирись.

– И слышать о нем не хочу!

– Ну, тогда найдешь себе кого-нибудь получше. Ты же у меня умница и красавица. – Старый Лео сгреб ее в объятия и поцеловал в лоб.

Вещи были погружены во флаер, и все отправились на посадочную площадку. Прощание было легким и даже веселым. Старый Лео уже давно привык к тому, что Кошечка болтается вне дома, он даже считал, что так и должно быть, иначе не увидишь настоящей жизни.

...Кошечка смотрела в иллюминатор на удаляющуюся родную планету.

– До свиданья, дом! – Она мысленно помахала рукой. – Я вернусь месяца через три.

Лея была прекрасна, как всегда. На огромном космодроме стояло несметное количество разномастных кораблей и катеров. Сновало множество людей: коммивояжеры, солдаты, члены экипажей, технический персонал и еще масса всякой пестрой публики всех цветов и оттенков.

К празднику готовились заблаговременно: везде что-то

строили или перестраивали, владельцы магазинов подновляли витрины.

Толстый Джек прямо на космодроме взял на прокат хороший флаер, и они, погрузив вещи, отправились в гостиницу. Материк, на котором они находились, назывался Нью-Америка, мегаполис звался Нью-Вашингтон и напоминал огромные до полной бесконечности соты, в которых сновали миллионы флаеров, а людей на неисчислимых улицах была просто тьма-тьмущая.

Кошечка не раз бывала на столичной планете, но все-таки каждый раз радовалась и удивлялась этой суете и размаху заново. Сам город был как слоеный пирог с вкраплениями грузовых магистралей, туннелей, полностью крытых улиц и переулков на разной высоте. Острые башни небоскребов тут и там впивались ввысь и терялись за кудрявыми облаками.

И хотя Кошечка ни разу не была именно в Нью-Америке, а посещала только Нью-Европу и Нью-Африку, каких-то особых отличий между этими континентами она практически не ощущала, может быть потому, что бывала только в крупных мегаполисах.

...Флаер остановился у маленькой гостиницы под светящейся вывеской «Зеленая подушка» в каком-то глухом тупике.

– Я хорошо устроился здесь в прошлый раз, – заявил Толстый Джек. – И совсем не дорого. Надеюсь, вам, девочки, тут понравится.

Они вошли в гостиницу. Джек быстро договорился с портье, и они, пройдя сумрачный, подсвеченный зеленым холл, отправились в свой номер. Тот был небольшой, трехместный. Он состоял из четырех «отсеков»: трех крошечных спален и гостиной со стерео-визором. Сара тут же включила визор, и оттащить ее от него стало невозможно.

– У нас на Ариадне нет постоянной визорной трансляции, – объяснила она. – Слишком дорогое удовольствие.

Кошечке ничего не оставалось, как усесться с ней рядом. Вскоре она тоже увлеклась просмотром.

Кино было из разряда развлекательно-героических блокбастеров, и его сюжет был прост и незатейлив, как все гениальное и приспособленное для массового просмотра. Главный герой – отважный и очень привлекательный внешне космолетчик, попавший в плен к серфихам, жестокой инопланетной нации гуманоидов, очень похожих на людей, но только с черными крыльями за спиной, пытается вырваться с вражеской планеты, но встречает там прекрасную девушку серфиха. У них начинается страстная любовь, но парень вынужден выбирать: или свобода, или любимая. В конце концов, парень выбирает первое и, мимоходом устраивая «погром с фейерверком» и справляясь с многочисленными врагами, захватывает космический корабль серфихов и возвращается домой, где его ждут овации, почет и любящая женщина модельной внешности, с которой он и связывает свою судьбу, прокляв и забыв вражескую обольстительницу. Хеппи-энд и

всеобщее ликование.

Сара была в полнейшем восторге от просмотра.

– Здорово! – Она наконец оторвалась от визора (благо там «зарядили» блок рекламы и потому пока не было ничего интересного). – Какой парень! Как он этих серфихов раскидывал! Прямо как котят! А главный то серфих – какой гад, как жестоко мучил беднягу! А эта черноглазая змея с крыльями! Она его совращала, совращала, но ничего у нее не вышло! Если бы я встретила такого красавца и умницу-космолетчика, да еще такого смельчака, так меня бы от него и клещами не отодрали бы! Кошечка, тебе понравился актер? Такая ладочка, правда?

Кошечка закивала в ответ. Сара всегда восхищалась просмотренными фильмами так бурно, что ее трудно было успокоить, оставалось только поддакивать. Теперь она наблюдала за Сарой и размышляла: какое же это мальчишество, как же все славно-просто и весело-понятно в этих глупых боевиках, кто – враг, а кто – друг. В настоящей жизни все гораздо сложнее и грустнее.

Сара продолжала восхищаться актером, играющим главную роль. Кошечка рассеянно кивала, пытаясь понять, кого же этот бравый киногерой ей напоминает. Выкрики Сары мешали сосредоточиться, и мысли упрямо зацикливались на капитане Ричардсоне. Нет, сэр Рич конечно же не мог быть подобным космолетчиком, слишком уж много в его характере было коварства, цинизма и злобы. Но кто же? Персонаж

казался подозрительно знакомым.

– Киса! – заныла Сара. – Поехали, посмотрим город, пока еще не стемнело. У меня от визора голова разболелась, и не терпится снова увидеть Лею в ее вечернем великолепии. Ведь в последний раз я видела столицу четыре года назад, когда приезжала сюда на каникулы.

– Я дурно вожу флаер, – призналась Кошечка.

– Зато я довольно прилично, – ободрила ее Сара. – Только вот правила движения почти уже забыла. Но это ничего, мы ведь не поедem в центр.

Они быстро переоделись в прогулочные платья и уже через десять минут летели над вечерним городом.

– Красиво, правда? – Сара обернулась к Кошечке, которая сидела на заднем сиденье и поправляла развевающиеся волосы. – Сейчас мы прогуляемcя в пригород.

Кошечка согласно кивнула. Навстречу им проносились флаера, некоторые из них были буквально набиты полупьяной молодежью, которая орала песни и размахивала руками, приветствуя всех пролетающих. Кошечка тоже посылала им воздушные поцелуи.

– К нам, к нам, девочки! – неслоcь из флаеров. – Мы умем развлекаться!

Но «девочки» уже не обращали на них никакого внимания, продолжая свой путь. Наконец, они вылетели из небо-скребного мегаполиса и полетели над живописной равниной, занятой чудесными виллами богатеев. Все это были резиден-

ции членов правительства, посольские территории и частные владения разной богатой публики.

– Давай немножко снизимся, – предложила Кошечка.

Стало быстро темнеть, а ей хотелось получше рассмотреть прекрасные дворцы среди изумрудной зелени.

Они снизились и полетели почти над самыми деревьями, стараясь не залезать на частные территории и следовать по намеченным нейтральным маршрутам.

– Смотри, строят что-то новенькое. – Сара кивнула влево.

Кошечка присмотрелась. Действительно, там находилась огромная строительная площадка. Множество людей копошилось на ней, а по сторонам стояло оцепление из солдат с бластерами. Черные овчарки рвались с поводков, охрипнув от лая. На этой стройке работали невольники. Кошечка прекрасно знала, что рабства на Лее официально не существует, но власти часто смотрят на нарушение законов сквозь пальцы и сами частенько пользуются дармовой рабочей силой, называя невольников или заключенными преступниками, отбывающими наказание, или военнопленными отщепенцами, ссылаясь на нескончаемую войну за отделение от Федерации на некоторых планетах Второго Солнца. На самом деле все эти оправдания были сплошной «сказкой». Кошечка это прекрасно понимала и относилась к этому как к должному.

«Без этого не было бы этих прекрасных дворцов. Иначе и быть не может, -думала она. – Ведь кто-то должен выполнять

всю грязную работу».

Она все еще смотрела на удаляющуюся стройку, когда ей в голову пришла неожиданная мысль: «А ведь на того героя из «Узника серфихов» похож вовсе не сэр Рич, нет! Пленный земляшка, вот кто похож! Только, пожалуй, у него физиономия поулыбчивей, с этакой до смешного доверчивой наивностью во взгляде».

Кошечка улыбнулась свое догадке, продолжая созерцать блистающие роскошью виллы, проплывающие внизу.

Три месяца пролетели совсем незаметно. Праздник был в самом разгаре, но Саре и Кошечке было не до пустого глаzenia по сторонам. Они все-таки добились своего: попали в число претенденток на звание «Мисс Галактика» и усердно готовились к основному конкурсу. В этом им помог один довольно симпатичный мужчина, с которым они познакомились в бесконечных коридорах «Левекорпорейтед», которая и была главной устроительницей кастингов. Он оказался одним из младших судей.

Подготовка к конкурсу оказалась настолько изнурительной, что ее можно было сравнить только с подневольным трудом на каких-нибудь плантациях. Весь день был расписан до последней минуты: тренажерный зал, танцевальный зал, специальная диета, бесконечные репетиции, улыбки, фотосессии и разговоры (и не только они) со многими «нужными» людьми. Все это так изматывало, что Кошечке времена-

ми хотелось бросить все это и улететь домой.

Толстый Джек то улетал, то появлялся: у него были какие-то торговые дела. Когда начался массовый наплыв туристов, он переключился на их перевозку с ближайших густонаселенных планет.

Кошечка уже несколько раз порывалась наплевать на конкурс, но Сара каждый раз уговаривала ее остаться. Те редкие часы, когда Сара и Кошечка были свободны, они гуляли по паркам Нью-Америки, и неутомимая Сара успевала познакомиться с несколькими мужчинами сразу.

– Четыре года сидела дома безвылазно! – оправдывалась она. – Надо же теперь как следует поразвлечься!

Кошечка тоже знакомилась с мужчинами, но гораздо менее охотно, чем ее подруга.

– И чего ты киснешь? – удивлялась Сара. – Вот недавно к тебе подошел такой симпатичный мальчик. Будь я на твоём месте, я бы обязательно завела с ним роман. А ты: «Я ожидаю здесь супруга, он должен явиться с минуты на минуту».

– У этого «симпатичного мальчика» взгляд был пустой, как выпитая бутылка, – отвечала Кошечка, морщась. – И в голове ни ума, ни фантазии. Зачем терять время с таким убожеством?

От непонятной тоски Кошечка даже стала украдкой покуривать наркотические сигареты. Это на краткое время расслабляло и казалось любопытным и приятным. Она сидела в пустом номере, пока Сара проводила время с очередным

своим ухажером, и вдыхала сладко пахнувший дым. И тогда ей представлялось, что у нее есть крылья, почти как у фантастических серфихов, и она поднимается на них все выше и выше, к солнцу и облакам, равнодушно взирая на бескрылых людишек внизу. А иногда ей казалось, что она – владелица одной из роскошнейших вилл, которые видела за городом, одетая от самых дорогих и модных кутюрье, вся в блистающих бриллиантах, и принимает именитых гостей под руку со своим возлюбленным, прекрасным, благородным и сказочно богатым... Наряду с подобными иллюзорными мечтаниями в одурманенном воображении появлялись и другие картины. Иногда возникало ухмыляющееся лицо Ричарда, и тогда девушке не терпелось еще раз затянуться, чтобы это видение исчезло. Все чаще и чаще стал вспоминаться пленный землянин. Сначала Кошечка взирала на это, как на чистейшее недоразумение – равнодушно, потом привыкла и даже желала увидеть его вместо наплывающего на сознание грозовой тучей образа капитана Рича. Бесстрашная наивность в сияющих странной смесью интеллекта и простодушия глазах, да и поступки, удивительные своим непрактичным бескорыстием, увлекали ее воображение в область приятных девичьих мечтаний на «сказочные» темы о рыцаре без страха и упрека. Постепенно она смирилась с мыслью, что чужак вовсе не опасный враг и не имеет никаких тайных умыслов, могущих ей повредить. Да и какой он был враг сейчас, когда полностью зависел от своих хозяев?

Наконец, подошло время главного конкурса. Тут уж мечтать было некогда. Показы моделей платьев, фото для рекламы, интервью для стерео, выходы в купальниках и без них перед компетентными судьями и комиссиями – все завертелось с утроенной силой. Сара «отсеялась» на четвертом туре и была очень расстроена.

– Ничего! – утешала она сама себя. – Просто другие как-нибудь улестили судей и нужных людей.

Кошечка попала в «золотую сотню» претенденток, но дальше и у нее дело не пошло. Сара, к этому времени совсем успокоившаяся, стала утешать и ее, правда, с некоторой долей скрытой радости по причине того, что исчез повод для зависти, и они были снова равны.

– Призов мы не получили, – говорила она. – Ну и пусть! Мужчины итак знают, что мы – красивые от природы. А вот те кобылы силиконовые прошли отбор только по тому, что их папашки – миллионеры и занимают высокие посты в правительстве.

Финал конкурса подруги досматривали уже по визору. «Мисс Вселенной» была объявлена некая Гейл Карелл, длинноногая белобрысая девица в веснушках и с лошадиной, как казалось Кошечке, улыбкой.

– Ее отец, – язвительно комментировала Сара, – крупнейший промышленник Леи и имеет богатейшие рудники в районе Четвертого Солнца. Ей было легко стать первой красавицей с папиной золотой руки.

Кошечка кивала. Она почти с самого начала осознала, что их стремления и надежды были всего лишь пустой трагической силой.

Девушки пробыли на Лее еще около недели, пока Толстый Джек был занят делами. Все это время они использовали для развлекательно-познавательных экскурсий по столичной планете.

И вот наступило время расставания с блистающей столицей, где все еще бушевал праздник и всюду работали сувенирные магазины. На прощание Кошечка прикупила себе золотое колечко с символикой праздника и два яблока в прозрачной, сохраняющей их упаковке, перевязанной розовыми лентами (самых что ни на есть настоящих, выращенных на деревьях в натуральном саду и потому жутко дорогущих): одно – себе, другое – папе. Сара же умудрилась успеть «серьезно» обручиться с каким-то лихим вихрастым участником гонок на катерах. Вечером этого же дня они покинули планету на корабле Толстого Джека.

Кошечка снова ужинала с отцом в родной гостиной. На столе помимо традиционных галет с витаминным повидлом и чая были чудесные шоколадные конфеты (от Толстого Джека) и одно нарезанное тонкими ломтиками, просто волшебное пахнущее яблоко.

Старый Лео как-то неудачно отхлебнул глоток чаю и закашлялся. Кошечка даже аккуратно постучала ему по спи-

не, подумав поначалу, что он просто подавился, но кашель не думал утихать. Лео достал трясущейся рукой платок из кармана и, прижав его к губам, долго ждал, пока кончится приступ, а потом сказал, успокаивая испуганную Кошечку:

– Ничего, дочка, просто стар я стал, вот хвори и привязываются. Угораздило же так подавиться, что до сих пор в горле першит.

Лицо его стало бледным, и Кошечка поняла, что болезнь, которая так сильно распространена среди людей на руднике, прогрессирует и у ее отца.

– Ты часто бываешь на руднике? – в тревоге спросила Кошечка.

– Нет, дочка. Почти совсем шахту не посещаю. Месяцами носа там не показываю. Только иногда проверяю, что там делается, ну и отчетность просматриваю.

Кошечка сразу же поняла по виноватому тону, что отец пытается солгать для ее успокоения.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и девушка удалилась в свою спальню. Легла в постель и вдруг разрыдалась. Какая-то необъяснимая тоска захлестнула, как приливная волна. Последнее время с ней это стало происходить особенно часто. Может быть, она скучала по Ричарду? Пожалуй, нет. Рич был тут почти совсем ни при чем. Скорее эта беспокойная тоскливость образовалась на месте утраченных «розовых очков». Она, сама того не замечая, вдруг посмотрела на свою жизнь серьезно и по-взрослому, и увиденное обес-

куражило и потрясло ее. Сейчас ей не хватало кого-нибудь совсем постороннего и малознакомого, чтобы он мимоходом ободрил ее, просто поболтал с ней о чем-нибудь интересном. Сейчас она, как никогда, нуждалась в человеке, который бы открыто и честно посмотрел в ее глаза, и тем как бы невзначай помог выбраться из этой пропасти скуки и разочарования.

Утром она спросила у Старого Лео:

– Пап, помнишь, когда я сошла со «Звездного волка», со мной еще был пленный землянин. Ты, случаем, его не ликвидировал?

Лео на минуту задумался:

– Дай-ка сообразить. Нет. Сразу-то приказа к расстрелу я не дал, а когда ты уехала, вспомнил о нем, да подумал: вернешься – вдруг будешь жалеть? Он ведь, кажется, тебе чем-то приглянулся... Я отправил его на рудник. Он ведь здоровый детина. Значит, коли надсмотрщики не прибили и обвалом не накрыло, то точно живой.

– Знаешь, пожалуй, я наведаюсь на рудник. – Кошечка старалась казаться как можно более равнодушной.

– И зачем это тебе? – Лео даже слегка удивился.

– Интересно посмотреть, что там делается. Я ведь тоже хозяйка Джорджии?

– Конечно. – Старый Лео поцеловал дочь в лоб. – Хозяйка всего, что тут есть. Только, ради Бога, не лазь в саму шахту. Там грязно и пыльно.

– Что ты, папочка! Я только гляну с гребня и назад.

И она пошла собираться, и все ее мысли почему-то были исключительно о пленном чужаке.

Кошечка надела скромненький бирюзовый комби и такую же шляпку. Потом долго рылась в кладовке и наконец нашла маленький бинокль на шнурке.

– Ни в коем случае не спускайся в штольни. Смотри только с отвала, – еще раз посоветовал ей Старый Лео. – А то запачкаешься и надышишься черти чем. Потом будет болеть голова.

– Я все сделаю так, как ты говоришь, – весело сказала де-вушка. – Ты самый заботливый папочка в мире!

Она села во флаер и тронула водителя-охранника за плечо. Тот дал малую скорость, и флаер, весь дрожа, как в лихорадке, поднялся и двинулся в сторону рудника. Кошечка обернулась и помахала отцу рукой. Она продолжала смотреть в сторону удаляющейся усадьбы, пока та не скрылась за холмом.

Рудник возник как-то вдруг. Флаер вскарабкался «на горку» над очередным горбом холма, похожего на огромный бархан, и Кошечка увидела ямину шахты, огороженную рядами «колючки» и с «вышками» по углам, грузовые платформы и, как будто жавшиеся друг к другу в испуге, покосившиеся и заплатанные бараки немного в стороне.

Флаер снизился и приземлился на пологом возвышении

из шлака. Девушка тут же поднесла к глазам бинокль и стала рассматривать людей, копошащихся у дыр спуска. Сгорбленные грязные невольники вручную выкатывали и опрокидывали в контейнеры скрипучие вагонетки, (а из крайних узких «дыр» вообще просто таскали руду в корзинах на спине) и опять скрывались в темных отверстиях. На противоположном отвале за подобием стола под навесом, неряшливо сколоченным из остатков пластиковых контейнеров, расположилась кучка надсмотрщиков – видно, они там систематически перекуривали. При появлении хозяйского флаера солдаты тут же бросили картишки и затушили бычки, разбежались по постам и стали усердно понукать и даже «взбадривать» резиновыми плетками наиболее медлительных невольников.

Кошечка стала пристально всматриваться в лица рабов, снующих с корзинами и занятых вагонетками. Однако транспортировкой руды наверх, видимо, занималась определенная «бригада», и через некоторое время лица (и номера на робах) стали повторяться. Землянин же среди них так и не появился.

– Слушай, а мой отец покупал рабов для рудника в ближайшие три месяца?

– Нет. Работорговцы вообще что-то давно не наведывались, – ответил солдат.

– Значит, номер чужака один из последних, – предположила Кошечка и тут же приказала водителю: – Вниз. К вы-

ходам из штолен.

– Но хозяин... – попытался было возразить охранник.

– Делай, что я говорю, и не смей проболтаться Старому Лео, – оборвала его Кошечка.

Флаер опустил на площадке около рудника. Надсмотрщики вытянулись во фронт и поприветствовали прибывшую хозяйку нестройным «Здравия желаем». Кошечка вылезла из машины и картинно улыбнулась:

– Приветик, ребята. Кто тут у вас старший?

Вперед выступил мужчина с плетью и короткоствольным бластером, неопрятный, лысоватый и дряблый. На вид ему было никак не менее шестидесяти лет, но Кошечка знала, что он гораздо моложе, а видимое состояние – прямое следствие тлетворного влияния отравляющих паров рудника. Кошечка поманила его пальцем и кокетливо взглянула в глаза исподлобья:

– Давненько тут служишь?

– Десятый год, – отрапортовал наемник.

– Ты сейчас пойдешь в штольни и выведешь сюда последние пять номеров, – вкрадчиво произнесла Кошечка. – Сделаешь быстро – заработаешь мою благодарность.

Я не могу этого сделать, леди. Эти рабы прикованы в штольнях, а ключами ведаёт инженер смены. – Лицо стражника омрачилось.

– Ну, тогда позови мне того, кто с ключами, – так же «благосклонно» промурлыкала девушка и, заметив, что глаза на-

емника жирно заблестели, подумала, что, пожалуй, не следует с ним переигрывать.

Ждать пришлось всего несколько минут. Пресловутый инженер невольничьей смены вместе с давешним посыльным появились из ближайшего барака. При нем была объемистая сумка с номерными брелками.

– Мне нужно, чтобы сюда были выведены невольники последних номеров, – без предисловий повелительно начала Кошечка... и осеклась, потому что вдруг засомневалась: «А если земляшке присвоили не последний, а просто свободный номер?» Тогда она подумала с полминуты и продолжила: – Нет, не так. Будет гораздо лучше, если вы проводите меня в шахту и покажете рабов, которые появились на руднике последними.

– Но хозяин говорил, чтобы вы не спускались в шахту, – попытался было опять встрять водитель.

– Заткнись. Не твоего ума дело, куда собирается хозяйка. А проболтаешься моему папаше – сильно пожалеешь, – огрызнулась девушка и решительно направилась к входу в шахту, напяливая услужливо поданную каску прямо поверх шляпки.

В штольнях, где шла добыча, было темно и душно как в гробу. Кошечкин слух «окунулся» в какофонию звуков, издаваемых кирками, ломami и осыпающейся породой. Все это отдавалось причудливым эхом в извилистых коридо-

рах, а еще временами слышалось какое-то звяканье, скрип, невнятная ругань и надрывный кашель. Фонари под сводом, казалось, совсем не горели, так как жадная порода поглощала свет. Поэтому, хотя рудокопов, судя по всему, в непосредственной близости было множество, Кошечка никого толком не могла разглядеть. Только смутные силуэты, шевелящиеся во тьме.

Начальник смены, усердно считавший ответвления, наконец остановился и указал на один из тупиков:

– Здесь работает номер 596. Самый «свеженький». Позже него никого не прибывало. – И осветил фонарем человека, долбящего киркой стену с жилой из руды.

Кошечка с трудом узнала землянина: такой же грязный и сторбленный, в сильно обтрепанной робе, прикованный цепью за ногу, как и все остальные невольные «участники» процесса добычи.

Пленный распрямылся и замер, часто моргая отвыкшими от света глазами.

Кошечка приблизилась к нему и насмешливо спросила:

– Почему же ты не здороваешься со мной так, как у вас принято? Не узнал? Или работа здесь заставила тебя забыть о манерах и вежливости?

Землянин тихо, но со спокойным достоинством и расстановкой ответил:

– Приветствую вас, леди Лилия, и сразу же прошу прощения за допущенную бестактность. Однако мне подума-

лось, что в данной ситуации подобная церемония была бы неуместна.

– Почему же?

– Видите ли, скорее всего, вам было бы противно прикосновение чего-то грязного. Поверьте, леди, мне и самому такое состояние крайне неприятно.

Кошечка невольно улыбнулась:

– А ты такой же забавный, как и раньше... Я тут на досуге вспомнила про тебя, и мне вдруг захотелось поболтать с тобой в домашней обстановке. – И, уже обращаясь к сопровождающим стражникам, добавила: – Немедленно отправить этот номер на внеочередную санобработку, снабдить новой одеждой и обувью, а также обеспечить конвой. Он должен быть в хозяйской усадьбе у моей двери ровно через два часа и не минутой позже...

Стражник начал перебирать ключи, и Кошечка нетерпеливо фыркнула:

– Живее, солдат. Время пошло.

Замок был разомкнут, цепь снята, и землянин, склонив голову и прижав ладони к груди, произнес:

– Благодарю вас, великодушная госпожа.

– Жду через два часа в усадьбе, – еще раз напомнила Кошечка скорее стражникам, нежели землянину, и направилась к выходу.

Чуткое ухо уловило звук шагов в коридоре. Кошечка по-

чему-то лихорадочно заерзала в кресле, примеряясь, как бы покрасивее сесть. Шаги смолкли, прозвучало тихое ругательство, и раздался деликатный стук в дверь.

– Войдите. – Девушка машинально поправила прическу.

Дверь отворилась. На пороге стояли солдат конвоя и пленный. Землянин неплохо выглядел – все та же невозмутимая стать, свойственная только внутренне уверенным в себе людям, хотя месяцы безвылазного пребывания в шахте и давали о себе знать. Кожа его, когда-то имевшая красивый оттенок натурального загара, побледнела почти до молочной белизны, он похудел, и озера глаз еще отчетливее выделялись на осунувшемся от утомления и плохого питания лице, однако приобрел теперь еще более заметные благородно-утонченные черты.

– Оставь нас, – махнула рукой Кошечка стражнику.

Солдат тут же ушел.

Землянин же поклонился и поцеловал поданную Кошечкой руку.

– Присаживайся, – миролюбиво предложила она, разглядывая его с головы до ног. – Побеседуем.

Пленный сел в кресло, непринужденно облокотившись на спинку и положив ногу на ногу. Такой вольности в присутствии хозяйки не позволил бы даже и начальник стражи, однако Кошечка и не заметила этой крайней наглости, настолько была поглощена раздумьями о том, как начать разговор.

– Ну, как тебе здесь нравится? Понял, кто здесь хозяин? –

наконец задала она «риторические» вопросы. – Я поболтала о тебе с надсмотрщиками, так они говорят, что ты был несколько раз избит невольниками, работающими с тобой рядом, и даже не пытался защитить себя. Почему ты не дал им сдачи сразу или хотя бы не отомстил немного погодя, чтобы больше неповадно было? Неужели ты слабее их порознь или просто струсил?

– Не вижу в этом смысла, – ответил землянин. – Они ведь несчастнейшие люди. Жить так, как они живут, просто нельзя.

– Ты еще и жалеешь своих обидчиков? Да ведь они издевались над тобой! Причиняли тебе боль!

– К сожалению, разум их беспробудно спит, а существование тянется бесконечной чередой унижений и ненавистной механической работы при отсутствии возможности проявить хоть какие-то человеческие чувства. Насильственно низведенные до состояния вьючных животных, эти несчастные просто не в состоянии общаться по-человечески: их часто охватывает безысходное отчаяние, что и проявляется в постоянной озлобленности, а то и вообще в немотивированной агрессии ко всем окружающим. И в довершение всего они несвободны даже в движениях, держать людей на цепи – это дичайшее варварство...

– Ах, тебе не понравилось цепь? По-твоему, так твои хозяева – дикари и варвары? – Кошечка усмехнулась при мысли о том, как сейчас «пугнет» чужака, и достала из ящика стола

наручники, красноречиво щелкнув браслетами. – А знаешь, мне нравится, когда некоторые особо дерзкие рабы просят прощения за непонравившиеся хозяйке слова, стоя на коленях. И тогда жизнь ничтожного наглеца, вымолившего помилование таким образом, может быть существенно улучшена. В противном случае – сначала карцер и хорошая порка, а потом опять забой, цепь и кирка до тех пор, пока не вытащат на свет Божий в последний раз только за тем, чтобы окончательно зарыть в соседней братской яме.

Землянин медленно встал из кресла и склонился перед Кошечкой, протягивая обе руки для наручников.

Кошечка вдруг смутилась и растерялась: ей казалось, что она заранее просчитала его реакцию, однако подобного она явно не предусмотрела.

Около минуты длилось тягостное молчание. Наконец пленный поднял на нее взгляд и твердо сказал:

– Просить прощения за свои слова я не собираюсь. Ведь они все равно правда – независимо от того, нравятся они вам или нет. Оскорбить же вас лично, леди, не хотел.

Тут девушка очнулась от растерянности и с поспешностью произнесла:

– В другое время я с удовольствием приказала бы сейчас же нещадно высечь тебя за непомерную для раба спесь и отправить обратно в шахту в самый дальний забой. Но сегодня я почему-то подозрительно добрая, так что тебе на самом деле очень повезло с хозяйкой, хотя ты этого пока и не осо-

знаешь. Ох! Учить тебя, дурака, долго еще учить уму-разуму... Присядь, что вскочил? Наш разговор еще не окончен.

Землянин снова сел в кресло и вдруг, прикрыв рот ладонью, глухо закашлялся.

– На, возьми. – Кошечка быстро достала из кармана носовой платок и протянула ему, наблюдая, как его скулы подергиваются неестественным румянцем.

Он взял платок и прижал к губам. Кошечка ждала, пока приступ кашля закончится. Наконец землянин успокоился и устало откинулся на спинку кресла, щеки его все еще пылали.

– Да ты заболел! – Кошечка постаралась сделать выражение лица как можно более равнодушным и даже брезгливым. – Слабак! Другие невольники работают в шахте годами, а нежный земляшка не выдержал и нескольких месяцев!

– Все люди на руднике больны в той или иной степени. Все без исключения, а не только подневольные рабочие. – Землянин опять открыто глянул в глаза девушке. – Даже ваш отец выглядит нездоровым.

– Что? Да как ты смеешь?! – вспыхнула Кошечка. – Повелитель Джорджии полон здоровья и жизненных сил! Все рабы обязаны желать ему здоровья! Впрочем, – уже с грустной задумчивостью продолжала она, – он действительно стал себя плохо чувствовать. Он, конечно, отрицает, что часто бывает на руднике. Это ложь, чтобы меня успокоить. На самом деле он не может бросить дела. Ведь наше время никому

нельзя доверять, все нужно контролировать! Последнее время дела идут хуже и хуже, рудник снижает добычу. По сравнению с прошлым годом он стал давать на треть меньше выработки. Рабы мрут как мухи, новые невольники дорожают, да и завозят их реже и реже. Стража требует повышения жалования и надбавок за то, что приходится лазить по дальним забоям... Отца все это ужасно огорчает.

– Шахта очень опасна, пыль и испарения руды ядовиты, средств защиты вообще не предусмотрено. Ваш отец очень серьезно болен. И, судя по всему, заболевание у него вступило в решающую фазу. Я своими глазами видел, как умерли несколько человек, а предшествующие смерти симптомы были у всех одинаковы и разнились только силой выраженности. Все эти люди были на последней стадии болезни и переступили тот рубеж, на котором находится теперь ваш отец. Болезнь протекает у всех примерно одинаково, и думаю, при отсутствии должного лечения подобный конец – лишь дело времени и личной прочности организма пораженного.

– Ты что же, еще и врач?

– Для подобных выводов достаточно элементарных знаний по медицине и умения наблюдать.

– Ладно, и что же ты, наблюдатель, посоветуешь?

– Вашему отцу нужно немедленно начинать лечение. Надеюсь, где-нибудь у вас существует место с нужными для восстановления дыхательной системы условиями и контингентом врачей-специалистов.

– Такого совета можно было ожидать от чужака. Ведь ты просто не представляешь, каких деньжищ будет это стоить! Ах да! Ведь у себя на родине ты привык пользоваться всеми благами задаром и не в курсе проблем обычных людей, – спохватилась Кошечка. – Так вот, нам с отцом всякие там крутые клиники, санатории и курорты практически недоступны, ведь для того, чтобы ими воспользоваться, пришлось бы истратить без остатка сбережения, отложенные на черный день, да и этого вряд ли хватило бы. А теперь нужно неотлагательно покупать еще и новых рабочих для рудника, ведь те, что есть, скоро передохнут, и добыча вообще остановится. А рабы сейчас ох как не дешевы!

– Можно спросить? – почти перебил ее землянин.

– Спрашивай.

– Как это «покупать»?

Кошечка на минуту задумалась.

– Вот дурак! Как это «покупать»? Глупейший вопрос. Ну, понимаешь... – Тут она решила объяснить так, как ей когда-то объясняли в школе: – Все вещи оцениваются в определенное количество абстрактных единиц, в которых выражаются материальные затраты и труд производителя. Например, – тут девушка показала золотое колечко на пальце, – правда, красивенькое?

– Очень изящное.

– И стоило оно мне почти полтысячи единиц, потому что из редкого металла и с драгоценным камушком, да и работа

кое-чего стоит. Ну, и еще нужно получить выгоду, то есть сверх затраченного, иначе никто бы и не почесался. Вот я и купила его за кругленькую сумму. Теперь понятно?

– Почти понятно. Только не ясно одно: как в разряд вещей попали люди? Или их изначально заказывают у родителей-производителей и этим покрывают их материальные затраты и труд на производство?

Такое предположение было так нелепо, что Кошечка расхохоталась. Это было ужасно смешно, тем более что перед ней был все-таки вполне взрослый и самостоятельный мужик, к тому же, похоже, не плебей и всамделишный капитан звездолета, а не какой-нибудь умственно отсталый сиротина, прошедший всю жизнь безвылазно в прибежище для инвалидов.

Пережив приступ веселья, Кошечка посмотрела на землянина. Он наблюдал за ней с таким серьезным видом, что она опять не смогла удержаться от смеха. Наконец она устала смеяться и проговорила:

– Ну и придурок же ты... или просто притворяешься! Еще никто, наверное, не задавал столь глупых вопросов!

Пленный же ничуть не смутился:

– Я спросил согласно логике.

– Ладно. Если ты такой наивный, то придется тебя просвещать. Мы часто воюем, потом захват поселений на периферийных, слабо защищенных или отсталых планетах, да и вообще, большинство рабов уже рождаются рабами пото-

му, что их родители – рабы. Люди – такой же товар, как и все остальное. Был бы устойчивый спрос – кто-нибудь да обязательно наладит предложение. Правда, последнее время невольники стали очень дорогим товаром. Пираты, промышляющие такого рода торговлей, поперевелись, к тому же центральные власти принимают против работорговли закон за законом. А знаешь, вот ваша Земля могла бы предоставить отличный товар такого рода. Сам говоришь, армии у вас нет. Кто же будет защищать и охранять планеты, если случится налет? Да грабить вас будет просто развлечением!

Землянин еле заметно сжал губы и слегка нахмурился. Он явно не желал, чтобы его чувства и мысли были сейчас раскрыты.

Но Кошечка уже все «просекла» и ехидно заметила:

– Ты бы с большим удовольствием врезал мне за эти слова? Не так ли?

– Не так. – Пленный ответил еле слышно, сквозь зубы.

– Обещаю, я не рассержусь на тебя. Не бойся сейчас признаться в очевидном: будь мы на равных, просто плюнул бы мне в лицо и добавил кулаком.

– Я и не боюсь. – Землянин вздохнул. – Но драться, тем более с женщиной, противоестественно и не по-мужски. Я о таком и не думал, а делать бы не стал в любом случае.

– Вот видишь, ты сразу же смирился, заменив естественную реакцию протеста на философствование. Как говорить, подставил вторую щеку для еще одной оплеухи. Ты так

же делал и на руднике. Разве подобные тебе не идеальны как невольники? Что может быть лучше для хозяина, чем раб, не смеющий защищаться от издевательств из-за соображений «идейного» порядка? – Она посмотрела на него с испытующе подчеркнутым высокомерием, но пленный как будто и не заметил этого откровенного «укола» в самолюбие, а последние слова так вообще пропустил мимо ушей и вдруг сказал спокойным и даже деловым тоном:

– Как я понял, вам очень нужно, чтобы рудник работал, но нежелательно тратить на него «единицы», или «деньги», которые у вас тут в ходу повсеместно как некий универсальный символ перераспределения материальных ресурсов. Если бы вы выслушали мое предложение, то вам бы не понадобилось покупать этих несчастных, загодя обреченных на непосильный механический труд и мучительную болезнь, как правило, заканчивающуюся летальным исходом.

– Что же ты хочешь предложить?

– Почему бы вам не поставить в шахте автоматическое оборудование? Оно гораздо производительнее, долговечнее, да и обслуживающего персонала требует не в пример меньше.

Кошечка опять рассмеялась:

– Да оно же стоит опять же бешеных денег! Наверное, дороже, чем рудник со всеми потрохами! Да и где его нам достать? Только если у вас на Земле!

– Зачем так далеко лететь за примитивными автомата-

ми? – Лицо землянина отразило неподдельное удивление. – Нужного материала предостаточно прямо на территории рудника, так что больших энергетических затрат для производства деталей с нуля или их дальнейшей транспортировки вообще не понадобится. Можно просто сразу спроектировать и собрать оборудование на месте из уже имеющегося материала.

– И кто же будет этим заниматься? Ведь для этого на Джорджии должен иметься хоть один человек, хорошо в этом смыслящий. Вряд ли здесь найдется специалист, способный воплотить эти сказочные мечты в реальность.

– Вообще то, дело вполне осуществимое. Если хозяйке будет угодно, я бы мог заняться этим проектом незамедлительно, – таким же спокойным тоном заверил землянин. – Только мне для этого нужны некоторые инструменты, которые найдутся на каждом космическом корабле или катере, может быть, два-три помощника для ускорения процесса, ну и какой-нибудь исходный материал. Я видел «богатеишую» свалку у самого рудника, там среди прочего валяется почти целый орбитальный катер.

– Эта ржавая консервная банка относится еще к временам моего прадедушки.

– Это ничего. Наверняка его детали все еще годятся для использования.

– Признайся, в действительности ты служил техником на своем звездном судне? Возвел себя в капитаны на словах для

солидности? – неожиданно спросила Кошечка и добавила: – Для капитана это уж слишком грязная работа.

– Плох тот капитан, который не разбирается в технических основах практически. Я всегда пытался научиться как можно большему и никогда не стеснялся что-либо делать своими руками. А работа грязновата, так это ничего, можно после и помыться. Главное, принесет реальную пользу.

– Кому? Тебе? Ты – раб!

– Не мне. Ну и что из этого? Работа – это не только обязанность, но и удовольствие.

– Удовольствие? – Кошечка опять рассмеялась. – Работа – это удовольствие! И ты действительно так думаешь? Это стоит записать! Ладно, можешь идти отдыхать. Я распоряджусь, чтобы тебя не загоняли обратно в забой. И о твоих автоматах тоже подумаю. Иди...

Землянин встал, изящно поклонился и исчез за дверью.

Прошло совсем немного времени, а первые автоматы были уже готовы. Землянин работал день и ночь. Стражники и остальной «свободный» персонал рудника с некоторым недоверием (и скрытым интересом) наблюдали за его работой, но мешать не пытались. Землянину даже выделили двух помощников, тоже подневольных.

Кошечка каждый день тайком от Старого Лео заглядывала на рудник. Чаще всего она наблюдала с отвала прямо из флера, «перебрасываясь» фразами с часовыми, и с полным рав-

нодушием относясь к их грубым словесным шуткам и липким комплиментам.

Бывало, что хозяйка «снисходила» прямо к шахте, сажая флаер на площадку перед спуском. Тогда она обязательно подзывала землянина, который тут же бросал работу, здоровался с ней в изысканных (и потому удивительных и совершенно непривычных для здешнего люда) выражениях и даже неизменно удостоивался чести «приложиться» в поцелуе к ручке хозяйки. После этой «церемонии» они уходили под навес «общаться», присаживались на скамейку практически рядышком. При этом хозяйка приказом отсылала любопытствующих стражников на недостижимое для слуха расстояние и разговаривала с пленным по целому часу и более.

Наемники, наблюдающие за подобными отношениями хозяйской дочки и странного невольника, сдержанно сплетничали меж собой и даже исподтишка язвили, но на большее никто не решался.

– Кто его знает, чем все это обернется? А пока этот сумасшедший под хозяйским покровительством. Тронешь его лишний раз или громко сболтнешь про него и наследницу какую-нибудь глупость, так наживешь себе ненужные проблемы и неприятности. – Таково было общее мнение.

Так незаметно прошло три недели. И вот однажды землянин завел разговор о работе, которую выполнял.

– Основные узлы и части линии закончены, – сказал он. – Теперь нужно установить оборудование на место.

– Хорошо, – одобрила Кошечка. – Что для этого нужно?

– Нужно остановить работу в основном коридоре на три дня.

– Шахта практически замрет на три дня? Отец вряд ли на это согласится. Три дня простоя! А вдруг автоматы не будут работать как надо? В этом случае не сносить тебе головы, и даже я бессильна буду что-то сделать.

– Они будут работать. Обещаю.

– Ты так уверен? Хорошо, я поговорю с отцом.

Кошечка действительно поговорила со Старым Лео в тот же день.

– Только двое суток и не минутой больше, – категорично заявил Лео, однако нешуточно заинтригованный. – Посмотрим, на что способен твой земляшка.

Старый Лео и Кошечка сидели на веранде и пили чай, когда со стороны холмов рудника был замечен бегущий человек. Через некоторое время он проскочил через ворота, рысью пересек двор и бросился к хозяевам, салютуя на ходу.

– Оно работает! Ей-богу! – без приветствий и предисловий прохрипел прибывший, оказавшийся посыльным солдатом с рудника, и во всем его виде сквозил восторг.

– Приди в себя и объясни толком, – выдержав начальственную паузу, приказал Старый Лео.

– Автоматы в шахте заработали! Клянусь, что такой механизации нет даже на Лее!

– Стоит взглянуть и проверить, – спокойно, но со скрытым любопытством сказал Лео, размешивая сахар в чае.

Кошечка же прикрыла нижнюю часть лица ладонью, стараясь не показывать своей радости, и нарочито равнодушным тоном добавила:

– Но сначала мы допьем чай. – И тут же взяла конфету, делая вид, что очень занята едой. На самом же деле она была готова сорваться с места прямо сию секунду и броситься к руднику.

Наконец, трапеза была окончена. Цыпочка стала убирать со стола.

– Ну а теперь поедem на рудник, посмотрим, – сказал Старый Лео.

– Сейчас, только переоденусь. – И Кошечка неспешно вошла в дом.

Но как только за ней закрылась дверь, и она убедилась, что ее никто не видит, шаги ее ускорились до быстрого бега. Она буквально влетела в свою комнату и тут же с головой залезла в гардероб. Ей хотелось выглядеть как можно лучше: Пусть он увидит! Я сумею произвести на него впечатление! Пусть земляшка будет сражен! Он просто обязан влюбиться в меня, ведь не он первый, не он последний... – подумала Кошечка, лихорадочно наряжаясь и подкрашиваясь. – Вот так годится. – Она еще раз повернулась, придирчиво оглядывая себя в зеркале. – По-деловому сдержанно и красиво.

Она последний раз провела расческой по волосам и вы-

скочила из комнаты.

Отец, ожидающий ее во дворе уже во флаере, насмешливо заметил:

– Ну, ты и собираешься, прям как на свидание! А вырядилась-то, красотка, чтобы в эту грязь лезть!

– Но ведь на руднике полно мужчин, – улыбнулась в ответ Кошечка самой невинной улыбкой. – Если я хоть раз в месяц буду показываться там в таком виде, то тебе можно будет зачислять это как премиальные страже. Отличная экономия. И они ведь не будут против? Правда? – Она подмигнула и отпустила воздушный поцелуй обалдевшему солдату.

Старый Лео открыл для нее дверцу флаера и со смехом произнес:

– Залазь, кокетка, поехали.

Она впорхнула в машину. Флаер поднатужился и, с видимым усилием оторвавшись от поверхности, взял курс к руднику.

В шахте была приостановлена вся привычная работа. Практически все невольники «отдыхали» в бараках. Даже еле живых доходяг-штрафников из самых дальних забоев в кои-то веки спустили с цепей, вывели из темных каменных ловушек и отогнали в сторонку, под навес, к самой «колючке». Там они и сидели в плотной кучке, щурились, потирая глаза, совершенно ослепленные уже забытым солнечным светом, и кашляли с кровью – почти уже не люди, а так, вы-

сохшие и облезлые зомби в лохмотьях с номерами.

Практически все стражники, кроме часовых на вышках, тоже покинули свои привычные посты и толпились теперь на площадке перед входом, смолили сигаретами, трепались и наблюдали за новеньким погрузочным автоматом диковинного вида, проворно и чисто заполняющим принимающий контейнер с помощью весьма презабавного «хобота». Они были так увлечены, что даже не сразу заметили приближающийся хозяйский флаер.

Машина неуклюже-грузно приземлилась. Стража, опомнившись, наскоро построилась и, как только Старый Лео вылез из флаера, гаркнула «Здравия желаем!». Когда же вслед за отцом из машины на мелкий щебень грациозно выскочила Кошечка, по строю прокатилась осязаемо-жирная волна восхищения, и кто-то даже смачно зачмокал.

– Ну, посмотрим, посмотрим, – важно произнес Лео и медленно пошел к входу в шахту, по дороге оглядывая «зону приема сырья».

Кошечка тем временем рассматривала рабов, расположившихся на отвале, но землянина среди них не заметила.

«Он, наверное, внутри», – подумала она и поспешила за отцом.

Старый Лео уже спускался в шахту, основной вход в которую был настолько пологим, что не было надобности даже в примитивном подъемнике. По стене тянулась толстая труба, и в ней шуршало и пересыпалось: это была руда, идущая на

поверхность.

Они дошли до разветвления туннеля и остановились. Тут транспортировочный модуль заканчивался, и начиналась собственно добывающая линия: свет фонаря выхватывал «мистические» очертания силовых блоков, дробился на мерцающие тени принимающих и «хищные» силуэты добывающих приспособлений.

Кошечка поминутно оглядывалась, ища глазами творца всех этих новшеств. В ее мозгу даже промелькнула мысль: а не сбежал ли земляшка, воспользовавшись оплошностью стражи и всеобщей восторженной суматохой?

«Нет, – тут же подумала она. – Он ведь тут чужак для всех и прекрасно понимает, что бежать ему просто некуда».

Тут ее глаза наконец различили знакомый человеческий силуэт. Землянин, измученный работой, спал, расположившись прямо у стенки бокового ответвления и склонив голову на козух передаточного узла. Рядом с ним стоял открытый корабельный ящик, с разложенными с безупречной аккуратностью инструментами и горкой каких-то деталек на тряпке, чуть дальше привалились к стенке двое его спящих помощников.

Кошечка подошла ближе и осветила потное и перемазанное машинным маслом лицо направленным лучом фонаря, но пленный даже не шелохнулся.

– Почему он дрыхнет? – возмущенно проговорил Старый Лео и уже хотел пнуть спящего ногой, но Кошечка схватила

его под руку и потащила к выходу.

– Ведь ты дал вместо трех дней на установку и наладку всего два. – Она улыбнулась отцу. – Он старался пустить автоматы вовремя и работал эти два дня без минуты передышки. Я думаю, что стоит дать ему возможность оборудовать всю шахту и обучить обслуживающий персонал.

– Да, – сказал Лео. – Неплохая работа, и производительность не в пример выше, чем при ручной добыче. Но как обучить чему-то дельному это тупое отрепье -невольников? Они ведь спят и видят, как бы чем-нибудь навредить или сломать что-нибудь ценное.

– Для этого нужно их освободить, – ничуть не смущаясь, ответила девушка.

Лео на секунду приостановился и, сжав ручку пистолета, грозно спросил:

– Уж ни этот ли умалишенный нашептал тебе такую крамолу?

– Нет, это мне самой пришло в голову, – поспешно проговорила Кошечка.

– Больше никогда не говори и даже не думай об этом. Стоит нам освободить рабов, и они сразу же откажутся работать на нас, или, того хуже, вздумают наводить тут свои порядки, возьмут оружие и просто перестреляют нас, – строго сказал Лео. – Мало того, они наша безоговорочная собственность, за которую были выплачены немалые денежки, мы их купили и обязаны ими распоряжаться. Ты же не хочешь лишить-

ся всего, что имеешь, и стать обычной нищевродкой, каких пруд пруди?

– Подожди, отец. – Кошечка перешла к мягким маневрам. – Я думаю, что стоит все же дать частичную свободу группе наиболее сообразительных и способных рабов, а также начать обучать их обращению с шахтной техникой и ее ремонту. В этом случае они вскоре смогут обслуживать всю механизированную часть рудника. Остальные же невольники будут переведены на более легкий труд на поверхности, ведь теперь сырья будет гораздо больше. Польза от таких нововведений вполне очевидна.

– Все кажется тебе очень гладким. Но ты не подумала, что таким образом мы своими руками создадим шайку одаренных разбойников прямо у себя под боком. Почувствовав отсутствие жесткого контроля, эти «частичные» рабы неизбежно возжелают большего, постараются взять оружие и, следовательно, власть в свои руки. Как тебе понравится такой оборот, когда в одно злополучное утро в твой дом ворвется этот грязный скот и твой земляшка или кто-нибудь из его ученичков пристрелит меня и тебя?

– Ты сгущаешь краски, папочка, – опять улыбнулась Кошечка. – Я ведь говорю всего лишь об ограниченной свободе, а не об абсолютной неподконтрольности. Они же все равно останутся нашими рабами, просто будут пользоваться определенными привилегиями, то есть послаблениями в режиме содержания. Организуем им лучшую кормежку и да-

дим больше времени на отдых, разрешим беспрепятственно передвигаться по территории рудника в дневное время, поселим в отдельном бараке с лучшими условиями быта или же разрешим проживание в поселке на постое. Они будут работать хорошо потому, что побоятся лишиться всех этих благ...

Лео молчал, пока они окончательно не вышли на поверхность, а выйдя из шахты, наконец произнес:

– Ты права, дочка. Раз уж мы решились механизировать шахту, то техники нам все равно понадобятся. Я прикажу, чтобы отобрали десяток рабов помоложе и поздоровей. Да, и потише... Разбойники и тем более бунтовщики нам без надобности. – Тут он споткнулся и закашлялся. – Чертова руда! Я стал стар... Кому следить за всем этим хозяйством?

– Ничего, папа, ты еще крепкий мужик. – Кошечка быстро забралась во флаер, уже не стараясь выглядеть эффектно.

Старый Лео, продолжая кашлять в кулак, тоже плюхнулся на сиденье и хлопнул дверцей. Флаер заурчал и тяжело двинулся прочь, набирая высоту и скорость.

Шло время. Добыча уже была автоматизирована полностью. Но неумный земляшка и не думал на этом останавливаться, а умудрился спроектировать линию по сортировке и обогащению сырья и усердно трудился над воплощением очередного проекта в реальность. Но теперь, параллельно работе над задуманным оборудованием, он еще и обучал

эксплуатации и ремонту уже установленных автоматов десятков «школяров», отобранных из общей невольничьей массы и прикомандированных к нему по личному распоряжению хозяина. Кстати, «любимчик хозяйки» в этом отборе весьма настойчиво (хотя и с редкой тактичностью и отсутствием раздражающей навязчивости) и потому эффективно участвовал, практически самолично выбрав себе учеников. Таким образом, на руднике возникла целая бригада счастливчиков, бывших на особом положении благодаря своей теперешней принадлежности к «технической элите». Отныне эти невольники стали гордо называться техниками, переоделись в новенькие синие костюмы из более мягкого и дорогого материала, нежели у остальных рабов, и даже удостоились чести именоваться не просто порядковыми номерами, а индивидуальными кличками, как и вольнонаемные личности. Кроме того техники получили право на жительство в деревне (и сразу же переселились туда), один день в неделю для дополнительного отдыха и даже небольшую сумму денег, выплачиваемых как раз к этому выходному. Эти деньги они могли потратить по своему усмотрению, в том числе и на любое «легальное» развлечение, будь то лакомство, курево, выпивка или общение с женщинами легкого поведения.

Остальные рабы, конечно, завидовали такому положению своих недавних товарищей по несчастью, но по необходимости довольствовались уже тем, что их ядовитых подземелий выбрали на поверхность. Охранники тоже были довольны,

потому что им не было больше нужды лазить по забоям.

К чужаку, несомненно бывшему мозгом и сердцем этих разительных перемен, на руднике прониклись искренним почтением, хотя одновременно и считали его человеком, мягко говоря, с большими странностями. За ним даже устойчиво закрепилась насмешливая кличка Святоша за абсолютную и поэтому сильно шокирующую трезвость и воистину запредельную сдержанность.

Ученики поначалу все время норовили подшутить над своим наставником, уж очень сильно веселила его неадекватная реакция на эти чересчур грубые и злые шутки. Бывало, что Святоша совершенно без обиды смеялся над собой вместе с ними, но чаще всего только кротко улыбался, неодобрительно качая головой, однако никогда не пытаясь вразумить «шутников» самым понятным методом. Это и удивляло более всего, и сначала все было подумали, что он просто слабак, что опять же сразу стало поводом для насмешек.

Однажды техники ради шутки приготовили огромный булыжник, подперли им дверь душевой пристройки, в которой находился землянин, и спрятались за оградой, давась от еле сдерживаемого смеха и переговариваясь. Святоша, услышав возню и выглянув в окошко, заметил прямо перед дверью этот «камушек». Насмешники так и прыснули, предвкушая, как он будет «немошно» ругаться, звать на помощь и корячиться, безуспешно пытаясь выбраться. Тем временем дверь медленно и плавно приоткрылась, неумолимо сдви-

гая камень так, чтобы возможно было протиснуться человеку. Святоша вышел на крыльцо, поплевал на ладони и поднял булыжник (техники еле притащили его сюда вчетвером), поудобнее перехватил его, прицелился, раскачивая (ни дать ни взять как спортсмен-метатель тяжестей), и ловко и точно бросил, слегка подкрутив «снаряд» для вящего эффекта. Описав высокую дугу, камень перелетел через ограду и приземлился прямо за шутниками, обдав их фонтаном пыли и мелкого песка с головы до ног. Святоша же, демонстративно отряхнув ладони, сказал с всегдашней спокойной расстановкой:

– Выходите, чего там застыли? Я давно заметил вас. – И он перечислил имена сидевших «в засаде». Была у него такая причуда: он называл всех людей по именам, а клички просто демонстративно не признавал, хотя на свою собственную охотно отзывался.

Оторопевшие техники вылезли из-за ограды и теперь не знали, куда деваться. Увиденное послужило им таким ярким уроком, что они даже сразу же попытались загладить свою выходку самым распространенным «мировосстанавливающим» способом извинения.

– Ставим тебе по большой кружке пива за такой бросок! – пообещали перепуганные насмешники практически хором, когда к ним вернулся дар речи.

– Я не люблю пиво. Вы же знаете. Так что, спасибо, не надо. – Святоша улыбнулся и развел руками. – А вот когда

я еще учился, с друзьями тоже позволил себе подобную шуточку над своим наставником, и, кстати, с тем же результатом. Только мы положили плиту раз в пять потяжелее.

После этого случая ученики зауважали своего учителя не только за «мозги», хотя им и оставалось непонятным, почему он при такой исключительной силе и поразительной ловкости ни разу еще не воспользовался этими физическими качествами, чтобы вразумить кого-нибудь из очень уж назойливых шутников самым быстрым и действенным способом. Некоторое время кое-кто даже пытался спорить на деньги, что сможет все-таки раскатать Святошу настолько, что заставит подражаться, но неизменно проигрывали споры. В конце концов одни решили, что он неисправимый трус, а другие посчитали его человеком просто клинически неспособным злиться и обижаться.

Как бы то ни было, а работа и отдых с развлечениями шли своим чередом. Поселок у рудника жил обычным порядком. В урочный час открывался холостяцкий бар с программой кабаре, где было всегда полно посетителей, большинство которых составляли солдаты стражи и вольнонаемные работники, к которым теперь временами прибавлялись и подневольные техники, ведь им среди других «привилегий» было разрешено посещать данное злачное заведение.

«Синеблужники» (так техников прозвали в деревне по цвету одежды), как правило, приходили тесной компанией, когда у них появлялись денежки. С учениками приходил и

Святоша, который сразу же становился центром внимания женщин кабаре к немалой зависти всех остальных мужчин.

– И чем он их так заводит? – бубнили завсегдатаи у стойки. – Все красотки просто готовы его облизать с ног до головы.

– Он – признанный красавчик, каких прежде не водилось в наших краях. Гладкий да сладкий, как рекламная картинка, а не какой-нибудь там изъеденный угрями и циррозом тип со зловонной отрыжкой, – серьезно объясняли они сами себе и вздыхали: – Бывает везуха – родятся же такие субчики, всем на зависть.

– Дуростью своей он баб привлекает, – язвили другие. – Телкам то только сумасшедших и подавай. Болтают, что даже хозяйская дочка, и та купилась на его невинные гляделки и возвышенный треп.

И те и другие были, в общем то, правы: женщин, никогда не видевших элементарного к себе уважения, просто до самой глубины сердца поражала его ненаигранная вежливость и воспитанность вкупе с чистоплотностью и ухоженностью. Они просто млели от страсти и удовольствия, когда Святоша «при полном параде» (синий невольничий костюм на нем всегда сиял безупречной опрятностью, к тому же, как ни странно, очень ему шел), улыбаясь, говорил кому-нибудь из них «спасибо» или «будьте так добры». А уж когда он подавал руку, чтобы женщина спустилась со сцены, усаживал за столик, предупредительно отодвигая стулья, или пропускал

вперед, открывая перед «дамой» дверь, они просто готовы были выпасть в натуральный блаженный обморок.

Все самые дорогие и симпатичные проститутки старались предугадать появление Святоши заранее, чтобы вырядиться поэффектнее к его приходу и выбрать самое лучшее место, на которое он обязательно обратил бы свое внимание. Иногда между «девочками» вспыхивали прямо-таки кровавые потасовки из-за споров, кому же этот «лакомый кусочек» достанется. Все это происходило тихо, за закрытыми дверями, так как каждая женщина была в курсе слухов, что желанный объект не выносит грубости и тем более драк, и боялась, что если он вдруг узнает о случившемся, то наверняка обойдет ее вниманием. Еще больше разжигало страсти то, что Святоша ни разу не пожелал воспользоваться своей популярностью и изобилием желающих бросится к нему в объятия представительниц женского пола в корыстных целях. От таких предложений он вежливо, но категорично отказывался.

Вскоре дамы твердо усвоили, что Святоша не любит общаться с пьяными, одурманенными и вызывающе нагло ведущими себя людьми, и уже старались проявлять себя так, чтобы совершенно удовлетворять его взыскательному вкусу. При этом женщин совершенно не смущало то, что чужак всего лишь бесправный невольник, и они неизменно предпочитали его любому свободному и никогда не брали у него денег. Те счастливицы, которым повезло добиться расположе-

ния «капризника» и побывать ночью в его объятиях, потом говорили, что никогда прежде не встречали такого мягкого и нежного и в то же время такого неукротимого и страстного мужчины. Их рассказы о просто райском наслаждении, полученном от интимного общения с «ангелом с рудника», вызывали искреннюю зависть и ревность у других, менее «счастливых» подруг.

Святоше тоже завидовали. Даже его ученики иногда подступали к нему с «неприличными» вопросами и требованием денег, мотивируя это тем, что ему они по большому счету все равно ни к чему, да и вообще «мог бы и сам начать подрабатывать ночью в свое удовольствие товарищам на пиво». Впрочем, чужак к таким нападкам относился со своей всегдашней спокойной выдержкой, упорно делая вид, что подобных намеков просто не понимает, тем более что никто из завистников не решался пустить в дело кулаки, памятуя инцидент с камушком.

Кошечка по-прежнему частенько навещалась к руднику и наблюдала в бинокль, как Святоша с улыбкой, без какого-либо видимого нажима или ругани руководит бригадой своих учеников. Теперь она уже почти не спускалась вниз пообщаться с земляшкой, потому что он всегда был в окружении «свиты» техников, и просто «снизойти» и заговорить с ним при этих «синеглазых зубоскалах» не позволяла ей хозяйская гордость (а может быть, и какое-то другое чувство, она еще сама не знала точно).

Слухи о происходящем в поселке тоже достигали ушей Кошечки, и тогда она со стыдом замечала, что поддается всеобщей страсти и даже испытывает подобие ревности.

«Немудрено, что эти деревенские шлюхи мечтают о нем как о боге, – пыталась успокоить себя тогда Кошечка. – Они просто никогда не имели дела с людьми такого сорта. Ведь земляшка все-таки бывший капитан звездолета и, следовательно, представитель высшего сословия. Поэтому нет ничего удивительного, что эти низкопробные, неумытые бабы, не видевшие в своей жизни ничего хорошего, кроме грубых, плохо выбритых и вечно потных стражников, без ума от этого обходительного чистюли».

Но как ни глушила она своей симпатии, все равно ее взгляд упрямо возвращался к чужаку, и она находила в нем все больше привлекательных черт. Наконец она стала серьезно подумывать о том, чтобы забрать Святошу с рудника и заставить служить ей дома. Предлог можно было легко придумать – например, неисправность флаера или еще что-нибудь в этом роде. Ведь он так хорошо разбирается в любой технике, как, пожалуй, никто другой на Джорджии. Даже сплетен она практически не боялась, да вот только пресловутая гордость мешала ей: сознание того, что она, как и деревенские дуры, поддается его обаянию, охлаждало пыл. Но однажды произошел случай, который ускорил ее решение.

Было раннее утро, когда отец, не обращая внимания на

настоятельные просьбы и уговоры, в очередной раз все-таки отправился на рудник «с инспекцией». Кошечка сидела на крыльце, поеживаясь от утренней прохлады. Вдруг у ворот появилась какая-то закутанная в плат женщина. Охрана остановила ее. Она просила, чтобы ее провели к хозяину, но ей отвечали, что хозяина нет дома. Она уже сказала, что придет в другой раз, и собиралась уходить, но Кошечка заинтересовалась странной посетительницей и крикнула, чтобы ее пропустили к ней.

– Что тебе нужно от Старого Лео? – спросила она. – Я его наследница.

Женщина распахнула плат, и Кошечка узрела полужнакомое лицо дочки начальника стражи рудника, давнишнего приятеля отца.

– Мое имя Мила, но чаще меня зовут Мышкой... – начала пришедшая девушка.

Кошечка внимательно рассматривала ее невинное ненакрашенное личико, обрамленное почти черными, слабо вьющимися кудрями. Да, папаша оберегает свое чадо от жирных лап похотливых проходимцев! Во всяком случае, эта девочка явно не завсегдатай салунных гулянок.

– ...Мы с отцом мечтали, что когда я стану взрослой, то мы улетим на накопленные деньги на Лею-4, и я буду там учиться, а потом, может быть, выйду замуж. Но теперь мои планы изменились. Я передумала улетать отсюда и хочу выйти замуж здесь за человека, которого полюбила.

– А хозяин то тут причем? – Кошечка сразу же начала что-то смутно предчувствовать.

– Дело в том, что мой возлюбленный – «синеглазый» невольник с рудника из тех, кому разрешено жить в поселке, – продолжала Мышка. – Папа как-то говорил, что именно он исключительно ценен как специалист по новому оборудованию шахты. Однако, он, ведь, на руднике не единственный техник, теперь есть и другие. Я бы купила его, хорошо заплатив. У меня достаточно денег...

– Так ты желаешь приобрести у хозяина приглянувшегося раба для ведения домашнего хозяйства? – Кошечка сделала удивленное лицо.

– Я хочу выкупить этого человека из рабства, дать свободу и... если он только захочет, выйти за него замуж. – Мышка покраснела. – Я уверена, мы будем очень счастливы вместе, ведь я готова стать ему преданной и любящей женой, для которой он первый и единственный... Поверьте, он – самый лучший из всех мужчин, он необыкновенный, очень добрый, милый и... такой беззащитный. Я даже знаю его настоящее имя. Его зовут Эмиль. Все называют его Святошей.

Сердце Кошечки неприятно екнуло, хотя она уже чуть ли не с самого начала разговора поняла, о ком идет речь. Стараясь казаться как можно более спокойной и равнодушной, она спросила:

– Святоша, говоришь? Знаю. Это тот самый парень, что всю шахту переоборудовал. А сам-то твой избранник знает

о твоём решении? Он в курсе твоих чувств? Давно вы с ним встречаетесь?

– О, нет-нет! – заверила Мышка. – Пока что он еще ни о чем даже не подозревает. Просто я довольно часто вижу его, когда приношу отцу обед, мы здороваемся, и он всегда улыбается мне. А еще однажды он помог донести тяжелую сумку из лавки до самого дома, и дорогой мы просто болтали о том о сем, а потом отказался от денег, которые я хотела вручить ему за услугу. Вряд ли про это можно сказать, что мы встречаемся.

– А знает ли о твоём решении еще кто-нибудь? Отцу ты об этом рассказала?

– Еще нет. Я говорю об этом вам первой.

Кошечка ободрилась. План уже созрел в ее голове.

«Ничего себе, новость! У меня появилась непрошенная соперница! Но я-то тоже не дура и смогу постоять за свои интересы», – подумала Кошечка, а вслух сказала:

– Тебе просто несказанно повезло, что ты наткнулась именно на меня, а не на моего отца. Уж поверь, я тебе очень сильно сочувствую, ведь сама знаю, что такое настоящая любовь. Однако я должна тебе сказать честно: то, что ты задумала, просто неосуществимо. Твой поход к хозяину крайне неразумен и даже чреват. Мой отец, узнай о твоём желании, наверняка ужасно рассердится на тебя и даже на твоего, ничего еще не знающего отца. Последствия для вас могут быть очень неприятны...

– Но как же так? – У бедной Мышки выступили слезы.

– А вот так, – с еще большей убедительностью продолжала Кошечка. – Узнай о твоих намерениях относительно Святоши, мой папаша просто турнет тебя и твоего отца с этой планеты. Я-то знаю, как он презирает невольников – по его мнению, так они вообще к роду человеческому никак не относятся, а уж свободных, которые сочувствуют рабам, просто люто ненавидит. Кстати, и твой отец вряд ли поймет всю силу твоей любви и, скорее всего, осудит тебя за такой поступок...

– Отец меня очень любит. Только поругает чуть-чуть и простит, и мы улетим куда-нибудь в другое место, – всхлипывая, все еще не сдавалась Мышка.

– Но ты не подумала о том, кого так опрометчиво полюбила. – Кошечка подготовилась нанести решающий удар. – Старый Лео никогда не согласится продать тебе Святошу даже за тройную плату. Дело в том, что раб, которого ты жаждешь купить, не просто рядовой подневольный работник, а настоящий военнопленный враг. Мой отец сохраняет ему жизнь только потому, что имеет очень ощутимую выгоду от его работы, но он никогда никому его не отдаст, особенно узнав, что его ожидает свобода. Мало того, если ты заявишься к моему отцу с просьбой о продаже именно этого раба, он, вполне возможно, в гневе прикажет тут же расправиться с беднягой. Сама же сказала, – теперь он на руднике не единственный техник, смена найдется... Скорее всего, после тво-

его разговора с хозяином Святошу просто без лишнего шума пристрелят, отведя за бараки к санитарному рву. И если ты непременно жаждешь скорой смерти несчастного, тебе стоит просто немного подождать, пока мой отец приедет. Он, наверное, совсем скоро вернется.

– Нет! – крикнула Мышка и безутешно разрыдалась.

– Ах, бедняжка! – Кошечка сменила тон с грозного на ласковый. – Жаль мне тебя, да и твоего Святошу тоже жалко. Видать, не дурной парень, коли такая девушка, как ты, готова за него в огонь и воду. Знаешь, будем же с тобой настоящими подругами, поклянемся, что твоя тайна останется только между нами и никто не узнает, зачем ты сюда приходила. Даже твой отец не должен ничего знать об этом, иначе не ровен час он сильно рассердится на твое своеволие. Да и Святоше ты не должна ничего говорить при встрече, ведь ты же не хочешь огорчать и обзывать его.

– Конечно. – Слезы так и текли из глаз Мышки. – Я ни слова не скажу ему. Он ведь и без того очень несчастен из-за неволи, и я не буду лишний раз напоминать ему, как он унижен. Но правда ли то, что вы, госпожа, не скажете о цели моего визита своему отцу? Я просто не переживу, если безвинный человек погибнет из-за меня. Ведь Святоша даже ни разу не прикоснулся ко мне, и это чистая правда!

– Я клянусь, что не проболтаюсь, – торжественно сказала Кошечка и заключила в объятия обливающуюся горячими слезами Мышку. А про себя она со свойственным ей

скепсисом отметила: «Девчонка насквозь пропитана книжной романтикой. Она наивно верит в чистую любовь с первого взгляда и готова надеть несусветных глупостей».

Ей было искренне жаль девушку, которая решилась на такой странный и в то же время самоотверженный поступок ради своей первой любви. Она также прекрасно осознавала, что лишает возможности вольной жизни, а может быть, даже и семейного счастья Святошу, которому, судя по всему, вообще не суждено было даже смутно догадываться, насколько близко он только что был от освобождения. Но когда страсть теплится где-то в глубине сердца, то все угрызения совести не стоят и ломаного гроша. Кошечка хотела сама обладать сим недостойным предметом, и эта власть была дана ей судьбой. Неужели она откажется от того, что и так ей принадлежит, и даст завладеть этим другой женщине? Нет! Она не привыкла уступать!

Как только безутешная Мышка удалилась, Кошечка больше ни минуты не раздумывала и сразу же послала на рудник стражника с приказом немедленно доставить техника Святошу к ней лично.

Не прошло и часа, как Святоша предстал перед Кошечкой, возлежащей на диване в гостиной. Он вошел, сопровождаемый солдатом, и сразу же очень вежливо поздоровался.

– А теперь на колени, недостойная тварь. И всегда делай только то, что тебе приказывают. Тогда не придется наказы-

вать тебя по всей строгости, – громко сказала она, с демонстративным высокомерием вздернув подбородок, а в душе откровенно наслаждаясь абсолютной властью над «объектом притязаний».

Земляшка устался на нее в крайнем изумлении. Он явно не ожидал от обычно весьма благосклонной к нему хозяйки подобных выкрутасов. Однако без звука повиновался.

– Твоя вольная жизнь на руднике закончилась. Пора наконец вспомнить, кто ты такой на самом деле, – продолжала Кошечка, стараясь произносить слова как можно внушительнее и строже. – Я решила сделать тебя своим личным слугой. Так что теперь твоя обязанность: ждать моих распоряжений и приказов и немедленно выполнять их. Отныне тебе запрещено посещение поселка и рудника без личного моего на то разрешения. Твое место жительства теперь – хозяйская усадьба, и, кстати, у тебя не будет больше никаких выходных.

– Но работа по наладке оборудования еще не закончена. Нужна хотя бы еще одна неделя. Я думаю, что было бы целесообразно... – попытался возразить земляшка, но Кошечка даже не дала ему договорить, почти крикнув:

– Молчать, раб! – Слово «раб» при этом она произнесла с особенно издевательским ударением, настолько ей сейчас было приятно сознавать, что он всего лишь ее безоговорочная собственность. – Думать имеют право только хозяева, а твое дело – исполнять хозяйскую волю.

Тут она обратила внимание на упрямо сжатые, как ей вдруг показалось, от обиды губы пленного и осознала, что, пожалуй, несколько перехватила.

Тогда она махнула рукой страже в красноречивом жесте и, когда солдат удалился, произнесла уже гораздо мягче:

– Встань.

Землянин повиновался. Теперь он стоял перед ней по стойке «смирно», расправив плечи и замерев, и ни один мускул на его лице даже не дрогнул, а глаза, всегда такие живые и яркие, казалось, подернулись прозрачной, но непроницаемой для чувств, пленкой и глядели куда-то сквозь нее.

– Смотри-ка каков! Хорош со всех сторон! Никак обиделся? – Кошечка в душе уже пожалела, что затеяла «игру» в подобном тоне. Она встала с дивана и подошла к нему почти вплотную. На этот раз ее слова прозвучали почти ласково: – Дурак ты... Я ведь просто хочу, чтобы ты дольше жил. Я ведь вижу, как работа на руднике убивает тебя. Ты уже итак серьезно болен. Так что наладкой оставшегося оборудования теперь будут заниматься твои ученики. Я ведь знаю, ты с ними времени даром не терял, а значит, справятся. Здесь для тебя тоже найдется достаточно работы.

Тут она недвусмысленно требовательно протянула ему руку.

Взгляд чужака как будто слегка «оттаял». Он склонился перед девушкой, и Кошечка вновь почувствовала, как к ее пальцам прикоснулись его теплые губы. Это нежное тепло

отозвалось в сердце и разлилось по всему телу, хотя она вообще не хотела признаваться себе в том, что любовь уже поразила ее.

– Ну, иди, устраивайся. – Кошечка легонько толкнула землянина в грудь. – Я прикажу, чтобы тебе была отведена комната. Кстати, вот тебе и дело – никуда не годный флаер в гараже.

Пленный еще раз склонил голову и вышел.

Сара пожаловала в гости так же неожиданно, как и в прошлый раз, с той лишь разницей, что привез ее уже не отец Толстый Джек, а тот самый вихрастый парень с Леи. Кошечка и Старый Лео встречали их катер на площадке, весело размахивая руками.

– Поздравляем! Поздравляем! – кричала Кошечка. – Жених и невеста, тили-тили-тесто!

– Мы уже не жених и невеста. Мы уже целую неделю муж и жена! – весело заявила Сара.

– Этот юбилей стоит отметить! – важно заявил Лео.

– Нет-нет! – отрицательно покачал головой муж Сары, тыкая пальцем в нашивку на рукаве. – Я ведь на службе. Вот только забросил Сарочку в гости к подружке и опять в патруль. Так что, до свидания. Сарочка, я завтра за тобой залечу.

Он отсалютовал и побежал обратно к катеру. Через пять минут серебристая точка растворилась в небе Джорджии, а

хозяйева и гостья забрались во флаер.

Сияющая полировкой машина без единой царапинки бесшумно заработала гравитатором и бодро и гладко взвилась в воздух.

– Вы купили новый флаер? – удивилась Сара. – Очень круто выглядит!

– Нет. Просто старый подремонтировали и почистили, – скромно призналась Кошечка.

– Шутишь? Я ведь помню тот ваш флаер. Он совсем прожавел с самого днища до капота и был на последнем издыхании. – Сара провела ладонью по изгибу дверцы. – Только настоящий волшебник смог бы превратить ту несчастную развалюху в лимузин, достойный королей.

– Об этом мы поговорим потом. А вот и дом.

– На этот раз мы доехали так быстро, что я даже не успела проболтаться по дороге о сюрпризе, который я тебе приготовила, – сказала Сара, выходя из машины во дворе. – Ой! Ну вот, теперь уже проболталась! Я ведь привезла тебе подарок. Ты его примерь, пожалуйста.

И подруги побежали в дом...

Потом был традиционный праздничный обед, на котором девушки больше болтали, чем ели.

– Теперь я бы с удовольствием куда-нибудь прогулялась, – наконец заметила Сара. – Тем более что меня зависть берет, когда я вспоминаю, как солнце отражалось от зеркальных стенок флаера.

– Сейчас я позову водителя, и мы покатаемся, – пообещала Кошечка, и они вышли на крыльцо. – Святоша! – крикнула она, оглядываясь. – Святоша! Куда этот несносный запропастился!

– Какое смешное прозвище! – Сара захихикала. – Он что, такой смешной?

Тут появился землянин.

– Ты заставил себя ждать, – строго сказала Кошечка.

– Прошу прощения, леди, больше не повторится. – Святоша склонился, целуя ручку Кошечке, а потом и пораженной Саре.

– Ты поведешь флаер. Мы едем кататься, – отрезала Кошечка и переглянулась с Сарой: – В какую сторону полетим?

– Тебе лучше знать. Ведь хозяйка планеты у нас ты. – И Сара направилась к флаеру.

Святоша опередил ее и распахнул дверцу перед дамами. Потом, удостоверившись, что женщины уселись, быстро занял место водителя.

– К кромке ртутных озер, – приказала Кошечка.

Святоша одним еле заметным движением руля заставил флаер плавно развернуться и подняться на довольно приличную высоту. Вся усадьба оказалась как на ладони.

– Какой красивый вид! – воскликнула Сара и уже вполголоса добавила: – Кстати, твой водитель тоже очень-очень ничего. И почему же у эдакого симпатяги такое смешное прозвище? Кто он вообще такой?

– Невольник, мой личный слуга.

– Раб? – Глаза Сары округлились. – И ты доверяешь ему управление своей машиной?

– Почему бы и нет? Знаешь ли, он отлично водит, я сама пытаюсь у него учиться, но мне очень не хватает его реакции и внимательности. Мой Святоша вообще мастер на все руки: нет такой техники, в которой он бы не разобрался.

– Значит, флаер починил он?

– И флаер отреставрировал, и всю электронику в усадьбе наладил, и рудник модернизировал. Он очень трудолюбив и умен.

– А ты не боишься его ума? – настороженно заметила Сара.

– А почему я должна бояться? – рассмеялась Кошечка. – Вообще то, он просто идеальный слуга. Его ум сочетается с просто поразительной кротостью. Представляешь, он даже просто один разочек сдачи дать и то ужасно стесняется, не то что как следует кулаки почесать.

– А я-то гадаю, отчего у него такое прозвище! А это ты позабавилась.

– Не угадала. Эта кликуха прилипла к нему еще на руднике. Дело в том, что он не переносит спиртное, даже пиво и то не пьет!

– Никогда не видела мужчины, который хотя бы по праздникам не прикладывался к рюмашке, – не поверила Сара. – Наверняка ему просто не представлялось подходящего слу-

чая.

– Таких возможностей у него было множество, но похоже, что к спиртному у него стойкое отвращение. Не поверишь, но он воротил нос от отличнейшего коньяка даже тогда, когда я сама ему наливала. А на руднике поведение этого трезвенника даже вошло в шутивную поговорку...

– Неужели он посмел отказаться от выпивки из хозяйских рук? И ты позволила ему такую наглость?

– Я просто не стала настаивать. Ты ведь знаешь, как я сама отношусь к спиртному.

– Ну, тогда он действительно заслуживает это прозвище. Хотя, может быть он предпочитает что-нибудь покруче выпивки. Знала я одного такого парня...

Кошечка пожала плечами, и они сменили тему беседы, начав болтать о подробностях Сарочкиной свадьбы и тонкостях семейного быта.

Утром следующего дня почти перед самым отлетом Сара вдруг сказала:

– Я хочу, чтобы ты выполнила одно мое желание. Я буду считать это подарком на мою свадьбу. Только сразу пообещай, что не откажешь, а то сильно меня обидишь.

– Я не знаю, смогу ли я исполнить то, что ты попросишь, поэтому не могу обещать, – состорожничала Кошечка.

– Я всего лишь хочу кое-что купить у тебя. – Лицо Сары стало хитрым. – Обещай, что продашь.

– А что именно ты хочешь у меня приобрести? Неужели тебе так понравился флаер? – с каким-то подозрением, пришедшим из глубины сердца, спросила Кошечка.

– Нет. То есть флаер мне тоже очень понравился, но водитель приглянулся еще больше. Он похож на одного красивого киноактера. Знаешь, мне ведь бывает так скучно, когда муж улетает, и я остаюсь дома совсем одна...

– Ты что, с ума сошла? Святошу и не проси! – Кошечка отрицательно покачала головой.

– Но у тебя же полно рабов. Не будь гадкой жадиной! Ты ведь можешь выбрать себе на руднике кого пожелаешь, а у меня теперь на Лее-4 даже принести кофе и то некому.

– Только подумай, что скажет твой муж, когда увидит такое приобретение. Уверена, он будет глубоко против. – Кошечка лихорадочно старалась найти убедительный аргумент, чтобы уговорить подругу по-хорошему.

– В конце концов, муж уступит мне. Он всегда мне уступает, когда речь идет о покупках.

– О, господи! Сара! Другого такого технаря вряд ли найдешь в наших краях. Ты просишь продать его тебе, даже не задумываясь о его реальной стоимости как специалиста. А между тем я совсем не хочу, чтобы твоя молодая семья вконец разорилась...

– Ну, тогда одолжи мне его ненадолго. А? Чисто по-дружески. Не волнуйся: я буду обращаться с ним очень аккуратно и верну через пару месяцев в целости и сохранности, – не

сдавалась Сара. – Я просто хочу, чтобы он кое-что исправил в моем доме и отладил флаер. Кошка, если ты не уступишь, я ужасно обижусь!

Кошечке очень не хотелось ссориться со своей единственной подругой, но и отдать Святошу даже на время ей казалось совершенно невозможным. Тогда она пошла на хитрость, понимая, что только какой-нибудь неординарный довод сдвинет упершуюся Сару с занятой позиции.

– Хорошо. Я тебе его отдам, – сказала она. – Но я вынуждена тебя предупредить: Святоша – гипнотизер. И, судя по всему, ты уже поддалась его влиянию.

– Что? Я поддалась гипнозу? – Сара засмеялась.

– Да. И чего же здесь, скажи на милость, смешного? – заговорщицки продолжала Кошечка. – Ты пойми, ведь Святоша вовсе не простой невольник. Он – пленный землянин.

– Землянин? – переспросила все еще улыбающаяся подруга. – То есть он реально с той самой... ну, прародины человечества? И откуда он у тебя тогда взялся?

– Ты конечно же знаешь о том, что я раньше была подругой сэра Ричардсона и путешествовала на его «Звездном волке». Заволок он нас черти куда, тогда то и произошла стычка с землянами, после которой мы еле ноги унесли. Этот поход «волков» теперь под большим секретом, ведь brave капитан Рич не любит распространяться о своих неудачах. Так вот, когда Святошу в бессознательном состоянии притащили к Ричу, тот хотел его конечно же прикончить, да толь-

ко решил немножко подождать, пока парень в себя придет, помучить перед смертью, как водится. Только сразу же передумал, как только Святоша очнулся и в глаза ему глянул. Ты вообще когда-нибудь слыхала, чтобы враги сэра Рича, попавшие к нему в руки, задерживались на этом свете? Говорю тебе как женщина, хорошо и давно его знающая, по-моему, так это вообще первый случай. Так вот, Святоше он пообещал не только жизнь, но и свободу. Может быть, Святоша и кораблем бы завладел, если бы я не вмешалась.

– А что сделала ты? – Сара начала немножко верить Кошечке, ведь доводы пока были довольно убедительны.

– Просто я отчего-то не поддаюсь гипнозу, – с напускной гордостью поведала Кошечка. – Святоша сам это признал и только поэтому теперь смиренно служит мне. Но, видимо, он не оставил попыток избавиться от моей власти и теперь внушил тебе, чтобы ты его купила или одолжила. Следующим этапом он внушит тебе, чтобы ты отпустила его на волю, или внушит твоему мужу, чтобы он отдал ему свой катер.

– Но ты ведь говорила, что он совершенно безобиден.

– Конечно, безобиден! Даже пальцем тронуть тебя не посмеет. Но ведь у него на этот случай есть совсем другое оружие – гипноз. Ты и так сделаешь, как нужно ему. Практически по собственной воле.

– Не могу поверить, – колебалась Сара.

– Требуются доказательства? – Кошечка нажала на кнопку и приказала: – Святоша, зайди немедленно ко мне... –

И опять обратилась к Саре, стараясь казаться как можно серьезнее: – Вот сейчас придет Святоша. И тебе снова покажется, что он похож на одного красивого актера. Потом он улыбнется, и первой твоей мыслью будет сомнение в моих словах. Ты сразу же подумаешь, что я наговорила тебе полной чепухи, лишь бы его не отдавать, и что на самом деле он совершенно не способен ни на какое внушение. И все это время он будет смотреть открыто, прямо в глаза, и опустит взгляд только тогда, когда я отошлю его... А вот и он.

В дверь тактично постучали.

– Входи, – сказала Кошечка, и в проеме возник землянин.

Он улыбнулся и шагнул через порог.

– Нет! – вдруг вскрикнула Сара. – Я не хочу поддаваться гипнозу! Пусть убирается! Он мне не нужен! – Она зажмурилась и даже для верности прикрыла лицо руками.

Кошечка тут же сделала выразительный жест рукой, и Святоша, недоуменно пожав плечами, развернулся и опять исчез за дверью.

– Вот видишь, – сказала Кошечка, довольная, что все удалось на славу, и она даже получила некоторое удовольствие от этой мистификации: – А ты мне не верила!

– Ты накажешь его за эту глупую шутку надо мной? – не унималась Сара. – Его глаза действительно излучали какой-то магический свет.

– Конечно, накажу! Я прикажу начисто выбить из него эту привычку своевольничать! – Кошечка с напускной жестоко-

стью сжала кулаки и погрозила в пустоту. – Он еще будет молить о пощаде до хрипа и поплачет кровавыми слезами, когда снова убедится, кто его настоящая хозяйка! Он тридцать три раза пожалеет о том, что задумал, когда к нему будет по всей строгости применена «процедура усмирения».

– Зачем же так жестоко? – Сара поежилась и умоляюще глянула на Кошечку. – Может быть, внушение получилось у него случайно, неосознанно?

– Вот видишь, ты жалеешь недостойного строптивца, даже пытаешься его оправдать. Значит, гипнотическое состояние еще не до конца прошло, – притворно озабоченно покачала головой Кошечка, изо всех сил пытаясь подавить улыбку. Этот оборот просто привел ее в восторг. – Хорошо, и только ради нашей дружбы! Я не буду наказывать Святошу. Он отдается всего лишь парочкой пощечин и словесным порицанием, и пусть благодарит тебя за великодушие.

– А я уже готова была рассориться с тобой из-за него. Хорошо, что ты вовремя меня предупредила. – Сара виновато улыбнулась.

Подруги обнялись и поцеловались. Вскоре Сара с мужем улетели домой на Лею-4.

Кошечка скучала с самого утра. Ей было лень вставать с постели, умываться. Даже жевать пищевую таблетку казалось отвратительным и никчемным действием. Книжки и «приватное» общение с компьютером уже надоели до черти-

ков. Тоска зеленая!

Девушка взгромоздилась на подушки повыше, и тут ее скучающий взор упал на небольшую прозрачную коробочку на верхней полке. В коробке волшебным образом алело яблоко с Лей, эффектно подсвеченное ярким солнечным лучом.

– А я-то и забыла про него!

Кошечка встала с постели и потянулась за коробочкой, и тут увидела за окном Святошу. Он сидел на земле, скрестив ноги, с совершенно прямой спиной и ладонями на коленях, голова была поднята, взгляд устремлен в лазурь неба, а лицо грустно и задумчиво. Кошечка пригляделась: земляшку явно посетило то же чувство, от которого мучилась она сама, он отчаянно скучал.

Кошечка почему-то тут же забыла про хандру, и, одевшись и приведя себя в порядок с поистине космической скоростью, бесшумно приоткрыла раму (Святоша был все там же, даже позы не поменял) и окликнула чужака:

– Эй ты! Солнечные ванны принимаешь?

Тот даже вздрогнул от неожиданности:

– Нет. Просто жду ваших приказаний, госпожа. – Тут чужак легко встал, подошел к окну совсем близко и уставился на Кошечку снизу вверх.

– А это что за сырость? – Кошечка высунулась почти наполовину и, достав до его лица, ловко смазала пальцем слезинку.

– Это от солнца. – Земляшка смущенно заулыбался и тут

же вытер глаза рукавом.

– Врешь. Ведь ты тоскуешь по Родине и мечтаешь сбегать. – Тон девушки был мягким, почти дружеским.

– Вы угадали. – Землянин вздохнул и опустил взгляд.

– И думать не смей о таком! – Кошечка погрозила ему пальцем, как нашалившему ребенку. – И больше никогда не признавайся в подобных вещах, лучше солги. Сейчас тебе просто грустно и скучно. Я тоже заскучала. Так что заходи, будем скучать вместе.

Земляшка недоуменно глянул на Кошечку.

– Ну, дважды я не приглашаю. Давай прямо через окно. – Девушка хихикнула в кулачок, отошла от окна и села в кресло.

На подоконник легли кисти рук чужака. Пальцы были изящные и казались по-женски нежными.

«Слабак! Здесь высоко. Не заберется», – мелькнуло в голове Кошечки.

Через секунду Святоша стоял перед ней в комнате.

«Нормальненько. Может и с Ричем потягаться в резвости», – мысленно отметила Кошечка, а вслух сказала:

– Если б я знала, что ты такой неуклюжий, то конечно же пожелала бы, чтобы ты вошел в дверь. – И, помолчав с полминуты, добавила. – Ты когда-нибудь играл в шахматы?

– Разумеется, – последовал ответ.

– Тогда мы будем играть в мгновенные шахматы. На обдумывание хода не более тридцати секунд. Это чтобы партию

не затягивать.

– Как угодно. – Земляшка согласно кивнул.

Они сели за компьютер. Первая, вторая, третья и все последующие партии окончились полной победой чужака.

– А ты классно играешь! – наконец восхищенно констатировала Кошечка. – Я была самой лучшей шахматисткой в школе, успешно выступала на любительских олимпиадах. Даже не раз выигрывала у разрядников, правда, и проигрывала. Но даже те, кому я проиграла, никогда не объявляли мне шах и мат на двадцатом ходу. Так что, раз ты и дальше собираешься так неумолимо обыгрывать меня, то я беру в помощники компьютер.

Святоша лишь пожал плечами.

– Что, трусишь? – Кошечка игриво хихикнула и легонько толкнула его локтем. – Сейчас-то я и разгромлю зазнайку в пух и прах! Ну, что молчишь? Играть будем?

– Не вопрос, госпожа, конечно играем. Правила те же? – уточнил землянин.

– Да. И... – Кошечка быстро достала, повертела перед самым носом землянина коробок с яблоком и опять спрятала в рукав, ни дать ни взять – заправский фокусник. – Если тебе посчастливится обыграть меня и на этот раз, то получишь такой крутой приз, какого многие здесь и во сне не видели.

– Неужели, натуральное яблоко? Тогда как же не рискнуть! – Тон Святоши был шутливым и одновременно уверенным.

И они сыграли еще раз, вернее, за девушку теперь играл компьютер, который предложил ничью на шестьдесят третьем ходу.

– Я согласен на ничью, – сказал Святоша. – Но если леди пожелает продолжить, можно сыграть и до победы.

– И до чьей же победы ты так уверенно собираешься продолжать?

– До моей, конечно. Стыдно проиграть машине, даже если эта машина выступает в роли помощника такой прекрасной, доброй и умной девушки, какой являетесь вы, госпожа, – со спокойной серьезностью заявил землянин и, поймав ее взгляд, почти шепотом спросил: – Вы ведь не обидитесь, если я вас опять обыграю?

– А ты оказывается плут! – Кошечка продолжала пристально вглядываться в его глаза. – Теперь я догадалась, что ты умышленно свел игру к ничьей. И это было для тебя несколько труднее, чем просто сразу добиться победы. Только вот вести себя так, чтобы меня провести, ты еще не научился... Так, значит, все-таки опасаясь расстроить хозяйку своим подавляющим интеллектуальным превосходством? И не смей зенки отводить!

Чужак несколько раз моргнул, и взгляд его стал виноватым и как-то разом погрузнел. Кошечка заулыбалась (вишь, как был, так и остался наивным ребенком, хотя кое-какие подхалимские приемчики все же усвоил, видать, на руднике да в деревне доброхоты обучили) и сказала:

– Ладно! Своей игрой ты хорошо развлек меня, к тому же тебе был обещан приз, который ты бы мог запросто выиграть. Так что нам, как примиренным на время соперникам, полагается по половинной доле. Вот. – Она распотрошила упаковку и протянула ему яблоко: – Подели.

Земляшка легко разломил плод на две почти равные части и протянул обе половинки Кошечке. Та выбрала часть покрасивее и без лишних слов вгрызлась в сочную кисло-сладкую мякоть. Святоша последовал ее примеру, и некоторое время они просто сидели рядом и наслаждались вкусом райского фрукта. Когда яблоко было съедено почти без остатка, Кошечка собрала попавшиеся ей семечки в кулачок и прицелилась было, чтобы выкинуть их в окно, но землянин вдруг остановил ее руку.

– Не торопитесь. Ведь они еще могут пригодиться, – сказал он.

– Зачем они нужны? – Кошечка в недоумении уставилась на него.

– Из них можно вырастить деревья с такими же яблоками, какое мы только что съели.

– Не фантазируй попусту. Это слишком долго. К тому же условия здесь совсем неподходящие, – возразила Кошечка.

– Если бы у меня была возможность поработать над этими семечками в какой-нибудь, пусть даже скудно оборудованной лаборатории, то яблоням потребовалось бы всего каких-нибудь два-три месяца, чтобы начать давать плоды.

Помните, вы как-то говорили, что ваша матушка...

– Неужели это действительно возможно?

– Конечно.

– И откуда ты только все это знаешь и умеешь?

– Я увлекался этим на досуге. Выращивал растения разными способами. Подобные занятия в свободное время называются «хобби».

– Яблони – это было бы здорово, – мечтательно протянула Кошечка, ее вдруг увлекла мысль о собственном садике. – Погоди! На чердаке есть что-то похожее на лабораторию. – Она вздохнула и продолжала: – Помнится, мама проводила там много времени... Пустырь за окном когда-то был сплошной цветочной клумбой – мама разводила там цветы. У нее тоже было, как ты сказал, хобби. После ее смерти вся растительность погибла... Мама умерла уже давно, мне тогда было семь лет... Ну, пойдем, посмотрим, что осталось от лаборатории.

Они поднялись по железной лестнице и через люк проникли на чердак. Комната была ужасно пыльной, пол и вообще все более-менее горизонтальные поверхности были покрыты сантиметровым слоем мельчайшего песка, который присутствовал повсюду на Джорджии, хотя окно было как следует закрыто и его не открывали более десятилетия. Кошечка сдернула клеенку с каких-то приборов, склянок и инструментов, и тут прямо к ее ногам посыпалась какая-то рыжеватая субстанция из расплзшегося от времени полотна-

ного мешочка.

– Что это? – Девушка в испуге отшатнулась.

Землянин низко наклонился, рассматривая это нечто. Потом бережно собрал в ладонь.

– Это посадочный материал. Цветочные семена. Скорее всего, обыкновенная петунья, – констатировал он.

Кошечка еле удержалась, чтобы не броситься его обнимать.

– Это наверняка петунья! Мама выращивала ее под окном!

Они продолжили поиски.

– Может быть, здесь есть еще и семена лилии? – с надеждой шептала Кошечка. – Ведь я точно помню, что лилия тоже была. Огромный белый цветок лилии мама ставила в вазе у меня в комнате. Это был ее любимый цветок.

Они искали долго. Терпеливо осматривали каждый уголок чердака, пока вечерняя заря не окрасила горизонт за окном в алый цвет и в коридоре не раздались тревожные шаги Старого Лео.

– Кошечка, ты где? Отзовись! – волновался отец.

Дальнейшее исследование чердака пришлось отложить до следующего дня. В эту ночь Кошечка спала очень сладко, и ей снились мама, цветы, и еще земляшка, почему то в парадном кителе, в точности таком же, как у Рича, и с цветком лилии в руках.

Семян лилии они не нашли. Но и семена петунии были неплохой, хотя и последней находкой такого рода. По утверждению чужака они уже были адаптированы к условиям Джорджии, и цветы, посаженные Кошечкиной матерью, погибли только потому, что их перестали поливать и подкармливать.

Работа на чердаке кипела. Пыль и мусор исчезли. Оборудование было приготовлено к работе. Началось самое главное и ответственное. Святоша часами колдовал над яблочными семечками. Он опускал их в какие-то растворы, надрезал тончайшим скальпелем и делал еще что-то, без конца рассматривая их в микроскоп. Сначала Кошечка ничего ровным счетом не понимала, но благодаря усилиям Святоши, подробно и обстоятельно объясняющего все манипуляции от самых азов, и своей собственной тяге к знаниям она потихоньку стала осознавать смысл всех этих действий. Она даже нашла в шкафу несколько носителей с информацией по ботанике и биоинженерингу и теперь просматривала ее по вечерам, пытаясь понять и запомнить.

Работа поглотила ее практически целиком. Ложась спать, она уже с нетерпением мечтала, чтобы наступил следующий день. Вот когда она поняла ранее казавшееся ей странным изречение земляшки: «Работа – это удовольствие». Наверное, мама испытывала такое же удовольствие, правда, она работала в одиночку.

Первые посеянные цветы дали долгожданные всходы, а

через пару недель, снабженные ускорителем развития, уже зацвели. К тому времени в саду уже росло восемь саженцев. Ровно столько, сколько семечек оказалось в яблоке. Деревца были пока совсем крохотные, не более двух пальцев ростом, но набирали мощь буквально не по дням, а по часам. Теперь почти все наблюдения и работы были перенесены с чердака под окно Кошечкиной комнаты, где, как по мановению волшебной палочки, возникал сад, кажущийся сказочным миражем среди однообразно-безжизненной всхолмленной равнины.

Старый Лео держался молодцом, но Кошечка видела, что здоровье отца ухудшается с каждым днем, хотя его посещения рудника почти прекратились, а уж спускаться в шахту он совсем перестал.

Однажды за завтраком Лео опять поперхнулся чаем и закашлялся. Это и ранее случалось с ним довольно часто, и Кошечка уже почти привыкла к этому. Лео прикрыл рот носовым платком и ждал, когда приступ пройдет. Наконец кашель закончился. Лео быстро скомкал платок и сунул в карман штанов.

– Ничего. Все в порядке, – сказал он. Его лицо было изможденным, скулы пылали. – Я просто подавился. Я такой неловкий.

Он с видимым усилием встал со стула. Кончик носового платка, выглядывающий из кармана, неожиданно зацепился

за угол стола, и платок выпал. Лео уже начал нагибаться, чтобы его поднять, но Кошечка опередила его:

– Я подниму.

Она схватила и протянула злополучную тряпицу отцу, и вдруг увидела ярко-алое пятно. Старый Лео быстро взял платок из ее руки, комкая в ладони, и постарался как можно скорее запихнуть обратно в карман. Но было уже поздно.

– Папа! – Кошечка старалась говорить как можно мягче. – Скажи, почему на нем кровь?

– Кровь? – Лицо Лео приняло удивленное выражение, но Кошечка сразу заметила, что удивление фальшивое. – Откуда бы она могла взяться? А! Я вчера порезал палец. До сих пор кровоточит...

– Папа! – Кошечка умоляюще посмотрела на него. – Она появилась тогда, когда ты заслонил рот платком. До этого ее не было!

– Ну, тогда, наверное, я прикусил губу. – Лицо Лео сделалось виноватым, он прекрасно осознавал, что Кошечка уже все поняла.

– Папочка! – Кошечка протянула к отцу руки. – Зачем ты скрывал это от меня?

– Но, доченька... – Старый Лео не нашелся что сказать. Кошечка обняла отца и заплакала:

– Ты убиваешь себя. Тебе нужно срочно лечиться, пока не поздно. Лишь бы не было поздно! Зачем ты скрывал? Боже мой!

– Доченька! – Лео тоже чуть не плакал. – Лечение стоит очень дорого. Я же хотел, чтобы у тебя было много денег. Чтобы ты ни в чем не нуждалась и ни в чем себе не отказывала. Я хотел сколотить тебе приличное состояние, я копил тебе на будущее. Ты ведь уже совсем взрослая, Кошка, пора исполниться всем твоим мечтам. Ты ведь всегда хотела жить на Лее, в большом белом доме с садом, купить новый флаер последней модели...

– К черту флаер! – Кошечка еще крепче обняла отца. – К черту деньги и Лею! Я бы отдала и последнее, лишь бы ты, папа, был здоров.

Лео долго не мог ничего сказать от набегающих слез умиления.

– Я всегда знал, что ты любишь отца, – наконец прошептал он. – Твоя мать была такой же доброй и любящей и перед смертью лишь просила, чтобы я ни в чем тебе не отказывал. Она мечтала, что когда ты станешь взрослой, то будешь богатой и счастливой и непременно найдешь любящего мужа и нарожаешь много прекрасных деток...

– Не надо мне богатства! – Кошечка всхлипнула. – Я и так счастлива. Но если ты покинешь меня навсегда, как и мама, то сделаешь несчастнейшей на свете, ведь все золото мира не в состоянии заменить любимого папу...

Старый Лео только погладил ее по пушистым волосам, не зная, что сказать в ответ, а девушка продолжала, и ее голос вдруг стал жестким, а тон настоятельным:

– Тебе срочно нужна медицинская помощь. Сейчас у нас достаточно денег, чтобы ты незамедлительно отправился в хороший санаторий на лечение и отдых.

– Но ведь это ужасно дорого!

– Нельзя экономить на собственном здоровье! – Кошечка решила быть непреклонной. – Самый лучший санаторий и самые лучшие врачи! Два месяца лечения и не меньше, или считай, что я тебе не дочь!

Лео только беспомощно развел руками:

– Ты стала настоящей хозяйкой. Теперь я знаю, что оставлю Джорджию в надежных руках. Какой прекрасный начальственных тон!

– Никаких возражений не принимается! – Кошечка нахмурилась. – И Джорджию ты оставляешь не навсегда. После лечения ты будешь править ей еще столько же, сколько уже правил.

– И ты даже не оставляешь за мной права выбора?

– Никакого! – Кошечка ласково улыбнулась отцу. – Только Лея, только все самое лучшее и полный курс восстановления. Никаких возражений не принимается!

– Но деньги? Может быть, обратиться к врачу на Лее -4? Все-таки какая-никакая, а экономия средств...

– Нет. Только столица и полноценный санаторий. А деньги – чепуха. Сколько их еще будет потрачено? А здесь хоть не впустую!

Наблюдая, как сильно стартует из подземного ангара «Счастливая звезда», Кошечка почувствовала себя до боли одинокой. Несколько минут она смотрела в бледно-голубое, всегда такое до боли пустое и равнодушное небо, а потом направилась к флаеру.

Плохое настроение не прошло даже тогда, когда она подумала о том, что дома ее ожидает тайно обожаемый Святоша и настоящий, хоть и маленький фруктовый сад из уже окрепших яблонь и целого моря цветущей петунии.

Землянин встретил ее во дворе, открыл перед ней дверцу машины и подал руку, помогая выйти.

– Загони флаер в гараж, – сухо распорядилась она и направилась прямо в сад.

С недавнего времени сад стал ее самым любимым местом отдыха, и сейчас ей тоже казалось, что стоит только сесть там на скамейку, и вся тоска и апатия улетучатся. Это место, несмотря на свои крохотные размеры, действительно стало воистину чудесным и уникальнейшим местом не только для Джорджии, но, пожалуй, и для всех соседних планет.

Нежные хрупкие саженцы в рекордно короткий срок превратились в красивые стройные яблони и теперь успокоительно шелестели над ее головой мягкой листвой. Два дерева уже собирались зацвести. На одном из них бутоны уже совсем готовы были раскрыться. Они были большие, бархатистые, с розовым оттенком.

Кошечка села на скамейку под зацветающими деревьями

и закрыла глаза.

– Может быть чаю или кофе? – Это был голос служанки.

Кошечка очнулась и взглянула на Цыпочку. Та стояла с подносом, услужливо склонив голову. На губах ее играла притворно приветливая улыбка, обнажавшая белейшие, как будто начищенные зубы. Что-то насторожила Кошечку в облике служанки. Еще не понимая что именно, девушка повторно окинула Цыпочку взглядом, более внимательным, чем первый, и тут заметила в ее кучерявых волосах цветок.

– Как? – Кошечка аж вскочила.

Бедная Цыпочка от неожиданности вскрикнула и уронила поднос.

– Как ты посмела взять это? – Кошечка выдернула хрупкий граммофончик из локона Цыпочки.

– Я взяла... – Цыпочка растерялась и не знала, как оправдаться. Глаза ее бегали. И тут она увидела слугу в синем костюме, выходящего из гаража, и, протянув руку, указала на него пальцем:

– Это... это он мне дал.

Кошечка перевела взор в сторону гаража. Ее глаза гневно сверкнули, пальцы сжались в кулаки:

– Твое место на кухне. И постарайся не попадаться мне на глаза! – прошипела она Цыпочке, не отрывая взгляда от землянина, направляющегося в его сторону.

Служанка схватила оброненный поднос, сгребла на него самые крупные осколки и с поразительной быстротой убра-

лась восвояси, боясь стучать каблуками о плитки дорожки. Но Кошечка этого даже не заметила. Внутри нее все как будто перевернулось от внезапной бешеной ревности, а взгляд расширенных от гнева и обиды глаз неотрывно следил за тем, кого она так страстно и пока неосуществимо желала, а в этот момент так же сильно ненавидела и презирала.

«Боже мой! – проносились в ее голове шальные мысли. – Святоша, оказывается, просто притворяется наивным и чистеньким! Ни одного жирного взгляда, ни одной попытки как бы случайно облапать или зажать в темном уголке! Он нежно целует мне руку при встрече и приносит ужин в мою комнату, но он никогда не забывает постучать и спросить разрешения, прежде чем войти... Я даже специально откидываю одеяло, чтобы он видел меня полунагой. И что же? А ничего! Он говорит «извините» и корректно отворачивается, даже украдкой не косясь в мою сторону. А эти любезные беседы и невинные игры? Я даже пробовала садиться к нему на колени во время наших игр за компьютером, а он... Я даже, как будто мне холодно, обнимала его во флаере, когда мы летали на прогулки. А сколько раз, оставаясь с ним наедине среди холмов, я раздевалась и ложилась загорать, иногда даже снимая верх купальника. И при этом я призывно улыбалась ему, искоса смотрела на него и заводила насмешливые разговорчики «про это», сдабривая их скабрёзными анекдотцами. Он же все время норовил оказаться ко мне спиной или прятал взгляд. Помню, я даже раз запусти-

ла в него песком, чтобы он взглянул на меня голую. На что только я не шла, чтобы он, наконец, рассердившись и раззадорившись, схватил меня, властно сжал в объятиях и сказал: «Ты можешь делать со мной потом что угодно, но сейчас я желаю близости с тобой, и ты непременно будешь моей!» И ему бы никто не помешал! А он? Он, оказывается, в это время думал совсем не обо мне, а об этой низкой дряни Цыпочке! Конечно, она ведь вон какая секси, а уж юбочка на ней коротка настолько, что даже тусы выглядывают!»

У Кошечки от таких мыслей выступили слезы. Она резким движением смахнула их и закрыла покрасневшие глаза, не в состоянии сейчас глядеть на Святошу, который был теперь совсем близко.

Ее слух уловил тихий скрип плитки под его ногами, потом все стихло. Девушка почувствовала, что землянин остановился прямо перед ней и теперь терпеливо выжидает, не решаясь заговорить первым. Пауза затягивалась.

Кошечка, наконец, открыла глаза.

– Ты? – произнесла она и чуть не поперхнулась от подкатившегося к самому горлу комка ревнивого гнева.

– Вы чем-то расстроены? – Святоша совершенно бессовестно и, как ей показалось, даже нагло уставился прямо в ее лицо.

«Он еще не знает о том, что его шашни с Цыпочкой раскрыты, и поэтому не ощущает никакой вины!» – подумала Кошечка.

– Что это? – спросила она, прожигая его глазами, и разжала кулачок.

На ее ладони лежал смятый граммофончик Цыпочкиного цветка, и она ожидала теперь от земляшки какой-то особенной, но все же понятной реакции: может быть, стыдливой бледности или, наоборот, смущенного румянца, робкого признательного молчания, униженных жестов и заискивающей гримасы, или неуклюжей в многословности лжи. Но во всем облике чужака отразилось только наивнейшее недоумение:

– Цветок, разумеется. Цветок петунии, только очень помятый. – Голос Святоши звучал искренне удивленно.

– Цветок петунии. Да! Цветок! – Кошечку прорвало. Гнев и ревность, не дающие говорить и спирающие дыхание, в одно мгновение опустились прямо в сердце, больно его прожигая. – Как ты мог? Как ты только посмел сорвать его? И для чего!

Святоша только непонимающе покачал головой:

– Их так много на клумбе. Не надо так расстраиваться из-за какого-то цветка.

– Из-за какого-то? – Кошечка яростно сверкнула глазами. – Да как ты осмелился на такое? И прямо у меня перед носом!

Тут она захлебнулась в беззвучных рыданиях и ударила землянина по лицу с такой силой, что тот даже покачнулся и схватился за пылающую щеку.

– Но за что? Я не рвал никаких цветов! – Он все еще имел наглость казаться совершенно непонимающим.

– За что? И ты еще смеешь спрашивать? Может быть, скажешь еще раз, что не рвал этого цветка?

– Не рвал, – подтвердил земляшка с бессовестной серьезностью и тут же получил еще одну пощечину, посильнее, чем предыдущая, и по другой щеке.

– Научился? Так соври еще! Мне понравилось, как естественно ты это теперь делаешь! – Кошечка ухмыльнулась сквозь слезы, ее злоба все продолжала нарастать. – Ты лжец! Обманщик до мозга костей! Цепной кобель, рядящийся в агнца!

– Честное слово, я не рвал этого цветка. – Покрасневшее от пощечин лицо землянина было по-прежнему удивленным и бессовестно невинным.

Кошечка совсем взбесилась:

– Да кто поверит твоему слову, презренная скотина?! Свою пресловутую честь ты потерял сразу же, как попал на нашу территорию. Да кто ты вообще такой? Ты даже вообще не имеешь права иметь хоть какое-то свое слово, потому что клятвы может давать только человек. Ты же не человек, ты просто болтливая вещь!

Землянин гордо выпрямился, его взгляд гневно потемнел и посуровел, брови почти сошлись на переносице.

– Можно отнять свободу и даже жизнь, но право оставаться человеком отнять невозможно, – твердо сказал он.

Кошечка отпрыгнула от него в сторону. Глаза ее превратились из голубых с зеленоватым оттенком в холодно-изумрудные, как у дикой рассерженной кошки.

– Стража! – закричала она что было сил. – Скорее сюда!

Незамедлительно прибежали солдаты.

– Взять его! – Она ткнула пальцем в сторону Святоши. – Бить плетью, пока не признается и не взмолится о пощаде. Тогда сообщить мне.

Стражники схватили землянина за руки, торопливо одевая наручники. Тот не оказывал сопротивления и не издавал более ни звука. Наконец, его увели.

Кошечка опять села на скамейку. Листва безмятежно шумела над головой, цветы на клумбе тихо покачивали нежными венчиками. Успокоения не наступало.

«Он поплатится! – думала она, но в груди что-то ужасно ныло и ворочалось, как будто кто-то сжимал сердце, покалывая его острыми коготками. – Он, наконец, поймет, что так бессовестно манипулировать хозяйкой и лгать ей прямо в глаза опасно! Сейчас прибежит стражник, чтобы сказать, что он признался и просит пощады... Что ж, послушаем, как Святоша будет перечислять свои грешки, как он будет умоляюще искать глазами встречи с моим взглядом. Сейчас появится стражник и мне сообщит... Я не прощу этого похотливого обманщика сразу, пусть хорошенько попросит, повалится в ногах, может быть даже поплачет... Такое нельзя

прощать просто так! Так подло водить меня за нос!»

Время тянулось медленно, казалось, что секунды стали часами, а минуты – просто вечностью. Кошечка уже была готова все простить по первому слову, лишь бы скорее пришел стражник. Ей стало нестерпимо жарко. Она чувствовала, что щеки и уши ее просто горят, а руки, наоборот, похолодели и начали подрагивать.

«Почему? Почему не идет стражник? – Мысли метались в растерянности по черепной коробке. – Упрямец! Упрямый дурак! Он страдает, но молчит! Что? Ну, что ему мешает сказать: «Я позволил себе наплевать на ваше великодушие и без зазрения совести пользовался вашей добротой и хорошим отношением. Я прошу прощения за то, что был дерзок и вероломен. Я искал более доступный и легкий путь, ведь я просто мужчина». Господи, – мелькнула вдруг молнией неожиданная догадка, – а ведь действительно, может быть, ему просто захотелось мимолетного и ни к чему не обязывающего плотского развлечения с какой-нибудь шлюхой, ведь он не монах, в конце концов. Поэтому он и не чувствует себя особенно виноватым, считая свое фривольное поведение на стороне вполне входящим в рамки общепринятых приличий. Быть может, он втайне мечтал обо мне, может быть, даже влюбился, просто боялся в этом признаться...»

Ярость и ревность вмиг испарились, такое оправдание показалось девушке более чем убедительным, и тогда страшная мысль поразила ее как громом:

«Боже! Ведь я оскорбила и оттолкнула его! А теперь я пытаюсь сломить его гордость унижительнейшим образом! Он ожесточается, он, наверное, уже начал ненавидеть меня. С каждым ударом он чувствует все большее отчаяние. Упрямство, которого у него хоть отбавляй, не позволит ему произнести слова, взывающие о пощаде! – Кошечка вскочила и закрыла лицо руками. – И тогда его просто забьют насмерть, выполняя мой приказ...» – таково было логичное окончание мысли.

Слезы жалости хлынули из глаз Кошечки, и она опрометью бросилась из сада, чтобы облегчить участь того, мучений которого только что так искренне желала.

«Я сама остановлю экзекуцию, – думала она по дороге. – И ему не придется просить о снисхождении. Этот дерзкий проступок я в состоянии простить и без его покаяния. Мы будем квиты: он наказан за разврат и наглую ложь, а я буду великодушной, хотя и строгой хозяйкой».

Не успев толком открыть дверь, девушка крикнула:

– Прекратить! Отставить!

Она влетела в помещение и остановилась перед замершими стражниками.

– Хватит! – Она пыталась подавить волнение. – Я отменяю приказ. Освободите его.

Стражники расстегнули наручники, удерживающие Святошу в вертикальном положении. Обмякшее тело заскользи-

ло вниз и распростерлось у ног девушки без движения.

– Ты прощен, – сказала Кошечка, наклоняясь. – Слышишь, упрямец?

Но тот явно уже ничего не слышал, и ее сердце екнуло от страшной мысли:

«Неужели я опоздала?!» – Тут она приложила пальцы к его шейной артерии и, почувствовав пульсацию, облегченно подумала: «Слава Богу! Жив!» – И уже вслух приказала:

– Отнесите его в комнату, да осторожнее!

Тревога и дурное настроение так прочно засели в Кошечкином сердце, что их не удавалось извлечь оттуда решительно никакими способами. Ничто не давало успокоение и освобождения от гнетущей пустоты и подозрений. Кошечка мерила шагами двор вдоль и поперек, чем сильно удивляла охранников, которые ранее не замечали за ней такой привычки. Потом она вошла в дом и начала медленно обходить комнату за комнатой, изнывая от вынужденного безделья и последствий душевной бури.

В гостиной девушка неожиданно столкнулась с Цыпочкой, протиравшей хрусталь на полках. Ненависть и ревность вспыхнули в душе девушки с первоначальной силой.

«Вот та шлюха, которая переспала со всей деревней, потом окрутила моего отца и, наконец, добралась и до Святоши. Профессионалка-обольстительница! Паршивая похотливая дрянь!» – подумала Кошечка, опять краснея от злости.

Цыпочка почувствовала, что хозяйка к ней отнюдь не расположена, и попыталась убраться восвояси, но Кошечка встала так, что путь для отступления был отрезан.

– Я ведь предупреждала тебя, чтобы ты не попадалась мне на глаза. Твоя рожа вызывает у меня крайнее отвращение! – Кошечка была готова вцепиться в смуглое лицо Цыпочки своими острыми ноготками.

Цыпочка отпрянула, жалобно хлопая крашенными ресницами:

– Но, леди! Чем я заслужила такое отношение? Если вы так жалеете о цветке, то я вовсе не знала, что он вам так дорог и так расстроит вас. Я думала, их так много на клумбе, и вы просто не заметите... Я очень извиняюсь... прошу прощения... Только скажите, я готова заплатить за него...назовите сумму...

– Речь совсем не о деньгах!

Цыпочка не знала, куда деваться от жгучего гневного взгляда Кошечки.

– Лучше скажи, как ты попала в этот дом? Кто сюда тебя позвал?

– Старый Лео сказал, что я ему нравлюсь. – Цыпочка потихоньку отступила в глубину комнаты. – И предложил стать его служанкой. Он даже сказал, что я могу вскоре стать его законной женой...

– Женой? Да сначала я прострелю твою похотливую рожу! – Кошечка схватила со стенки пистолет и взвела курок.

– Но... я ведь свободная женщина, вы не имеете права! Вас будут судить и накажут за убийство! – Цыпочка стучала зубами от страха.

– И кто это здесь будет меня судить и наказывать? – Кошечка медленно навела пистолет на прижавшуюся к стенке Цыпочку. – Вся эта планета принадлежит мне и отцу. Все решат, что ты просто протирала оружие и неудачно нажала на курок.

– Мамочки! – прошептала Цыпочка, сползая на пол и сжимаясь в комок. – Ради Бога, скажите, в чем я виновата?

– Лучше расскажи напоследок, как ты успела наставить рога моему отцу с одним из рабов. Он, конечно же молод и привлекателен внешне, а ты не привыкла упускать красивых мужчин!

– Что вы! Я даже не знаю, о чем вы говорите! После того как я пришла в этот дом, у меня никого не было, кроме вашего отца! И это чистейшая правда!

– Но чем же тогда объяснить наличие у тебя этого цветка? Получается, что Святоша сорвал его для тебя просто так? Но просто так такие презенты женщинам не делают, и совершенно очевидно, что это знак внимания. Даже если пока ничего не было, то в самом скором времени должно было произойти. Одним словом, не успел Лео отбыть с Джорджии, как ты уже подобрала себе нового поклонника на время его отсутствия. Вот какова будет новая жена моего отца! -Кошечка все еще держала палец на курке.

– Леди! Пожалуйста! Выслушайте меня! – Цыпочка залилась слезами и просительно сложила ладони. – Ведь я просто перепугалась вашего гнева тогда, в саду, и соврала, что он подарил мне цветок. Я просто сказала то, что первое пришло мне в голову, чтобы наскоро оправдаться. Я сразу-то и не сообразила, что вы подумаете обо мне, что я... Конечно, я сама его сорвала. Это было еще утром. Я просто хотела, чтобы Лео помнил меня и не забыл на лечении, ведь на Лее так много красивых женщин... Он до сих пор часто вспоминает вашу мать, ведь он так любил ее... Иногда часами просиживал здесь, глядя на ее портрет. А я ведь совсем не похожа на леди Агнесс: она была русая, а я смуглая и у меня темные волосы... Я просто хотела, чтобы хоть этот цветок делал меня немножко похожей на нее, а потом просто забыла его убрать...

Кошечка опустила пистолет и подошла к столу. Тут, на северной стене меж более мелкими картинами и фотографиями, в массивной золоченой раме висел портрет мамы, написанный в стиле ретро маслом на настоящем холсте (помнится, отец рассказывал, что на Джорджии как-то был проездом настоящий художник). Мама улыбалась, в ее солнечные, светлые, как и у Кошечки, волосы была вплетена кокетливая, с чуть фиолетовыми краями, петунья.

Цыпочка, воспользовавшись тем, что дорога была временно свободна, опрометью выскочила из гостиной и побежала по коридору прочь. Каблуки ее стучали быстро-быстро, как

автоматная очередь.

– Беги, беги быстрее, врушка. Ах, если бы ты только знала, чего ты наделала своей ложью. Вернее, чего я натворила, поверив тебе, – сама себе сказала Кошечка, кладя пистолет на стол.

Ей в эту минуту показалось, что она проваливается в глубокую ледяную яму с настолько гладкими краями, что даже не за что уцепиться. Она опять со всей мысленной отчетливостью представила помятый, раздавленный цветок на ладони и ничего не понимающие, наивно-невинные и поэтому показавшиеся ей тогда наглыми и бесстыдными чисто-голубые Святошины глаза.

«Ведь он ничего такого не делал и, разумеется, совсем ничего не понимал. Он не был ни в чем виноват! – думала Кошечка, и эти мысли были тягучие и горячие как смола. Они прилипали к душе и нестерпимо жгли. – Он не был виновен ни в чем из того, за что я его сгоряча так жестоко наказала. Мои туманные упреки свалились на него как гром среди ясного неба. Потом его нещадно истязали, требуя признания, а ему просто не в чем было каяться передо мной... Получается, что я обрекла его на унижительные страдания совершенно беспочвенно, даже не потрудившись дать хоть какие-то объяснения. Что же теперь делать? Лучше бы он действительно водился с этой дрянью! Тогда бы я могла хоть в чем-то его упрекнуть».

Святоша по-прежнему пребывал в бесчувственном состоянии. Болезнь рудника, подхваченная им в ядовитом забое и совсем практически прекратившаяся, когда он переселился сюда, в господскую усадьбу, и перестал глотать токсичную пыль, опять возобновилась со страшной силой. Кошечка села на кровать, взяла его безвольную руку и погладила по ладони. Сейчас она могла позволить себе проявить к нему нежность. Она не теряла, снисходя до раба, свое достоинство хозяйки в его глазах, потому что его глаза были закрыты, и он находился без сознания.

Надо было срочно что-то делать, а не просто лить слезы раскаяния. И она, решительно взяв себя в руки, сбегала в спальню отца, взяла там аптечку экстренной помощи и вернулась обратно.

Тем временем состояние бедняги представлялось плачевным. Девушка сразу заметила, что ему становится хуже с каждой секундой: и без того донельзя бледное лицо начало заметно синеть, искусанные губы окрасились ярко-алой кровью и приоткрылись в судорожных попытках глотнуть воздуха, вдохи были часты и поверхностны. Болезнь быстро пожирала его жизненные силы, которых и так осталось немного после избиения. Одним словом, Святоша находился на грани, отделяющей мир живых от загробного царства.

– Сейчас я помогу тебе... – шептала Кошечка, вводя ему в вену лекарства. – Еще немного потерпи. Я знаю, ты очень терпелив. Не умирай, не сдавайся... только не сейчас...

Уже через несколько минут несчастному стало значительно лучше: он перестал задыхаться и, наконец-таки, задышал глубоко и спокойно. Кошечка отерла с его рта кровь и, наклонившись, нежно коснулась щеки дрожащими от жалости и раскаяния губами.

«Какая я жестокая эгоистка! – думала она. – Ведь я способна мучить даже того человека, который мне по-настоящему нравится. Боже мой! Я действительно влюбилась! Не понимаю, почему меня угораздило втюриться в ничтожнейшего подневольного умалишенного. Это ведь противоположно тому, о чем я всегда мечтала».

Она аккуратно продезинфицировала посеченную кожу на его спине и ссадины на запястьях и наложила лечебные повязки из биопластыря. Справившись со всем этим, она присела рядом и наклонилась, чтобы поцеловать, и тут вдруг заметила, что веки Святоши дрогнули и слегка приоткрылись. Он явно приходил в себя.

– Нет-нет! Ты не должен сейчас видеть подле себя свою мучительницу! – испугалась она и, быстро вынув из аптечки маленькую ампулу снотворного, коснулась его шеи.

Веки землянина снова плотно сомкнулись, он уснул.

– Вот так-то лучше, – облегченно прошептала Кошечка. – Тебе полезно сейчас поспать. А я буду навещать тебя. Буду навещать часто и следить, чтобы ты как можно быстрее выздоравливал.

Она взглянула на плотно закрытую дверь, потом опасли-

во, как воровка на месте преступления, посмотрела на окно, и опустилась на колени возле кровати.

– Боже! – прошептала она, сложив ладони и прижав их к груди, как делали только сумасшедшие монахи. – Я никогда не верила в тебя, но, Боже мой, пусть чужак останется со мной! Пусть землянин поправится! Я умоляю тебя, Боже, помоги ему! Он ведь втайне так нравится мне!

Она опустила голову, и слезы потекли по ее щекам.

Землянин очень быстро выздоравливал. Он был силен и вынослив, и эта сила и внутренняя прочность брали верх над побоями и болезнью. Приступы удушающего кашля, так мучавшие его поначалу, становились все реже и менее интенсивны, кровь более не появлялась на губах, да и жестоко истощенная спина успешно заживала. Вскоре он не только смог «подняться с ложа немощи», но и стал выполнять свою работу по хозяйству в полном объеме, а на его лице вновь засияла такая привычная для всех открытая и приветливая улыбка. Этой скорейшей поправке в исключительной степени способствовали инъекции лекарств, которые Кошечка делала ему тайком каждую ночь. Днем она почему-то стеснялась даже мельком встречаться с ним и как бы невзначай уходила на весь день в свои комнаты или пряталась в гостиной. Она совсем перестала общаться с ним напрямую: не звала «поиграть» за компьютер, не требовала, чтобы он сел за руль флаера, отменила все его обязанности, касающиеся обслу-

живания ее лично, даже редкие общие распоряжения и те передавала через кого-нибудь третьего. Ей было тоскливо в этой вынужденной изоляции и стыдно за свое глупое поведение, но она не могла пересилить себя. В самом деле, ведь это она – хозяйка всей этой планеты! В конце концов, пусть даже она поступила с ним совершенно безобразно и несправедливо, ну на то он и ее собственность! Он принадлежит ей целиком, без всяких оговорок и ограничений, и она, как его полноправная владелица, имеет право распоряжаться его здоровьем и жизнью как пожелает. Да! Все это действительно было так, но она вдруг стала смертельно бояться, что в тот момент, когда их взгляды вновь встретятся, в его глазах она различит скрытую (а может быть, и явную) ненависть и страх. Она хотела оттянуть этот ужасный момент подольше. Она всей душой жаждала и одновременно жутко боялась этой встречи. Ей почему-то казалось, что в это мгновение разом рухнут ее надежды на любовную взаимность с ним, и тогда ей ничего не останется, как сказать открыто и тоном приказа, что она желает видеть его в своей постели, и тем самым, возможно, утолить плотскую страсть, но опять же навсегда забыть об ответном чувстве. С такими тяжелыми мыслями она пряталась от землянина, стараясь даже случайно не столкнуться с ним в коридоре, но все-таки не могла отказать себе в удовольствии хоть через щелочку шторы наблюдать за ним, когда он приходил в сад поутру и поливал деревья и цветы, занимался какими-нибудь другими работами во дво-

ре или просто сидел, отдыхая, на ее любимой скамейке под цветущим деревом. В такие драгоценные минуты она просто не могла оторваться от окна, как ни пыталась, и все смотрела в узкий промежуток задернутых занавесок, с необъяснимым наслаждением вглядываясь в его фигуру и лицо.

Ночью же наступало ее время. Терпеливо дождавшись урочного глухого часа, она бесшумно пробиралась по коридору в его комнату и, убедившись, что он спит, на цыпочках подходила к нему и на всякий случай касалась его шеи снотворной ампулой. Теперь можно было не опасаться, что он вдруг проснется и увидит ее, и она включала свет, зная, что отблеск лампы не виден на улице и почти не заметен из коридора. Она присаживалась на постель и с умилением вглядывалась в спокойное и благородное лицо землянина, спящего безмятежным, непробудным от снотворного сном, поглаживала его руки и даже позволяла себе целовать его прямо в губы. Она могла сидеть рядом неподвижно часами и просто смотреть на него. Но наступало утро, слабый свет просачивался сквозь шторы, и тогда она уходила, нежно поцеловав на прощание.

Вой сирены резко оповестил о том, что кто-то желает приземлиться на площадке.

«Неужели это отец вернулся? – с неудовольствием подумала Кошечка и бросилась к переговорнику. – Я ведь ему говорила, что не меньше двух месяцев!»

Но на экране высветился вовсе не силуэт отца. Кошечка даже отпрянула от неожиданности. Это был не кто иной, как сэр Рич собственной персоной. Он ухмылялся, пожевывая кончик дорогущей толстой сигары, и лениво поигрывал за-жигалкой.

– Привет, Киска! – Рич, увидев девушку, улыбнулся, оскалив прекрасные зубы. – Я тут пролетал мимо и подумал: а не завернуть ли к моей обожаемой красотке на чашечку чаю.

– Лучше скажи, что тебе надо на самом деле, – с тревогой и недоверием перебила Кошечка.

– Всего лишь на чашечку чаю! – Сэр Рич скроил умоляющую физиономию. – Ты ведь не откажешь своему старому знакомому в таком невинном удовольствии, к тому же я привез тебе ценный подарок.

– Да пошел ты со своим подарком! – Кошечка поморщилась.

– Подарок и письмо тебе от Старого Лео, глупая зеленоглазая гордячка! – Сэр Рич не переставал улыбаться, но в этой улыбке мелькнуло что-то опасное.

– Ладно. Тогда садись. – Кошечка опять поморщилась. – Сюда приглашаю только тебя и без оружия.

– Что ты?! Мы же свои! – Сэр Рич развел руками. – Какое оружие, милая? Никакого оружия и в помине не будет, даже перочинный ножик и тот оставлю на борту. Честное слово!

– Знаем мы твое слово! От трапа следуешь один, без сопровождающих головорезов. Все остальные пусть сидят в ко-

рабле и не шлятся снаружи, а не то прикажу стрелять. И не забудь письмо.

– Ты разбиваешь мое сердце своей подозрительностью! – Сэр Рич схватился за грудь, как это делают актеры, когда играют любовное томление. – Повинуюсь, моя королева, повинуюсь! Только жгучая и неистребимая страсть к тебе заставляет меня соглашаться на любые твои условия. Я сделал такой крюк только для того, чтобы увидеть тебя, моя зеленоглазая дикарка. И я лечу в твои объятия, как мотылек в огонь!

С этими словами Рич послал очень эффектный воздушный поцелуй и связь отключилась.

Кошечка сразу же распорядилась насчет приема гостей и выслала флаер на посадочную площадку. Ее совсем не радовало появление сэра Рича, но ей очень хотелось узнать, как там отец, хорошо ли устроился в санатории и как продвигается лечение.

Сэр Рич оставался таким же крутым парнем, каким Кошечка его знала в лучшие для их взаимоотношений времена. Все было при нем, только он теперь еще и чуть ли не светился от чистоты и трезвости. Его мужественно красивая, отлично выбритая самым дорогим кремом для бритвы физиономия хитро и сладострастно ухмылялась. Глаза светились огнем охотника, наметившего жертву. Он был в своем излюбленном щегольском форменном костюме из иссиня-черно-

го, играющего искрой при солнечном освещении материала, идеально облегающего его стройное, мускулистое тело, и вообще выглядел он на все сто баллов из ста возможных. Во всем его таком внешне привлекательном облике было что-то восхищающее и завораживающее и в то же время неприятно настораживающее.

Кошечка встретила Рича в саду. Она оценивающе смерила его взглядом с ног до головы и подумала: «А ведь я его когда-то обожала! Да, в нем кое-что есть, но он не для меня. Последнее время такие парни не в моем вкусе.»

Рич первый начал разговор:

– Привет, Киска! Почему так хмуро смотришь на меня?

– Просто я совсем не ожидала, что ты снова появишься на моем горизонте.

– Неужели ты даже ни капельки не вспоминала обо мне? –

Рич сделал обиженное лицо. – Неужели даже ни капельки не соскучилась по своему верному рыцарю?

– Нет, если ты это хотел от меня услышать! – отрезала Кошечка. – И я уже устала от твоей никчемной болтовни.

– Я еще и не начинал с тобой серьезного разговора! – игриво возразил сэр Рич. – Ты тут, вижу, совсем одичала в одиночестве. Сидишь и разводишь цветочки. Это, конечно, очень красиво... – Он выдернул из земли целую охапку петунии и поднес к лицу. – И очень приятно пахнет, прямо как самые дорогие духи. И ведь очень идет к твоим очаровательным глазкам... – Он посмотрел на Кошечку сквозь растре-

панный букет и отбросил цветы в сторону. – Ну почему ты упрямишься? За то время, пока мы не виделись, я совсем измучился. Возвращайся ко мне, Киска, и ты никогда об этом не пожалеешь. Ну, скажи, чего ты хочешь?

– От тебя больше ничего. Только письмо от отца. – Кошечка вздохнула и села на скамейку.

– Ах, письмо? – Сэр Рич протянул девушке пластиковый пакет. – Вот, возьми.

Кошечка тут же вскрыла конверт и пробежала по витиеватым строчкам.

– Ну, и что он там пишет? – спросил Рич.

– У него все в порядке. – Кошечка сложила письмо и спрятала в карман.

– Он действительно очень хорошо выглядел, когда просил передать тебе письмо. Он выразил надежду, что в наших с тобой отношениях все уладится. – Тут сэр Рич весьма красноречиво подсел к Кошечке вплотную.

– Лео все еще думает, что я соглашусь выйти за тебя замуж. Знаешь, ты действительно завидный жених и все такое, но все равно у нас с тобой ничего не выйдет. И давай больше не будем об этом. – Кошечка резко отодвинулась от него и отвернулась.

– Как это не будем? – Голос Рича прозвучал слегка обиженно. – Мы ведь давно все решили. Почему ты не хочешь понять, что очень нужна мне? Ни одна женщина на свете мне так не дорога, как ты, упрямая дикарка! Киска, я ведь к тебе с

серьезным предложением оформить наши отношения законным браком. Когда ты станешь моей женой, ты сможешь разводить цветочки, яблоньки, виноград, чертей лысых, и вообще все что захочешь. Клянусь, тебе ни в чем не будет отказа!

– Ты, наверное, спятил! – начала сердиться Кошечка, опять поворачиваясь к нему. – Неужели тебе до сих пор не ясно, что я тебя просто не люблю и уже не представляю рядом с собой ни как законного мужа, ни как временного бойфренда.

– Это, конечно, мне очень обидно, дорогая. Что ж, вполне возможно, я и заслужил такое твое отношение... Однако, думаю, что ты все же опомнишься и сполна оценишь всю выгоду нашего союза. – Он деланно улыбнулся, быстро сунул руку в карман и, достав маленькую коробочку, открыл ее. – Это в честь нашего обручения.

На красном бархате покоилось золотое кольцо с крупным бриллиантом чистейшей воды.

– Мы выбирали его вместе со Старым Лео. Надеюсь, оно будет тебе в самый раз. – Сэр Рич придвинулся к девушке и протянул ей коробочку. – Примерь.

– Какого дьявола? Я же сказала, что мы не пара. Убери свое дрянное кольцо. – Кошечка ударила по коробке, и украшение выпало из «гнезда» и покатилося по плиткам.

– Это ты зря... – Рич сгреб Кошечку обеими руками, обнимая и прижимая к себе. – Поиграли в ссору, и хватит. Твое упрямство начинает меня не на шутку раздражать, а ты не

понаслышке знаешь, что я делаю с людьми, которые вставляют мне палки в колеса.

– Угрожаешь? Тогда я сейчас позову стражников! – предупредила девушка и уже было открыла рот, чтобы крикнуть, но сэр Рич вдруг молниеносно, но не сильно нажал ей на горло ладонью, но тут же отпустил, совсем тихо сказав:

– Теперь ты не сможешь этого сделать. Хватит капризничать. Некоторое время ты будешь нема как золотая рыбка, и мы вместе спокойно отправимся к «Звездному волку».

Кошечка уже ничего не смогла возразить. В руке Рича меж пальцами, оказывается, была спрятана крошечная ампула, содержимое которой теперь переключалось в шею девушки, и наркотическая парализующая смесь быстро растекалась по всему телу. Кошечка почти мгновенно почувствовала крайнюю слабость во всех членах. Язык же отнялся сразу, и она теперь вообще не могла произнести ни звука, впад в своеобразный столбняк.

«Боже мой! Как я глупо попалась», – только и промелькнула мысль.

– Вот так-то лучше, – с нескрываемым торжеством сказал Рич и, подняв кольцо с дорожки, аккуратно надел ей на безымянный палец. – Один раз ты меня здорово надула, но теперь мой черед. Я сказал, что вернусь, и вернулся, как обещал. Теперь тебе придется отправиться со мной, и ты не сможешь крикнуть «Помогите!» и даже не сделаешь ни одного резкого движения, чтобы охранники почувствовали что-нибудь по-

дозрительное. Ты будешь только томно улыбаться и кивать головой, или...

Он наклонился и достал маленький пистолет из сапога:

– Да, – кивнул он, – я обещал, что оружия не будет, но мне оно сейчас необходимо. Короче, или ты будешь мне сейчас содействовать, или придется тебя застрелить. В таком случае ты не выйдешь замуж ни за меня, ни за кого-либо другого. – Он прижал дуло пистолета к боку помертвевшей девушки и улыбнулся прямо ей в лицо: – Я уверен, что ты будешь благоразумной и не станешь доводить наши временные разногласия до крайности. В этом случае мы с тобой вскоре отпразднуем на Леди официальную свадьбу, к всеобщей сильной радости и выгоде. Такой идеальной пары и так подходящих друг другу половинок, как мы, больше не найдется во всей галактике. Ведь у нас так много общего! Когда твои капризы, наконец, пройдут, ты поймешь, что я хочу нам обоим только счастья. А то, что я сейчас делаю, возведут в обычай свадебного похищения невесты женихом. Кажется, в древности такой обычай существовал? Мы вернем эту незаслуженно забытую историческую традицию.

Сэр Рич уже собирался поставить скованную парализатором девушку на ноги, но тут раздался голос, заставивший его вздрогнуть от неожиданности.

– Историческая традиция тут совершенно ни при чем. Похищение – это преступление, чем его ни оправдывай.

Кошечка даже не сразу поверила, что это голос земляни-

на, и постаралась повернуть голову, в надежде убедиться, что она ослышалась. К ее ужасу, чужак действительно стоял неподалеку. Оказывается, все это время он умудрялся оставаться незамеченным ни ей, ни Ричем, искусно скрываясь за густыми, отягощенными зрелыми плодами и поэтому склонившимися почти до самой земли, ветвями яблони.

«Господи Боже милосердный! Зачем он показался? Рич непременно убьет его теперь! А я... Я не могу даже предупредить его, да и, если бы сейчас смогла, то уже поздно!» – подумала Кошечка, и обильные слезы струйками потекли по ее щекам от бессилия и отчаяния.

– Что? – Сэр Рич оставил Кошечку и, встав со скамьи, тоже посмотрел в сторону чужака и оскалился в презрительной усмешке: – Кто это смеет нам мешать? Очень знакомое лицо и наглая манера поведения. А, узнал! Твой, Киска, бескорыстный заступник и наш общий враг. Правда, он опять почему-то твой дружок и даже, по-моему, опять собирается содействовать твоим прихотям. Мало того, он посмел подслушивать наши конфиденциальные разговоры!

Рич сделал полшага по направлению к землянину и, мельком оглядевшись, уже без опаски направил пистолет прямо на него. Но Святоша как будто и не замечал оружия и быстро приблизился к сэру Ричу почти вплотную.

«Господи! – мысленно мучилась Кошечка. – Зачем? Зачем он это делает? Нежели он надеется каким-то чудом договориться? Бесстрашный дурак!»

Теперь Рич и Святоша стояли друг напротив друга. Они были практически одного роста, и девушка вдруг отметила про себя, что они и телосложения примерно одинакового, да и вообще, чем-то неуловимо похожи.

– Ты появился как раз вовремя, – насмешливо сказал сэр Рич, и в этой насмешке слышалось упоение мстью. – Я ведь иногда даже мечтал увидеть тебя, тварь, еще раз. И все потому, что мне непременно хотелось собственноручно тебя прикончить. Я все время жалел, что не сделал этого сразу же по прибытии в Чернильную туманность.

– Я к вашим услугам, господин капитан. – Святоша учтиво, но со скрытым вызовом склонил голову в кивке. – Однако, прежде чем приступить к исполнению задуманного, вам придется зарядить оружие. Патрончики-то забыты..., какая оплошность!

И землянин, непринужденно улыбнувшись, покосился на Кошечку на скамейке (ей даже показалось, что он еле заметно подмигнул ей левым глазом). Эта улыбка была настолько спокойна, а тон так безыскусно и в то же время завораживающе убедителен, что Рич ни с того ни с сего растерялся:

– Чего ты мелешь, падаль? – Он невольно проследил глазами за взглядом землянина и на долю мгновения отвлекся.

И тут произошла уж совсем неожиданная и для Кошечки, и для Рича вещь. Святоша с неописуемым проворством воспользовался этим замешательством и с запредельной ловкостью выхватил из рук Рича пистолет. Сэр Рич, выпуская ору-

жие, все-таки успел надавить на курок, и раздался выстрел.

Кошечка сразу же зажмурилась, представляя, как медленно, с улыбающимся бесстрашным лицом, опускается на землю, зажимая смертельную рану растопыренной ладонью, оказавшийся таким поразительно преданным и самоотверженным раб Святоша. Нет, не раб, а благородный капитан, хотя и пленный, по имени Эмиль...

Но горестные картинки ее воображения прервал твердый голос самого Святоши:

– Извините за бестактность, но я просто обязан был предпринять крайние меры. Руки повыше, уважаемый, и, пожалуйста, без резких движений.

Кошечка открыла глаза и увидела землянина, живого и невредимого. Святоша по-прежнему стоял в шаге от Рича, но расстановка сил кардинально поменялась – пистолет теперь был в руке землянина, и его дуло уверенно и без малейшей дрожи смотрело в грудь обезоруженного Рича.

– Я вынужден был применить ваше же оружие – обман. Должен признать, – штука очень эффективная... Но вы угрожали даме, а это в высшей степени нехорошо, – продолжил Святоша, укоризненно качнув головой. – Вы не соблюдаете общепринятых приличий, не подчиняетесь уставу, нарушаете обещания. Какой же вы после этого капитан, да и вообще мужчина? Ваши поступки отвратительны, неужели вы сами этого не осознаете?

Сэр Рич как-то весь сморщился и стал как будто сразу ни-

же ростом. Лицо его позеленело от бессильной ярости. Он только и смог, что еле слышно прошипеть что-то нечленораздельно нецензурное.

Тем временем на выстрел прибежали солдаты охраны. Увидев их, Святоша немедленно бросил пистолет им под ноги и сказал:

– Сэр капитан угрожал леди Лилии. Госпожа теперь плохо себя чувствует.

Охранники окружили стоявшего истуканом Рича, обыскали для верности и, надев наручники, увели. Землянина тоже хотели забрать до выяснения, но Кошечка замотала плохо слушающейся головой, с предельной хоть и немой «красноречивостью» показывая, чтобы его оставили в покое.

Теперь чужак стоял прямо перед ней. Как она боялась этого момента и как ждала! Она восхищенно и безмолвно смотрела на своего избавителя, и вот наконец их глаза встретились, и ничего ужасного, как она страшилась, не произошло.

Святоша осторожно поднял ее со скамьи и на руках понес в дом. В этот момент она была готова многое ему сказать, во многом признаться, за многое просить прощения. Она готова была горячо обнять его, целуя при всех, но совершение этих действий просто не представлялась возможным: язык и губы ей не подчинялись, руки и ноги двигались еле-еле. Все, что она могла, это улыбаться сквозь непрошенные слезы и прижиматься щекой к его плечу.

Еще целый час Кошечка пробыла в этом вынужденном оцепенении. Наконец она почувствовала, что прежние силы возвращаются к ней, но с ними возвращалась и деспотичная гордость хозяйки.

«Какой ужас! – думала она. – И я была готова просить у ничтожного раба прощения, признаваться ему в страсти, как последняя шлюха! До чего я дошла! Хорошо, что язык мой был нем, и я сгоряча не наболтала этих глупостей прямо на людях».

В этот момент вошел Святоша.

– Я принес вам воды, – сказал он, улыбаясь и учтиво склоняя голову. – Может быть, вам нужно что-нибудь еще?

Она улыбнулась ему в ответ и взяла из его рук стакан.

– Я очень рад, что вам стало лучше.

Они опять встретились взглядами. Она все пыталась разглядеть хоть тень лукавства в его глазах, услышать малейшую фальшь в его тоне.

– Это правда? И ты не держишь зла на меня? Не скрываешь обиды?

– Я искренне желаю вам только добра.

– Но ведь у тебя есть полное основание ненавидеть свою хозяйку. Неужели ты уже все забыл? – Кошечка протянула ему руку и буквально заставила сесть рядом с собой.

– Забыл, – эхом откликнулся Святоша, опуская глаза.

Кошечка резко провела ладонью по его спине, землянин вздрогнул.

– Врешь, – с легким укором проговорила Кошечка. – О таких вещах так скоро не забывают. Эти следы еще долго будут напоминать о себе... Я была тогда в такой ярости, а тут еще ты...

– Я хотел извиниться перед вами, госпожа, – почти перебил Святоша. – Я вел себя с вами тогда слишком вызывающе, а в разговоре и вовсе показал себя непростительно дерзким невежей. Я должен был сразу заметить, что вы сильно расстроены и рассержены, и обязан был быть внимательнее к вашему душевному состоянию и гораздо сдержаннее. И еще, простите, что я не извинился ранее. Я хотел это сделать, но все как-то не получалось... Тут он встал и склонил голову, потупив взгляд. Выражение его лица стало таким трогательно виноватым и просительным, что Кошечка тоже в волнении вскочила с дивана:

– Брось лебезить... На самом деле тебе вообще не за что извиняться. Твоя хозяйка была излишне строга к тебе, поддавшись лживым наветам, и ты сейчас не преминул дать мне хороший урок действительной верности и смирения. Я постараюсь впредь не быть такой жестокой и буду относиться к тебе лучше... Обещаю.

Она протянула к нему руку. Он тут же нежно взял ее ладонь и поцеловал. У Кошечки при этом так сильно затрепетало сердце, что она с трудом сдержала себя и только спросила:

– Но все-таки, почему ты не питаешь ненависти ко мне?

Ведь я такая несправедливая и высокомерная! И ты в полной мере испытал боль и унижение по моей прихоти.

– Как я могу вас ненавидеть, если вы дважды спасли мне жизнь?

– Дважды?

– Да. Второй раз вы спасли меня, когда каждую ночь вводили мне сильнодействующие лекарства. Без них я вряд ли бы поднялся на ноги.

– Но откуда ты знаешь?

Землянин засучил рукав выше локтя. Стало видно, что на вене маленькими пятнышками обозначились места уколов, оставленные автоампулами.

– Но почему ты решил, что именно я это делала? – Кошечка даже слегка покраснела, подумав: «Неужели он все-таки видел меня рядом с собой?»

– У меня есть доказательства вашего присутствия. Во-первых, такие лекарства здесь исключительная редкость и вряд ли есть у кого-нибудь еще, кроме хозяев планеты. Эти медикаменты могли находиться только в большой аптечке у вас, госпожа.

– Но предположим, что их украли для тебя.

– Есть еще один довод. – Святоша достал из нагрудного кармана золотистый шнурок, завязанный на бантик. В узелке завязки застрял длинный светлый волосок. – Без сомнения, это украшение незаметно слетело с вашей косы. Неужели вы его не узнаете?

Кошечка покраснела еще больше и выхватила из его руки шнурок:

– Где ты его взял? Я ищу его уже больше недели.

– Я обнаружил его прямо рядом с собой на подушке. Тогда я и догадался, что именно вы лечите меня по ночам.

Кошечка опять села и даже отвернулась, чтобы землянин не увидел, как ей неловко. Теперь она вспомнила, что как-то она наклонилась над спящим чужаком, а ее волосы вдруг рассыпались по плечам. Она еще тогда мысленно выругала себя за потерянную завязку.

– Все правильно, – наконец, сказала она, пересилив смущение. – Я действительно лечила тебя. Но я вовсе не спасала тебе жизнь, а просто желала исправить свою ошибку, за которую ты бы мог ей запросто поплатиться.

– Это равнозначно, – отозвался Святоша. – И я все равно благодарен вам, госпожа. Можно идти?

– Иди.

Землянин поклонился и уже приблизился к двери, коснувшись ее рукой.

– Постой, Эмиль! – не выдержав, крикнула девушка. В ее душе не на жизнь, а на смерть боролись страсть и хозяйская гордость.

– Я слушаю вас. – Землянин обернулся, лицо его было удивленным.

– Теперь я буду называть тебя так. Ведь это твое настоящее имя? – Кошечка почему-то виновато улыбнулась.

– Да, леди Лилия. Мне будет очень приятно. – Чужак улыбнулся в ответ так нежно и благодарно, что сердце Кошечки опять невольно затрепетало.

Сэр Рич предстал перед Кошечкой уже не такой уверенный и «лакированный», как совсем недавно. Сейчас он был взерошен и помят и походил на мокрого воробья. Его взгляд уже не был таким преисполненным достоинства и гордости.

Рич стоял перед Кошечкой с крепко скрученными за спиной руками и с униженной мольбой смотрел исподлобья на свою недавнюю пленницу.

– Я отпущу тебя, и ты спокойно улетишь на своем «Звездном волке» куда собирался. Твоя команда небось уже зажда-лась своего ретивого капитана, – сказала Кошечка. – Все-таки когда-то мы были с тобой близки и у нас действительно много общего.

– Киска! – Его глаза загорелись опасным огнем. – Я конечно же улечу, если ты так хочешь. Но выслушай меня хоть напоследок. Если прислушаешься к моему совету, то не раз еще вспомнишь меня с благодарностью.

– Говори уж.

– Ты всегда будешь тревожить мое сердце, хоть я и не смог тобой завладеть, моя зеленоглазая красавица, – начал он, и выражение его лица стало кротким, но это, конечно, была только натянутая на хитрость маска. – Послушай же, что я

тебе скажу. Твой земляшка, которого ты так приблизила к себе...

– Он всего лишь раб, мой личный слуга, – резко поправила его Кошечка.

– Ладно, Киска, не обижайся. Этот твой личный слуга вел себя в сложившейся с нами ситуации очень подозрительно, – продолжал Рич. – Тем более если ты считаешь его простым рабом, то подобное поведение должно насторожить тебя еще больше. Ты ведь своими глазами видела, с какой не укладывающейся в обычное понимание ловкостью и просто потрясающей легкостью он сумел обезоружить меня. А я ведь не вчера родился! – Тон Рича становился все более вкрадчивым, и Кошечка начала поддаваться внушаемой им подозрительности. – Киска, ты ведь знаешь, что я всегда начеку, внимателен, собран, отличный стрелок и что у меня реакция – дай Боже каждому. Тем не менее какой-то тихий слюнтяй, который помогал тебе разводить цветочки, чинил бытовую электронику и неизменно выказывал себя примерным лизоблюдом и подлипалой, подневольный слуга, который неизвестно почему вдруг решил по своей собственной инициативе заступиться за хозяйку, рискуя собственной жизнью, с просто поразительной легкостью и улыбкой на лице в один миг справляется со мной. Не кажется ли тебе хотя бы просто странной эта его ловкость, присущая только очень хорошо тренированным людям (и тренированным по-особому, как делается, пожалуй, только в подразделениях особого рода)?

А то, что он до сего момента ни разу не раскрыл себя, говорит лишь о том, что он – отличный агент с нервами крепче стали. Ты просто обязана его радикально обезвредить ради собственной безопасности пока не поздно...

– Не нести вздор! – оборвала его Кошечка. – Я знаю, что ты бы отдал многое, чтобы расквитаться с чужаком, потому что он оказался неожиданно достойным и даже сильнейшим противником. Кроме того, тебя просто жутко бесит то обстоятельство, что теперь он вне твоей досягаемости, ведь в свое время ты упустил его просто по недомыслию. И пока я – хозяйка на этой планете, тебе до него не добраться. Он – моя собственность, и я сама буду делать с ним все что заблагорассудится. Миловать его или казнить – теперь только моя забота, и тебе не следует совать сюда свой нос!

– Он – шпион, милая, это же очевидно! Избавься от него, пока не поздно! – Сэр Рич сплюнул. – Ты ведь не дурочка, ты ведь все сама видела и все понимаешь!

– Он принадлежит мне со всеми потрохами, он – мой пленный, и этим все сказано. Ты закончил?

– Закончил. – Рич опустил голову, его лицо было бледно, как у убийцы после неудачного покушения. – Я тоже теперь твой пленный, милая, и у меня уже отсохли руки от этих дрянных наручников.

– Не бойся, я не передумала. Но тебя освободят от них только перед трапом. – Кошечка мстительно ухмыльнулась. – Ведь я прекрасно знаю, что ты не вчера родился.

Кошечка стояла на крыльце и наблюдала, как стражники ведут скованного капитана Рича к флаеру.

Рич тоже смотрел на нее не отрываясь, пока следовал до машины, потом перевел взгляд на того, кто вдруг появился за ее спиной, и на секунду приостановившись, почти крикнул:

– Черт тебя дерь, проклятый ублюдок! И все равно наступит момент, когда я сполна рассчитаюсь с тобой!

Лицо его исказилось в досаде и крайней злобе, и девушке даже показалось, что еще секунда, и он развернется и кинется обратно к крыльцу в безумной попытке покарать объект неприязни. Видимо, конвоиры тоже тут же почувствовали возможность подобной выходки, и поэтому сразу же вцепились в его локти и, немилосердно их задирая, буквально запихали Рича на заднее сиденье машины.

Кошечка оглянулась. Землянин, бесшумно появившись из открытой двери, теперь стоял в шаге позади нее и наблюдал за происходящим. И угроза Рича конечно же была адресована именно ему.

– Скажи, Эмиль, почему ты не разделался с Ричем там, в саду? – спросила Кошечка. – Тебе просто нужно было нажать на курок сразу после того, как ты завладел его пистолетом. Тебе бы никто не успел помешать, и вряд ли кто-нибудь осудил бы потом. Все выглядело бы как защита и самооборона.

– Я думаю, что, наверное, никогда бы не смог так посту-

пить ни с ним, ни с кем-либо другим, ведь сознательно отнять жизнь у человека – просто ужасающее по своей тяжести преступление.

Кошечка некоторое время внимательно всматривалась в лицо землянина, пытаясь обнаружить хоть мимолетную тень иронической ухмылки, однако выражение физиономии чужака так и осталось искренне серьезным.

– Значит, ты просто не захотел брать грех на душу? Но ведь существуют настолько плохие люди, что их просто-напросто приходится физически уничтожать ради собственной безопасности. Или ты его, или он тебя. Странно, что ты этого до сих пор еще не осознал. Вот, например, капитан Ричардсон вообще не привык оставлять своих врагов в живых ни под каким соусом, а ведь он тебя теперь так ненавидит, что только что был готов задушить или скорее загрызть прямо на глазах у всех, – попыталась повторно спровоцировать его на откровенность Кошечка. – Дурень ты мягкотелый, учили тебя уже всячески, да видать все зазря! Стрелять надо, когда такой шанс свыше дарован, а не философствовать! Слышал бы ты, каких гадостей он уже успел про тебя тут наплести (и, кстати, не только мне), сейчас же забросил бы свой гуманизм куда подальше!

– Жизнь любого человека бесценна и неповторима. Даже самый плохой, с моей личной точки зрения, человек все равно имеет право на жизнь, – совершенно не поддаваясь на Кошечкину провокационную доверительность, ответство-

вал «непробиваемый» чужак с такой же спокойной серьезностью.

– Святоша ты и есть, не зря к тебе этот ярлык прилип! Ладно. – Кошечка мысленно махнула рукой и без лишних церемоний потянула его обратно в дом прямо за рукав. – Чем запоздало рассуждать о нереализованных возможностях, пойдем-ка к компьютеру, сыграем во что-нибудь. Со-скучилась я... А обо всей этой неприятной истории давай просто забудем, и дело с концом. Миновало, и слава Богу!

– Хорошо, давайте забудем, – почти эхом откликнулся землянин, с готовностью повинуюсь ее напору.

Они вместе ушли в «кабинет», «замесили по полной» в любимую Кошечкину игру, и девушка, наконец, опять могла наслаждаться личным общением с таким тайно желанным сердцу объектом.

Однако ядовитые зерна подозрений, обильно посеянные капитаном Ричем, не преминули проклюнуться и дать всходы в ее душе. Теперь она приглядывалась ко всем действиям и даже движениям землянина, внимательно наблюдала, как он улыбается, как его глаза загораются от игрового азарта, как он легко шутит и безобидно «умничает», но ничего настораживающего заметить так и не смогла.

Чтобы хоть как-то избавиться от внушенных Ричем навязчивых страхов и сомнений, она этим же вечером навестила охрану усадьбы в момент смены и озвучила тайное распоряжение: следить за ее личным слугой с повышенным вни-

манием и обо всем замеченном мало-мальски странном и тем более подозрительном в его поведении немедленно и подробно доносить.

Восстание было неожиданным и хорошо спланированным.

Всю предыдущую ночь большая часть стражи веселилась и пьянствовала в честь получения повышенного жалования. Утром техники не явились на поверку. Последовало довольно длительное замешательство. Когда стража протрезвела и осознала серьезность ситуации, было уже поздно.

Слаженно появившись откуда не возьмись, техники захватили «арсенал» и разом обезвредили охрану на вышках и в помещении дежурки, подорвав и то и другое заранее заложенными взрывпакетами с дистанционным управлением. После пятиминутного боя с уцелевшими стражниками и надсмотрщиками рудник оказался в руках восставших.

Остальные невольники были немедленно освобождены от пут и разбиты на отряды, во главе которых встали техники, которые были вооружены бластерами, отобранными у охранников, и действовали очень согласованно. Рядовые рабы тоже быстро вооружились кто чем мог, в основном подручным железом - кайлами, лопатами, ломami.

Далее без малейшего промедления отряды двинулись на жилой поселок.

...Деревня тоже была захвачена врасплох. Стражники и

полицейские были перебиты практически поодиночке. Те же военные, что смогли все же кое-как консолидироваться, спешно отступили в сторону ртутных озер.

После взятия поселка дисциплина в рядах восставших заметно упала. Селение огласили отчаянные крики, звон разбиваемых витрин, ругань и редкие выстрелы. Рабы наслаждались победой и вседозволенностью.

Однако были и те, кому этого оказалось недостаточно. Наиболее дисциплинированные и озлобленные остались неудовлетворенными сложившимся положением дел и, еще раз «организовавшись», двинулись к «главному оплоту работодателей» – хозяйской усадьбе.

Сару, как и в прошлый раз, в гости завез муж. Это было поздно вечером. Часть ночи Кошечка и Сара провели в болтовне о своем о женском, пока не утомились и не заснули.

Проснулись они, когда в щель между шторами уже всюду светило солнце. Кошечка вскочила и кинула в пробудившуюся Сару подушку. Сара, смеясь, спрыгнула с кровати и тоже запустила подушкой в Кошечку. Та увернулась, заскочила на кровать и заплясала, высоко подбрасывая ноги и задрав юбку ночной рубашки на манер канкана. Сара изловчилась и дернула ее за ногу, обе плюхнулись на мягкий коврик рядом с кроватями.

– Нам предстоит чудесный денек! А сейчас мы пойдем умываться, – почти пропела довольная Кошечка и раздерну-

ла шторы.

В окно ударил поток солнечного света, и Сара, заметив деревья и цветы за окном, невольно восхищенно вскрикнула:

– Вот это да! А я вчера и не заметила! Неужели они настоящие?

– Конечно. Просто ты давненько у нас не была, с гордостью сказала Кошечка.

– Вы что, привезли их сюда с Леи? Представляю, каких деньжищ все это стоило! Кошечка, признайся, ты завела себе ухажера-миллионера?

– Нет. Нет и еще раз нет. Нигде не угадала! Это просто Эмиль нашел себе еще одну работенку. Говорит, что скучно сидеть без дела. Он ведь у меня такой деятельный...

– Кто?

– Ну, помнишь раба-землянина, моего слугу? Он еще катал нас на флаере к ртутным озерам.

– Это тот, которого я еще хотела у тебя купить, и мы чуть не поссорились? – Сара прищурилась. – Так ты дала ему новое имя? Да еще такое странное! Ты что, исторических книжек перечитала?

– Это его настоящее имя.

– Земное? А я-то удивилась, ведь такое мужское имя теперь, наверное, уже не встретишь во всей Федерации. Оно слишком... слишком... ну, не знаю, длинное... Так вот, значит, как? Невольник удостоился настоящего имени? Я поражена! – Сара захихикала.

– Не смейся, Сарочка, ты сейчас сама увидишь, что он вполне заслуживает имени, а не какой-то глупой кликухи.

Сара, продолжая ухмыляться, спросила:

– Ну и как же он умудрился вырастить деревья за такое короткое время? Он, что, помимо лихого шофера и опасного гипнотизера, еще и волшебник?

– На то существуют вполне доступные биотехнологии, а Эмиль просто прекрасно разбирается в их применении. Кстати, ты можешь спросить обо всех тонкостях у него сама.

– А плоды на той яблоне тоже настоящие? – с внезапным сомнением спросила Сара. – Как-то даже в голове не укладывается.

– И цветы, и плоды, и деревья – все настоящее, не сомневайся. Поначалу я сама отказывалась верить своим глазам. Ну, ты будешь умываться или нет?

Сара одернула ночную рубашку и нащупала ногами тапочки.

– Держи полотенце! – Кошечка запустила в подружку полотенцем.

– Только не вздумай кидаться в меня мылом, – взвизгнула Сара, и они, весело пересмеиваясь, отправились в ванную.

Умывшись и одевшись, они вышли на крылечко. Во дворе было безлюдно.

– А завтракать мы будем? Или опять придется принять осточертевшие таблетки?

– Мы пойдем в сад.

– А стража где?

– Наверное, в дежурке отсыпается. Ну что? Идем?

– Идем.

И они побежали по дорожке за дом.

Одно дерево отцветало, и снег лепестков устилал землю под ним. Второе дерево, самое тонкое, которое было рядом с окном спальни, только собиралось зацвести, и среди его густой листвы смутно виднелись набухающие бутоны. Еще две яблони были увешаны спелыми и румяными и еще не очень созревшими плодами, остальные стояли в пышном зеленом убранстве.

– Я попросила Эмиля вчера, чтобы наш завтрак был в саду, – сказала Кошечка.

– Попросила? – изумилась Сара.

– Его не стоит обижать приказаниями.

– Раба? Обижать? Уж не показалось ли мне, что он и тебя серьезно взял в оборот? С чего это ты так избаловала своего земляшку?

– Ах, Сарочка, это он избаловал меня. Представляешь, ко всему прочему он еще и очень вкусно готовит! – Кошечка улыбнулась. – Чем-то он сегодня нас порадует?

Землянин действительно ждал, и у него все было готово в лучшем виде. Аккуратный столик в тени дерева был покрыт белой скатертью. На нем стояли два серебряных прибора, тонкое кремовое «кружево» фарфора со вкусом отте-

няли цветные салфетки...

– С добрым утром, милые дамы. – Улыбчивый чужак, вежливо и галантно, но совершенно не униженно склонился, поочередно целуя поданные ручки (Сара невольно повторила «церемонный» жест за Кошечкой). – Присаживайтесь завтракать, пожалуйста.

Подружки сели в кресла. Мужчина при этом легко и непринужденно придвинул их к самому столу, потом разлил по чашкам чай и снял крышку с блюда посередине.

– О! А! – только и произнесла Сара, жадно втягивая носом аромат.

– Отлично, Эмиль. Кажется, ты сумел поразить мою подругу до глубины души. – Кошечка по-доброму ухмыльнулась. – Как называется то, что ты приготовил для нас?

– Просто яблочный пирог.

– Изумительно пахнет. Поделишься рецептом?

– Хорошо.

Сара следила за слугой, широко раскрыв глаза. Тот тем временем ловко разрезал пирог, разложил по тарелкам, пожелал приятного аппетита и уже намеревался отступить в сторону, но тут Кошечка сказала самым что ни на есть ласковым тоном:

– Эмиль, может быть, ты тоже присоединишься к нашей трапезе?

– С большим удовольствием, – откликнулся землянин.

– Ну, тогда садись с нами, заодно и поболтаем.

– Только схожу за стулом и тарелкой. Я быстро.

– Ну, ты даешь! – выдохнула Сара, как только он скрылся с глаз. – Вижу, что с того времени, когда я в последний раз была у вас в гостях, ваши отношения сильно изменились. Не иначе как он все-таки и тебя смог загипнотизировать.

– Все может быть, дорогая. – Кошечка возвела глаза к небу. – Возможно, что и загипнотизировал, но так, самую малость, а это не опасно, ведь я сама ему это позволяю... – Она перевела взгляд на подругу: – Прошу, не воспринимай это так болезненно. Вот увидишь, он прекрасный собеседник, остроумный, начитанный, тактичный...

– Но он раб! Ты не боишься, что он отравит нас?

– Нисколько! Ведь он в прошлый раз не скинул нас в ртутное озеро. И вообще, что за дурацкие фобии? Давай отбросим условности: он такой же человек, как и мы. К тому же, он – культурный, воспитанный, красивый, наконец... Между прочим, мой Эмиль из очень приличной семьи и на своей родине был капитаном собственного звездолета, и не абы-какого мусорного корыта, а вполне легального исследовательского корабля, даже оснащенного киберпомощниками.

– А откуда ты это знаешь?

Тут явился землянин. Он уже не улыбался, как прежде, а был очень встревожен и садиться за стол явно не собирался.

– Дорогие дамы, по направлению к усадьбе с холма спускается большая группа людей. Мне эта толпа показалась угрожающей.

– Может быть, это смена стражи из деревни? – предположила Кошечка.

– Это точно не солдаты. Их слишком уж много, да и одеты они не так. Скорее, это люди с рудника.

– Когда подойдут к воротам, скажи им, чтобы убирались или подождали, – махнула рукой Сара. – Не видишь? Хозяйка с гостями завтракает.

– Боюсь, дело серьезнее, чем вы предполагаете, – возразил землянин. – У них в руках что-то поблескивает – вероятнее всего, это оружие. И приближаются они очень решительным и быстрым шагом.

– Ерунда. – Сара откусила еще кусочек пирога. – Какое нам до них дело? Часовые разберутся.

– Эмиль прав, нужно срочно узнать, в чем дело. Сара, давай отложим завтрак, – миролюбиво предложила Кошечка.

– Не раньше, чем я доем этот кусок, – уперлась подружка.

– Какая ж ты упрямая! Пойдем, посмотрим, и если все в порядке, то вернемся к столу...

В этот момент раздалась сухая трель бластера, защелкали выстрелы патронных пистолетов. Сара от неожиданности поперхнулась.

– Бежим, узнаем, что происходит! – Кошечка в волнении схватила Сару за рукав, и все трое бросились из сада.

У ворот шла настоящая перестрелка. Двое стражников валялись в лужах крови. Остальные отстреливались из-за бойниц ограды. Несколько нападавших успели перелезть через

забор и были настигнуты разрядами бластеров уже во дворе. Кошечка успела разглядеть на скорченных трупах рабские роботы.

Тут раздался оглушительный грохот, Кошечку и Сару сбilo с ног взрывной волной и бросило прямо к ступеням крыльца. Закрытые ворота сорвало с крепящих петель, и они упали внутрь двора. Еще двое охранников забились в агонии под обломками. Более никто и не думал сопротивляться. Атакующие просто бросились в проем всей толпой, причем передовые пытались поразить очередями из бластеров уцелевших охранников, разбегающимся по дальним углам усадьбы с предельной скоростью.

Кошечка опомнилась, схватила глупо жмурящуюся от попавшего в глаза песка Сару за руку и рванула в дом. Сзади гремело хриплое многоголосое «ура!».

Захлопнув за собой дверь, Кошечка усилием воли подавила охватившую было ее панику и напрягла разум, ища путь из создавшейся патовой ситуации. Тускло светили лампы, дверь в гостиную была приоткрыта...

Тут девушку как осенило, и она потянула подругу в эту дверь, лихорадочно шепча:

– Ведь здесь начинается потайной ход в подвал, и мы там можем спрятаться. Подожди минуточку, я сейчас...

Она схватила пистолет с крючков и нащупала коробку патронов на полке рядом.

– Вот это, пожалуй, идеально подойдет для защиты. А те-

перь нужно добраться до двери... – бормотала она, отдирая нижний угол настенного ковра.

– Смотри! – вдруг воскликнула Сара. – Там твой любимчик!

Кошечка оглянулась. В щель между шторами была хорошо видна часть двора. Там толпились мятежные рабы с рудника, а ближе к дому стоял землянин. Он замер неподвижно, прямой и стройный, с гордо поднятой головой. Несколько восставших направили было на него оружие, но тут из толпы выскочил человек в таком же, как у землянина, синем комби, и заслонил его, раскинув руки:

– Товарищи! – крикнул неожиданный защитник. – Это же наш учитель! Он за нас!

– Ах ты, предатель! – выкрикнула в открытую форточку Сара, резко раздернув шторы.

Сразу несколько мятежников заметили ее в окне и тут же выстрелили. Послышался хруст треснувшего и оплывающего стекла. Сара охнула и согнулась и, схватившись за бок, отпрянула от окна. Ее платье обагрилось кровью. Кошечка, не раздумывая, схватила ее за волосы и дернула на себя, выводя из «поля» обстрела.

– Ох, как больно... И юбку испачкала... – Сара смотрела на нее непонимающим взглядом, из глаз текли слезы.

– Некогда о юбке думать, нужно шкуру спасать, – буркнула Кошечка, почти пинком вталкивая подругу в отверстие за отдернутым ковром и протискиваясь сама.

Она быстро вернула на место и расправила ворсистое полотнище с обратной стороны, прикрывая потайной лаз, и, схватив Сару за руку, потащила ее по совершенно темному узкому коридору.

– Кошечка, мне больно! – стонала Сара.

– Ничего, потерпи, еще немножко!

Подруга в ответ только всхлипывала и охала.

Они прошли узкий темный коридор и выбрались в более просторный туннель с фосфоресцирующим потолком. Подземная дорога уходила вниз, иногда ветвясь на боковые ходы.

– Дальше озеро – резервуар и очистные установки. Но туда мы не пойдем, там вода, слишком глубоко и тупики... Нам бы найти люк в гравитаторную.

Сара в ответ только жалобно и обреченно охнула, и подружки, обнявшись, побрели по туннелю, продолжающему расширяться и углубляться. Тускло светил потолок, влага сочилась со стен, мерцала бисером капель и слизистых потеков.

– Ну, где же он? Где же этот вход? – Кошечку опять охватила паника.

– Когда мы придем? – слабым голосом спросила Сара. – Устала, больше не могу...

Тут Кошечка наконец увидела скобы и люк.

«Слава Богу! А я-то уж подумала, что все перепутала!» – с облегчением и какой-то странной апатией подумала она, а

вслух сказала:

– Сара, мы дошли! Почти дошли!

Сара не отвечала, а только мелко стучала зубами и все время норовила упасть.

...Как она забиралась по осклизлым скобам, как боролась с заржавевшим запором люка и волоком тащила еле двигающуюся Сару, Кошечка почти не помнила – чувство реальности покинуло ее, все было как в кошмарном сне, который никак не кончится. Ей хотелось только одного: замереть, сжавшись в комок, передохнуть согревшись и... проснуться...

...Очнулась Кошечка от ледяной капли, упавшей с трубы под потолком прямо на оголенное плечо. Она сидела на полу, прислонившись спиной к стене. Сара привалилась к ее боку как мешок.

– Сарочка, ты что, спишь, что ли? – Кошечка аккуратно ткнула ее локтем.

Подруга не отвечала, вообще не шевелилась и была совсем холодная. Кошечка приподняла ее склоненную голову и заглянула в лицо. Глаза Сары были открыты и остекленели.

Гравитаторные датчики создавали неприятный гудящий фон. Было как-то по-особому липко, затхло и холодно. Кошечка сидела, прижавшись к трупку Сары, и рыдала, вернее, выла без слез, без причитаний, почти без голоса...

Вдруг в нескольких метрах от нее скрежетнул металл, и входной люк начал медленно отодвигаться. Девушка замерла

и насторожилась. Люк открылся, и по своду гравитаторной над ним запрыгал яркий кружок света от карманного фонаря. Кошечка достала пистолет и сняла курок с предохранителя, готовая выстрелить, как только покажется голова незваного гостя. Однако подставляться под ее пулю хитрый пришелец явно не торопился, как будто точно знал, какая встреча его ожидает. Над самым кольцом люка появилось и замаячило что-то маленькое и светлое – это был обыкновенный носовой платок, привязанный к какому-то стержню, и он явно выполнял роль белого флага при парламентарере. Рука с пистолетом начала подрагивать, Кошечка напряглась.

– Леди Лилия, не стреляйте, пожалуйста! Я знаю, вы здесь... Не стреляйте, прошу вас, я один...

Девушка узнала голос землянина.

– Это ты, Эмиль? – крикнула она. – Что тебе нужно?

– Разрешите мне подняться к вам. Клянусь, я не причиню вам зла! – Голос землянина звучал взволнованно и искренне просительно.

– Ладно, поднимайся, раз жизнью не дорожишь, – согласилась Кошечка, встала и приблизилась к люку.

Землянин вылез в отверстие и плавно поднял ладони вверх, показывая, что он безоружен и у него в руках нет ничего, кроме фонарика.

– Какое счастье, что вы успели скрыться, – сказал он. – И как хорошо, что я смог обнаружить вас первым.

– И ты нашел меня здесь, чтобы выдать этим разбойни-

кам! – фыркнула Кошечка, держа пистолет наизготовку. – Отец прав, ты – вражеский шпион. Этот бунт – твоих рук дело. А я то думала, что ты...

– Подождите, госпожа! – Землянин по-прежнему стоял с поднятыми руками. – Я пришел за вами, потому что вам здесь долго не продержаться, а усадьба наверху под контролем людей, жаждущих с вами расправиться. Восставшие знают, что вы где-то недалеко, и целенаправленно разыскивают вас. Ваша жизнь под угрозой.

– Я и без тебя это прекрасно понимаю... Постой, так ты пришел предупредить меня? – Кошечка опустила пистолет и сделала шаг к чужаку. – Неужели ты остался верным своей хозяйке, несмотря ни на что? Ты хочешь мне помочь?

– Да.

Землянин тоже сделал шаг к ней и опустил руки, но девушка опять вскинула оружие:

– Не подходи! Я не верю тебе! Ты хочешь обмануть меня, как провел тогда Рича! Только со мной такой номер уже не пройдет! Значит, задумал сдать свою хозяйку тепленькой прямо в лапы своих сообщников без лишнего шума и стрельбы, чтобы потом вместе потешиться? Мятежники не тронули тебя, мало того, они признали тебя своим. Я это видела своими глазами. Что ты делал среди разбойников?

– Я уговаривал их не убивать и не бесчинствовать. – Землянин вздохнул. – Но насилие порождает еще более вопиющее насилие. Они делают то же самое, что делали с ними и

более того. На руднике восставшие первым делом распяли начальника смены и его подручных прямо на воротах, а потом закидали камнями. Уцелевших надсмотрщиков жестоко избили и сбросили в санитарный ров. В поселке ситуация не лучше. Там полный разгром: жители в панике, трупы валяются прямо на улице, царят пьянка и разврат... Это просто какая-то патологическая жестокость и животная дикость!

– Откуда ты узнал о потайном ходе? – Кошечка осмелилась подойти к нему почти вплотную, одной рукой все также целясь из пистолета, а другойхватила фонарик и направила прямо в лицо. – И как ты нашел дорогу сюда?

Землянин зажмурился:

– Всего лишь наблюдательность и выводы, основанные на последовательном логическом исключении... Вы точно вошли в дом и назад не выходили, однако внутри вас не нашли, хотя все помещения были с пристрастием осмотрены... В гостиной были заметны явные следы вашего пребывания: с кронштейна исчез пистолет, на полу засохло несколько бурых капель – вероятно, кровь... Кроме всего прочего, вы неплотно закрыли за собой потайную дверь, и это обстоятельство породило сквознячок, который и дал возможность обнаружить ее под маскирующим ковром... Не волнуйтесь, своими умозаключениями я ни с кем не делился и исследование гостиной на предмет тайного хода проводил в полном одиночестве. А когда мои изыскания увенчались успехом, я опять расправил ковер и, хорошенько закрыв дверцу, стал

искать гравитаторную или какое-нибудь подобное ей помещение...

– А откуда ты вообще знаешь о гравитаторной на Джорджии?

– Эта планета слишком мала для такого природного притяжения. Мы, земляне, всегда устанавливаем гравитаторы на небольших или искусственных планетах, чтобы поддерживать привычные условия. А если есть гравитатор, значит, есть место, откуда можно производить его контроль и настройку, и вполне логично, что этот «терминал» устроен где-то под рукой у хозяина планеты...

– Ладно, можешь не продолжать. Как ты меня отыскал, уже не столь важно. Слишком о многом ты осведомлен, всезнайка... Значит, получается, что ты, чистоплюй, вдоволь насмотревшись, как безобразно резвятся твои мятежные дружки по руднику, решил явиться ко мне на помощь? – Кошечка, наконец, отвела луч фонаря от его лица и сунула пистолет в карман. – Что ж, хоть и глупо, но все же похвально.

Землянин согласно кивнул и, облегченно вздохнув, спросил:

– А где ваша подруга? Вы ведь скрылись вдвоем.

Тут Кошечка не выдержала и, оставив свою показную воинственность, уткнулась лицом в его плечо:

– Она мертва. Бедная Сара, мы учились вместе...

– К сожалению, мертвому уже ничем не поможешь. – Его

голос был ласковым и сочувственным, он осторожно обнял ее и тут же отпустил.

Она посветила фонарем, и чужак первым исчез в люке. Кошечка последовала за ним. Спустившись до половины лестницы, она неуклюже не то спрыгнула, не то сорвалась, рискуя сильно ушибиться, но землянин поймал ее на лету и тихо опустил на пол. Они взялись за руки и пошли к аварийному выходу.

Эмиль потрогал запор на аварийной двери. Замок был изъеден ржавчиной, но еще крепок. Кошечка стала шарить в нише у двери. Ее рука натыкалась на плесень и раскрошенный камень. Более ничего не было. В рукав затекла струйка отвратительной ржавой жижи.

– Ключа нет! – сорвавшимся голосом проговорила девушка. – Мы не сможем выбраться из подzemелья другой дорогой. Придется возвращаться обратно.

– Это нежелательно. Из дома вряд ли можно выбраться незамеченными. Схватят еще на выходе из гостиной, – возразил землянин.

– Тебе-то чего бояться? Мятежники к твоей персоне как раз никаких претензий не имеют, мало того, наоборот, очень обрадуются, если ты к ним опять присоединишься, да еще с таким подарком... – Кошечка толкнула его в грудь, чуть не плача.

– Не надо так отчаиваться. – Эмиль недовольно помор-

щился. – Не все так плохо, как кажется. Раз влага разъела ключ в пыль, то запор замка она, вероятно, тоже очень хорошо подпортила. Значит, можно попробовать сломать направленным ударом.

– И ты сделаешь это голыми руками, даже без элементарного инструмента? Хватит ли у тебя сил? – в сомнении проговорила Кошечка. – Ведь на руднике ты ни одной мягкой морды не разбил, а тут – железная дверь...

– Не пойму, при чем тут чьи то лица, и голыми руками что-либо разбивать тем более не собираюсь... Посветите, пожалуйста, вот сюда... – Землянин присел перед дверью, осматривая и осторожно ощупывая поверхность замка, а потом выпрямился и, упершись плечом, слегка надавил на дверь, глядя на петли. – Думаю, она поддастся...

Он с мягкой настойчивостью отстранил Кошечку в сторону, а сам, отступив от двери на пару шагов, сгруппировался и принял такую странную, целеустремленную позу, что Кошечка не могла подавить усмешки.

Тем временем землянин плавно, как в танце расправил руки, а в следующее мгновение молниеносно подпрыгнул и ударил ногой по двери. Движения его были так стремительны, что Кошечка даже не поняла, как и куда, собственно, был нанесен удар, который оказался настолько сокрушительным, что запор лопнул, и дверь со скрежетом распахнулась.

Презрительная усмешка сползла с лица Кошечки и сменялась искренним восхищенным удивлением.

– Какой отличный удар! Кто бы мог подумать, что ты так умеешь! Я видела подобное по стерео: такими ударами бойцы спецназа разбивали кирпичи и ломали доски... Оказывается, тебе ничего не стоит в один момент сломать хребет любому обидчику... И где ты только этому научился?

– Что вы, так с людьми нельзя... – Эмиль покачал головой. – Просто как-то на досуге я наткнулся на манускрипт о концентрации человеческого усилия в одной точке приложения и так увлекся им, что изучил практически.

– Ладно, теперь отпираться поздно. Сейчас ты окончательно выдал свою тайну, а раньше просто притворялся. Оказывается, ты вовсе не такой уж безобидный, каким все время пытаешься себя выставить. Ты – настоящий боец, искусный и хитрый шпион с Земли...

Кошечка осветила его фонарем и пристально глянула в лицо, в надежде найти хоть какое-то подтверждение своим словам. Но взгляд его слегка прищуренных от яркого света глаз был честен и возвышенно-чист, как само небо. Тогда девушка решила переменить тему и спросила:

– И куда мы теперь пойдём?

– Вам лучше знать, – просто ответил землянин. – Ведь вы точно знаете расположение подземных коммуникаций, я же могу только строить предположения.

– Аварийный выход здесь раздваивается: левый ход ведет к шахте – причалу космического корабля – а правый заворачивает обратно в усадьбу, к флаерному гаражу. Если в га-

раже никого нет и флаер на месте, то я смогу вырваться и улететь в сторону ртутных озер.

– А что дальше?

– Что Бог пошлет! Да ты не дрейфь и наслаждайся свободой, пока это возможно! Ты теперь настоящий король! Ведь техники, верховодящие бунтом, всего лишь твои ученики. Они тебя уважают...

– Значит, мы двигаемся к флаерному гаражу? В таком случае я пошел вперед. – Эмиль как будто вовсе не пожелал услышать последние слова, стряхнул ржавчину со своей синей куртки и быстрым шагом рванул в темноту правого ответвления. Кошечка же, наоборот, сбавила ход и нащупала рукоять пистолета в кармане.

«Если выдаст, пристрелю подлеца, а там и мне конец», – уныло рассуждала она мысленно.

Эмиль скоро вернулся:

– Там никого нет, и флаер на месте. Только вот ворота закрыты намертво – сработала блокировка.

– И что же делать?

– Можно просто пробить флаером. Он для этого достаточно тяжелый и мощный.

– Да. По-моему, других вариантов нет.

Они зашагали в ангар уже вместе. Ворота действительно были заблокированы, и теперь их можно было раскодировать только из дома. Кроме того, электрика, ответственная за их движение, отключилась вместе с централизованной энерги-

ей. Видно, восставшие сгоряча что-то поломали в системе энергоснабжения усадьбы.

– Флаер в полном порядке, его никто не трогал. Энергии в батареях по максимуму. – Землянин открыл дверцу перед Кошечкой.

Девушка влезла на переднее сиденье и тут же по привычке заглянула в зеркало.

«Вот сейчас я оправдываю свое прозвище, – подумалось ей. – Только теперь я не кошечка, а мокрая всклокоченная кошатина с помойки».

А вслух она сказала:

– Спасибо тебе, Эмиль. Все что мог, ты для меня уже сделал. Уходи, тебя уже, наверное, хватились бунтовщики.

Она взялась за руль, стараясь не глядеть на него.

«Вот и все, мой миленький... кто бы мог подумать, что ты опять останешься моим единственным товарищем... Сейчас ты уйдешь, и... я останусь совсем одна... это так страшно...» – текли в ее голове мысли, а непрошенные слезы наполнили уголки глаз, туманя взор.

– А разве мне нельзя лететь с вами? Ведь я гораздо лучше вожу флаер. – В голосе Эмиля было искреннее участие и даже какие-то отчаянные и в то же время убедительные нотки, как будто он не просил, а требовал того, что полагается ему по праву. Верно, он уже окончательно решил для себя, с кем ему по пути.

Тогда она смахнула слезинку, скатывающуюся по щеке, и

еле слышно сказала:

– Ну, если ты всерьез желаешь прокатиться со мной, то я не возражаю.

В одно мгновение землянин оказался рядом.

– Вам нужно держаться как можно крепче, – сказал он, сменяя ее за управлением. – Будет хорошая встряска. И пригнитесь. Сейчас мы расшибем эти ворота как нечего делать.

Кошечка схватилась за подлокотники и почему-то крепко зажмурилась. Она почувствовала, как заработал гравитатор машины, как флаер плавно приподнимается с пола и разворачивается в удобную для штурма позицию. Дальше счет пошел на мгновения: флаер резко рванул, набирая скорость, Кошечка почувствовала удар и свалилась под сидение. Машину слегка задрало, но она тут же выровнялась и стала свечой подниматься ввысь. Когда девушка выбралась из-под сиденья, флаер был уже настолько высоко, что усадьба казалась карманной игрушкой, а бластерные выстрелы – далекими сигнальными огоньками.

Кошечка прижалась к Эмилю и спросила:

– А если попадут?

– Тогда упадем и разобьемся, – спокойно ответил землянин. – Но вероятность подобного исхода с каждой долей секунды все меньше.

Планета под машиной быстро поворачивалась, и хозяйский дом скрылся за горизонтом. Эмиль сбросил высоту: ниже было гораздо теплее, и флаер тратил меньше энергии.

Появилось первое ртутное озеро.

– Мы почти долетели до цели. Где-то здесь отшельничий домик, – сообщила Кошечка. – Наверняка туда добрались уцелевшие солдаты.

Эмиль молчал.

– Ты не хочешь спускаться к ним?

– Не знаю.

– Ты боишься, что с тобой будут плохо обращаться? – Кошечка вдруг испугалась, что он может повернуть назад.

Тут перед самым флаером показался дом, точнее, барак. Крыша и стены сливались с окружающим его однообразным ландшафтом по цвету, что делало его очень неприметным.

– Вот он! Кошечка захлопала в ладоши. Ей на минуту показалось, что все страхи позади, и она закричала: – Эй! Кто там есть? – Вы что, заснули, что ли?

Дверь барака отворилась. Кошечка даже не успела разглядеть, кто там был. Флаер рванулся вверх и в сторону, накренившись так, что горизонт оказался вертикально.

– Почему? Почему ты не приземляешься? – закричала Кошечка на землянина и попыталась повернуть машину обратно. – Сейчас же сажай машину!

Но руки Эмиля вдруг стали как будто литыми из стали. Он упрямо уводил флаер от того места, где был дом. Еще десяток секунд безуспешной Кошечкиной борьбы, и отшельничий домик окончательно скрылся из виду. Машина теперь

летела над гладью ртутного озера. Кошечка прекратила попытки отнять управление, вспомнила о пистолете и подумала:

«Вот что заставит тебя повернуть туда, куда нужно мне!»

Она тихонько вынула из кармана оружие и, резко ткнув землянина дулом прямо в ребра, приказала:

– Поворачивай к отшельничьему дому, если еще жить не надоело!

– Мне не надоело, можете не сомневаться. А вот вам то, видно, жизнь совсем не дорога... Воля ваша, я подчинюсь. – Эмиль повернул голову, посмотрел в ее глаза, и опять вернул свое внимание «дороге». – Только вам сначала стоит посмотреть на задние сиденья. Да вы не бойтесь! Выхватывать у вас оружие, как у зазевавшегося капитана Ричардсона, я не собираюсь. Просто вы должны это видеть, прежде чем требовать разворот.

Кошечка почти невольно оглянулась назад: дверца и задние сиденья были жестко продырявлены очередью. Обивка до сих пор слегка тлела.

– Люди в вашем мире легко убивают, – вздохнул Эмиль. – И поэтому их всегда неотступно преследует мысль о том, что на их собственную жизнь так же легко могут покушаться и другие.

Девушка не на шутку смутилась и сунула пистолет в карман.

– А я и не слышала выстрелов, – пробормотала она. – Зна-

чит, к отшельничьему домику приближаться тоже исключительно опасно. Но что же тогда делать?

– Не знаю. Я никогда не был тут, – сказал землянин, и Кошечка по тону поняла, что он ни капельки не сердится и не обижается на нее.

Кошечка сжала голову руками, пытаясь что-то вспомнить. Флаер летел тихо, на самой малой скорости, и, глядя в зеркало ртутного озера, можно было подумать, что он вообще висит неподвижно. Планета была действительно маленькая, поэтому здесь давно уже перевалило за полдень.

– Среди ртутных озер когда-то была посадочная площадка. Она действовала очень давно, еще в период освоения, когда ртуть покрывала почти всю планету. Озера сделали потом, обиталище людей переместили от них подальше на удобное место, а первоначальную базу забросили за ненадобностью. Вряд ли там что-нибудь сохранилось, и в любом случае я даже не представляю себе, где именно она находится, – грустно сказала Кошечка.

– Это шанс. – Эмиль ободряюще кивнул ей. – Раз эта площадка существует, то мы обязаны ее найти просто ради своего спасения. Я сейчас рассчитаю траекторию поиска, при которой мы сможем осмотреть как можно большую территорию за то время, пока хватит энергии в накопителе машины.

Озера казались бесконечными. Они были квадратными и разделялись только узкими стенками-насыпями. Кошечка

прекрасно понимала, что эти насыпи совершенно непригодны для жизни. Даже несколько часов на них были бы, скорее всего, смертельными. Пары ртути отравляли воздух и над озерами, но на достаточной высоте их концентрация резко падала, а опасность практически исчезала – сказывалось мощное действие нейтрализационных установок под ними.

...Прошла уже бездна времени, а флаер продолжал безрезультатно бороздить однообразное пространство. Старой базы не было и в помине. Кошечка все чаще поглядывала на землянина. Тот тоже нервничал, но прекрасно держал себя в руках. Наконец, девушка не выдержала:

– Поворачиваем. Энергии хватит еле-еле добраться до ближайшего пригодного для существования живого существа места. Скорее всего, я тешила нас обоих пустой надеждой на лучшее, а база давно погребена под ртутью какого-нибудь из этих бесконечных озер. Нам лучше вернуться в холмы...

– Что ж, придется... – грустно согласился Эмиль и вдруг воскликнул, чуть ли не подскочив на сиденье: – Смотрите туда!

Кошечка во все глаза уставилась туда, куда показывал землянин, но ничего обнадеживающего не рассмотрела.

– Там что-то блестит! – Эмиль легким движением левой подправил курс и нацеливая машину на какой-то только ему видимый ориентир.

– Ну и что? Просто солнце отражается в очередном ртут-

ном озере, – вздохнула Кошечка. – Обыкновенный блик, только и всего.

– Да нет же! Солнце сзади. И дорожка бликов от заходящего светила тоже сзади. А там – темное небо и что-то сверкает как маяк. – Тут он, не дожидаясь ее решения или хотя бы согласия, врубил полную скорость.

Впрочем, Кошечка и не думала возражать. Апатия уже одолела ее, и она практически смирилась с мыслью, что, в сущности, для нее уже все кончено.

Солнце стремительно заходило. Но прежде чем последние лучи погасли, беглецы увидели остров и полуразрушенные строения на нем.

Кошечка обняла Эмиля и заплакала, повторяя:

– Мы нашли! Мы добрались!

Землянин посадил флаер на подходящей площадке, и они вместе вышли из машины. Было темно, и только яркие звезды освещали кажущиеся призрачными стены, провалившиеся крыши и «ребра» опустевших в незапамятные времена ангаров.

– Нужно найти какое-нибудь убежище, – сказал Эмиль. – Верните мне, пожалуйста, фонарь.

Кошечка достала из кармана фонарик и отдала ему.

– Я посмотрю, где можно переночевать, а вы не уходите от машины. – Землянин сделал свет фонаря ярче и направился было к ближайшему строению.

– Эмиль! – вдруг крикнула Кошечка. – Постой! Я...

– Что случилось? – Он обернулся, голос его звучал ласково и успокоительно.

– Ничего. Просто холодно.

– А вы сядьте на заднее сиденье. Там есть плед. И считайте до шестисот. Я скоро вернусь.

Кошечка забралась обратно во флаер, нащупала плед и, завернувшись в него, стала смотреть на удаляющееся пятно света от фонарика. Когда его быстро слабеющий отблеск совсем растворился в темноте, она легла на сиденье и, закрыв глаза, начала считать. Дойдя примерно до двухсот, она погрузилась в тревожный сон.

Проснулась девушка, когда уже наступил день. Голова и грудь горели. Рукам и ногам было холодно.

Кошечка осмотрелась. Она лежала на кровати, завернутая во все тот же плед. Под головой у нее была флаерная подушка. В маленькие проржавевшие окошки с треснутым стеклом светило солнце.

Помещение, в котором она находилась, сохранилось очень хорошо. Вся немудреная мебель и отделка, слава Богу, была из долговечной пластмассы и практически неокисляющихся сплавов.

Открылась дверь, и вошел Эмиль:

– С добрым утром, леди. – Он улыбнулся и слегка склонил голову. – Мне очень жаль, что пока не могу подать вам воды

для умывания. Ее у нас пока маловато – нужно беречь для питья.

– Не вижу ничего доброго в этом утре. Ведь есть нам тоже нечего.

– Почему же? – возразил Эмиль и вытряхнул из кармана горсть универсальных пищевых таблеток. – Нам хватит минимум на неделю. А производство питьевой воды я налажу, собрав конденсатор: всяких железок тут полным-полно...

– Ты – молодец. И как ты догадался захватить таблетки в этой суматохе?

– Просто на всякий случай положил в карман, когда решил вас разыскать. – Эмиль подал Кошечке одну таблетку и флаерную фляжку с водой, чтобы она могла запить, а остальные сунул в ящичек тумбочки.

Кошечка проглотила таблетку и встала с кровати.

– Где это мы? – спросила она.

– Вы заснули в машине. Я не стал вас будить, просто перенес сюда. Это здание – явно бывший жилой корпус. Эта комната сохранилась лучше всего.

Тут Кошечка неожиданно вспомнила о пистолете и сунула руку в карман. Оружия не было, осталась только горсть патронов.

«Он обезоружил меня, пока я спала! – промелькнуло в мозгу, и она вся разом похолодела от этой мысли. – Теперь я в полной его власти! С острова некуда деться... Флаер! Но где он? Да и вряд ли энергии хватит, чтобы вернуться хотя

бы к отшельничьему домику».

Она заставила себя беззаботно улыбнуться Эмилю и выскочила в полуразрушенный коридор. Входные двери и часть крыши коридора были сняты. В отверстия пробивались солнечные лучи. Кошечка вылезла в пролом в стене и огляделась: перед ней предстали развалины старинной базы. Когда-то здесь были шахты-причалы для грузовых кораблей, площадки и ангары для катеров. Именно здесь поначалу располагался терминал Джорджии, именно с этого места началось ее освоение. Некоторые постройки теперь казались странными и непонятными.

Сзади тихо подошел землянин и встал рядом:

– Знаете, что послужило нам маяком вчера? – Он показал на глянцево-черную, ажурную до полупрозрачности, высокую постройку. – Это солнечные батареи. Я читал о них в истории звездоплавания. Они использовались для преобразования солнечного света в электроэнергию и думаю, они пригодятся. Попробую приспособить их для наших насущных нужд.

– Это было бы здорово, – сказала Кошечка, ее голос почему-то прозвучал совсем глухо и под конец совсем сорвался и охрип. – Я ведь тоже тебе пригожусь?

Эмиль внимательно посмотрел на нее. Потом коснулся ладонью ее лба. Выражение его лица стало тревожным.

– Вы заболели. У вас жар, – сказал он.

– Нет, нет... – прошептала она. – Я здорова... Я буду по-

слушной... Я стану делать все, что ты прикажешь... Ведь ты не захочешь избавиться от меня?

Тут ноги ее подкосились, и она упала на колени, заплакав от бессилия.

Эмиль наклонился и взял ее на руки. Она обняла его, как когда-то обнимала сэра Рича, и даже попыталась целовать, но ей не хватало сил.

Землянин внес девушку обратно в комнату и бережно положил на кровать.

– Почему ты не идешь ко мне? – Кошечка попыталась при-тянуть его руку к своей груди. – Тебе понравится... Я буду очень стараться.

– Вам сейчас нужно полежать и отдохнуть, может быть, получится уснуть. К сожалению, никаких медикаментов у нас нет. Но я поищу в других помещениях. Может быть, что-нибудь подходящее осталось еще с тех времен...

Он прикрыл ее пледом и положил свою ладонь ей на лоб. Его рука казалась холодной, почти как лед, она приятно гасила болезненный жар в голове. Девушка прекратила попытки соблазнения, покорно закрыла глаза и постаралась запретить себе думать о плохом.

Очнувшись, она сразу увидела перед собой землянина. Он сидел рядом и отжимал тряпочку в тарелке. Пахло спиртом.

Он положил ей на лоб холодный лоскуток. Приятные прохладные капли скатились по вискам.

– Эмиль... Ты меня лечишь... – пошептала Кошечка.

– Медицинских препаратов я, к сожалению, не нашел. Зато наткнулся на спирт высокой очистки. – Землянин кивнул головой, еле заметно улыбаясь. – И оказалось, что это именно то снадобье, которое вам помогло.

– Сколько я так провалялась? – спросила девушка. – Неужели ты поил меня спиртом?

– Вы лежали без памяти почти сутки. У вас явно была высокая температура. Наверное, простудились в подвале. Вас бил озноб, вы бредили... Когда я обнаружил спирт, то растер вас им. После этого жар спал, и вы, наконец-таки, очнулись.

– Разве растирание помогает? – Кошечка слабо улыбнулась. – Я-то думала, что нужно пить.

– Помогает, и гораздо лучше, чем при приеме вовнутрь. Я читал в древних манускриптах, что в те времена, когда не было изобретено еще никаких жаропонижающих лекарств, заболевших простудой для исцеления растирали чем-нибудь спиртосодержащим.

– Я и не представляла, что так лечили древние люди.

– Честно говоря, этот способ самый простой. – Эмиль улыбнулся и даже слегка покраснел. – В этих же источниках было в подробностях описано немало всяческой затейливой экзотики.

– Значит, ты всерьез историей увлекался? Расскажи о себе, ну пожалуйста! – Кошечка дотянулась до его руки и ухватилась за ладонь.

– Ну да. По правде, я просто обожаю всякую допотопную рухлядь. Мне нравятся старинные вещи, а за возможность покопаться в старинных книгах я бы отдал все что угодно... Если бы я не стал капитаном-исследователем, то, наверное, был бы историком древности, как мои родители. Ева искренне считала меня совершенно неисправимым ископаемым, появившимся в современности по какой-то странной прихоти природы...

– Это та женщина, изображение которой было в хрустальном шарике? – робко спросила Кошечка.

– Да.

– Она ждет тебя на Земле?

– Нет. – Эмиль на секунду зажмурился и грустно вздохнул.

– Я больше никогда не буду спрашивать о ней, – поспешно сказала Кошечка и умоляюще глянула на землянина.

– Вам нужно поддержать силы. – Эмиль осторожно высвободил ладонь из ее руки, достал из ящичка пищевую таблетку, отвинтил колпачок с фляги, и подал девушке. – Ешьте и, главное, пейте побольше. Все под рукой. И постарайтесь уснуть. Чем больше вы сейчас просто спите, тем быстрее выздоравливаете. А я пока пойду.

– Хорошо.

Кошечка приподнялась на локтях, запила «еду» несколькими глотками воды и, поставив флягу рядом, снова легла головой на подушку. Землянин вышел из комнаты, с акку-

ратной бесшумностью закрыв за собой дверь.

Девушка полежала немного, честно стараясь заснуть, но сон не шел. Зато опять вспомнился пропавший пистолет.

«Эмиль ведет себя так, как будто никакого оружия он не брал, – размышляла она. – А что, если он действительно не брал оружия и ничего о нем не знает, а пистолет просто выпал у меня из кармана во флаере? Вероятно, землянин еще не знает, что я безоружна. Хотя нет. Ведь он раздевал меня, когда растирал, и уж наверняка обшарил мои карманы, пока я была без сознания. Значит, он знает, что оружия при себе у меня нет, и думает, что я его спрятала. Нужно найти пистолет раньше, чем он додумается обыскать флаер. Или он его уже обыскал? Нет, маловероятно. В любом случае он пока еще ничего не нашел, иначе вряд ли был бы таким заботливым и ласковым».

Тут Кошечка открыла глаза и огляделась. В комнате по-прежнему никого, кроме нее, не было. Тогда она откинула плед и встала.

«Действовать нужно как можно осторожнее и незаметнее, – подумала она. – Сначала нужно обнаружить флаер».

Она приоткрыла дверь, выглянула, а потом и выскочила из комнаты. Эмиля поблизости не было. Машину, на которой они прибыли, она нашла достаточно быстро. Флаер стоял там же, где и приземлился: по центру открытой катерной площадки, огороженной невысоким валом из грунта. Она сначала внимательно осмотрела задние сиденья, потом передние.

Заглянула под сидения...

– Ни это ли вы ищите? – раздался голос Эмиля сзади.

Кошечка на минуту замерла в неудобной позе, а потом медленно повернулась на голос.

Землянин стоял в трех шагах от машины и держал на ладони пистолет.

«Как он мог так тихо подкрасться? – подумала, холодея, Кошечка. – Наверное, я была слишком занята поисками».

– Он лежал рядом с машиной, – спокойно поведал землянин. – Он выпал из вашего кармана еще тем вечером, когда мы прилетели.

Кошечка стояла, опешившая, не в силах ничего сказать.

Эмиль заметил ее состояние и, положив оружие на землю, сказал:

– Берите, если хотите, а мне так эта вещь совсем не нужна.

Он повернулся и решительно пошел прочь.

Кошечка выскочила из машины, схватила пистолет, на ходу лихорадочно проверяя наличие патронов, и взвела курок.

– Стой! – закричала она срывающимся голосом, целясь в землянина. (Тот тут же остановился.) – Ты думаешь, что и безоружный сможешь справиться со мной? На этот раз ты сильно просчитался, отдавая мне пистолет! Если что, моей пули тебе точно не миновать. Уж чего-чего, а стрелять то я умею!

Эмиль медленно повернулся к ней, вздохнул и сказал:

– Никогда не сомневался в этом, госпожа. Так я пойду?

Можно?

– Иди, – спокойнее разрешила девушка, она уже осознала, что опять была несправедлива к нему.

Землянин прошел несколько шагов и опять остановился и оглянулся:

– Госпожа, вам лучше прилечь в постель. Вы еще не совсем окрепли и можете снова почувствовать себя плохо. Пожалуйста, послушайте меня! – И быстрее зашагал в сторону солнечных батарей.

Кошечка провожала его взглядом, опустив пистолет, пока он не скрылся из виду.

Солнце село. Загорелись звезды. Кошечка смотрела в окошко на призрачные силуэты развалин, тенями выделяющиеся на стремительно темнеющем фоне неба, и мысленно корила себя за дневную выходку:

«Дура я несчастная! – думала она, кусая ноготь. – Он ведь не от мира сего, простофиля наивный... Другой бы что? Взял бы оружие себе, да еще и внушение недвусмысленное сделал бы, мол, если будешь себя плохо вести, то не обессудь... Сглупила я, не надо было ему опять угрожать. Обиделся теперь мой Святоша, не показывается... так мне и надо! Сиди теперь тут одна, в другой раз не будешь каждый раз тыкать дулом в того, кто к тебе со всей душой...»

Тут в дверь тихонечко постучались.

– Входи! – почти крикнула Кошечка, не в силах скрыть ра-

дось. – Наконец-таки явился, гулена! Я успела соскучиться!

– Добрый вечер, госпожа. – Землянин, занеся пару явно полных канистр, плотно прикрыл дверь. – Теперь у нас вдоволь воды. Жаль, освещения пока нет, а фонарик совсем ослабел. Ну да ничего, это последний вечер в потемках.

– Ты что-нибудь придумал?

– Да, завтра займусь освещением... Тут, если позволите, был спирт в стеклянной бутылке.

– Ты хочешь выпить? – упавшим голосом спросила Кошечка. – Предпочтешь расслабляться в одиночку или составить тебе компанию?

– С чего вы взяли, что эта жидкость нужна мне именно для питья? – девушка разглядела, как он улыбается в полутьме. – Вообще-то, я хотел оттереть руки. Просто я сегодня вымазался как черт. Вода без моющих средств вряд ли осилит такую грязь. Вот и...

– Я помогу тебе.

Кошечка взяла с тумбочки фонарик и достала емкость со спиртом.

Эмиль отлил из канистры воды в помятую кружку, и они вместе вышли «на свежий воздух».

– Знаешь... – начала она, – я так погорячилась сегодня... Мне этот несчастный пистолет в бреду снился. Правда. Просто не знаю, что это на меня вдруг нашло... – И опять увидела улыбку на его губах.

– Я вовсе не обижаюсь на вас, леди.

Он подставил ладони, и она плеснула на них остро пахнувшей жидкостью. Запах спирта тут же ударил в нос. Землянин тщательно оттер каждый палец, потом девушка полила ему руки приготовленной водой.

– Посмотри-ка на меня, – потребовала она и посветила ему в лицо фонариком.

Поперек щеки была грязная полоска.

– Грязнуля! – ласково прошептала Кошечка и вытерла полосу манжетой.

Следующий день прошел спокойно и даже весело. Кошечка совсем поправилась и вместе с Эмилем обследовала остров, а вечером при свете лампы они очень мило болтали и читали вслух найденную в одном из помещений давнишнюю развлекательную книжку, пока усталость не смежила Кошечке веки окончательно и она не уснула, положив голову на колени землянину...

Солнечным, как всегда, утром Кошечка проснулась, посмотрела в окно и вдруг увидела силуэт приближающегося большого флаера.

– Эмиль! Эмиль! – закричала она. – Смотри! К нам летит флаер! – И выскочила на улицу.

Эмиль уже стоял там и смотрел на приближающуюся машину. Кошечка запрыгала и замахала руками, а потом вдруг осеклась:

– А если это мятежники? – выразила она свои опасения и

тут же их опровергла: – Нет. Ведь у них не осталось флаеров.

Землянин молчал. Девушка прижалась к нему и сказала:

– Не бойся. Я не дам тебя в обиду.

Бортовой флаер приземлился, и из него выскочили Старый Лео и его вооруженная до зубов охрана.

– Папа! – Кошечка тут же бросилась к нему и заключила в объятия. – Ты даже не представляешь, как я рада тебя видеть!

– Доченька, я уже не чаял видеть тебя живой! – Лео был тоже так рад и растроган, что скупые слезы блеснули в его глазах.

Он крепко обнял и расцеловал дочку. Тут его взгляд зафиксировался на чужаке:

– Опять с тобой этот земляшка? А ведь он – один из организаторов беспорядков на руднике и явный мятежник! – Брови Старого Лео сошлись на переносице.

– Нет, папа! Нет! Он – единственный человек, который вспомнил обо мне во всем этом ужасе и помог. Он не выдал меня восставшим, спас меня от расправы, а потом заботился и ухаживал за мной, когда я заболела. Пожалуйста, отнесись к нему хорошо, папа!

Лео ядовито усмехнулся:

– Верный пес? Разберемся... – И, уже обращаясь к Эмилю, коротко приказал: – В машину, черт тебя дер!

Все сели во флаер, и уже через несколько минут разрушенная база осталась далеко позади.

Ворота уже восстановили, стену залатали. По двору расхаживали новонабранные стражники. Смертельно напуганные и покорные, тенями скользили невольники, специально пригнанные сюда для приведения в порядок территории усадьбы.

Наступил вечер. Кошечка, устав прибираться с детства знакомые комнаты, наконец ушла в спальню. Теперь она сидела на кровати и ждала. Она надеялась, что сейчас раздастся тихий стук в дверь и войдет Эмиль. Он всегда приходил и приносил ужин, и девушке нравилась эта церемония. Сегодня ей вовсе не хотелось есть, просто она очень хотела видеть его, почувствовать прикосновение его губ к руке, просто перекинуться парой слов.

И чем больше темнел горизонт, тем больше она хотела видеть его. Это желание превратилось в просто иссушающую жажду. Неужели он забыл об ужине? Или просто устал и решил отдохнуть? Ведь сегодня с самого прибытия у него и минутки не было свободной. Сначала он восстанавливал систему энергоснабжения, серьезно поврежденную во время штурма, и преуспел в этом, потом под личным надзором хозяина «прошелся» по всей «разгромленной» электронике и технике усадьбы, и, кстати, с неизменно положительными результатами: повинувшись его умелым рукам, опять заработали, казалось бы, совершенно безнадежно испорченные приборы и механизмы... Она бы могла вызвать своего слугу, что-

бы просто приказать немедленно явиться. Но она не желала приказывать...

Горизонт темнел медленно-медленно. Кошечка все смотрела и смотрела на дверь, сто раз пересчитывала заклепки и царапинки. Время как будто остановилось. И вот, наконец, раздался долгожданный стук.

– Входи! – поспешно крикнула Кошечка, не в силах до конца справиться с нетерпением.

Вошел Эмиль. Все было как обычно: он принес ей ужин.

– Поставь на тумбочку, – сказала она.

Землянин поставил поднос и со всегдашним «спокойной ночи, госпожа» поцеловал протянутую руку и уже собирался уходить, но Кошечка, улучив момент, схватила его за ладонь и, заметно краснея и заикаясь, сказала:

– Подожди! Я хочу немножко поговорить с тобой. – И она потянула его на себя, заставляя присесть рядом на кровать.

– Хорошо. – Эмиль повиновался ее жесту. – Но о чем?

– О любви.

Землянин поднял глаза и посмотрел на нее вопрошающе.

– Я твоя хозяйка и просто обязательно должна быть в курсе твоих чувств. – Она сжала его ладонь, вдруг показавшуюся ей необычно горячей.

– Прошу прощения, леди, но ужин остывает. – Он снова опустил взгляд.

– Ты уклоняешься от ответа. А я так хочу, чтобы ты хоть немножечко любил меня! – Кошечка вдруг перестала стес-

няться, ее гордость куда-то бесследно улетучилась, робость и смущение тоже исчезли без следа. Осталась одна страсть, которая бушевала так сильно, что ее огонь затмевал все остальные чувства.

– Любовь – это когда любят два человека на равных, – тихо сказал землянин. – Нельзя насильно заставить любить.

– Все будет, как ты хочешь. Мы будем сегодня на равных. Ты ведь не откажешься любить меня хотя бы сегодня? – Девушка наконец отпустила его руку, но тут же положила ладонь на его колено.

– Нельзя сегодня любить, а завтра – не любить. Возможно, вообще или любить, или не любить. – Выражение лица Эмиля все еще казалось непроницаемым, только в глазах отразилась и засияла необыкновенно теплая и ласковая искра, моментально согревшая Кошечкину душу и придавшая ей уверенности.

– Земные девушки, наверное, очень красивые, но неужто я настолько хуже них, что не вызываю у тебя хотя бы мимолетного страстного чувства? Неужели ты совсем не хочешь меня? – Кошечка умоляюще смотрела ему в глаза. – Неужели я ни капельки тебе не нравлюсь?

– Для меня ты самая красивая девушка на всем свете. Ты мне очень нравишься. Ты мне нравишься давно, – прошептал Эмиль. – Я влюблен в тебя... Я безумно тебя люблю... Кажется, я никогда никого так не любил...

– Но почему же ты медлишь? Почему не возьмешь то, че-

го желаешь? Почему не хватаешь меня, не заваливаешь и не утоляешь жажду? Или ты боишься, что я закричу, позову на помощь и тебе помешают? Но ведь у тебя было так много возможностей – мы не раз и не два оставались один на один...

– Но я не знал, захочешь ли ты этой близости. Ведь любовь – это чувство равных, оно несовместимо с грубостью и принуждением.

– Ты... такой... – Кошечка нежно коснулась его рук. Его ладони были сладостно мягкими и нежными, и она вдруг осознала, что эти руки не в состоянии, просто не умеют причинить ей даже малейшее насилие или боль. – Да, я хочу этого! Я хочу, чтобы у нас была любовь...

Она обняла его за шею и прильнула губами к его губам. Он тоже обнял ее и прижал к себе так нежно и страстно, что она почувствовала себя одновременно и на вершине блаженства, и в пропасти тоски. Этот поцелуй был бесконечно сладок, казалось, что они теперь существуют вне времени и пространства и, кроме них и их любви, на свете нет больше ничего.

Они целовались, не отрываясь друг от друга еще и еще, а потом он поднял ее, и закружил по комнате. Глаза его сияли таким счастьем, сам он был так силен, полон страсти и жажды жизни, что она на секунду задумалась о его неумолимой участи. Мгновенное отчаяние прорвалось сквозь завесу сиюминутного наслаждения и блаженной истомы, и она

внезапно горько и безутешно заплакала. Крупные слезы покатались по ее щекам.

Он остановился и крепко прижал ее к себе:

– Что случилось, милая? Ты испугалась? Что с тобой? – Его голос был полон неожиданной тревоги.

Она утерла слезы ладонью и прошептала:

– Я плачу от счастья, любимый. Мои мечты сбываются. Это счастье!

Она снова обняла его и начала целовать. Он опустил ее на кровать, и они стали лихорадочно раздеваться.

Кошечка только притворилась, что заснула. На самом деле тяжкие думы гнали сон прочь. Все желаемое свершилось. Она добилась всего, чего так хотела. Она покорила этого утонченного и упрямого святошу, заставила не только желать ее как женщину, но и любить в ней саму ее человеческую сущность. Казалось бы, чего еще надо? Но нет, теперь он уже не был для нее презренным святошей, преданным мягкотелым рабом, не смеющим даже возмечтать о превосходстве над хозяином. Теперь он для нее был даже нечто большее чем мужчина, сердцем которого она хотела обладать безраздельно. Наконец-таки он был настолько близко к ней, насколько только может быть близок мужчина к женщине. Его теплая сильная рука обнимала ее за талию. Она чувствовала упругость его тела, слышала ровное, спокойное дыхание.

Он был рядом. Они стали как будто одним целым, и не только на краткий миг страстного соития. Во всех остальных случаях ее переставал интересовать мужчина, над которым она одержала полную любовную победу. Но сейчас это был не охотничий азарт и не праздная мимолетная влюбленность.

Сейчас он был рядом. И теперь ей хотелось, чтобы так было не только сегодня, но и всегда. Чтобы он был с ней: днем улыбался, кидая ей румяное яблоко, или комично-серьезно хмурил брови, наблюдая за ее неумелым полетом на флаере, готовый в любой момент перехватить управление, а ночью вот так тихо и ровно дышал, обнимая ее теплой рукой. Но этого не будет! Не будет больше никогда! Она это понимает со всей отчетливостью! Знает наверняка! Это их первая и последняя счастливая ночь. Ведь она знает, что капитан Рич послал рапорт в военную полицию после того, как ему не удалось увезти ее. Сначала она думала, что там посмотрят на этот рапорт сквозь пальцы, но Рич, оказывается, неоднократно настаивал на его рассмотрении и к тому же повторил донос, прибавив сообщение о бунте рабов. Восстание подняли техники. Обучал техников землянин. Значит, логичный вывод: землянин – шпион далекой и враждебной Земли, подсланный для ослабления государства астров. Жандармы прибывают утром. Она случайно слышала об этом, оказавшись у переговорника в момент беседы хозяина планеты с представителем властей. Старый Лео однозначно счи-

тает Эмиля вражеским шпионом, он уже договорился о его выдаче, просто не хочет преждевременно огорчать дочь. От даже не дал распоряжения посадить землянина под замок. Куда он денется? Поутру прибудет полиция, они преспокойно заберут и увезут ничего еще сейчас не знающего о своей незавидной судьбе чужака на Лею-4. Там его ждет застенок и казнь как вражеского агента. Причем казнь последует не сразу, а станет скорее избавлением после длительных и изощренных пыток: они будут добиваться от него признания в шпионаже любыми методами.

Кошечка посмотрела на спящего. Он улыбался во сне. Доброта, ум, воля, созидательная энергия и тихая, неброская, но исключительная сила, и не только физическая: он казался ей сплавом всех этих качеств. А хитрость? Может быть, Старый Лео и сэр Рич правы? Ну, в таком случае он просто гениальный агент!

Кошечка рванулась было вскочить и разбудить его. Землянин спросонья дернул головой и открыл еще ничего не понимающие глаза, но девушка вдруг передумала. Она погладила его по щеке и, поцеловав, успокоительно шепнула:

– Спи, спи, милый.

Он нежно прижал ее к себе и снова закрыл глаза. На его губах играла блаженная улыбка. Он опять заснул.

«Ведь если он шпион, как считают отец и сэр Рич, – думала Кошечка, – если он пытается обмануть меня и ведет двойную игру, даже если он действительно влюбился в меня

(ведь со шпионами это тоже бывает), он просто пока и не подозревает о том, что случится с ним завтра. И если я поведаю ему об этом сейчас, то он непременно разозлится, отчается и тут же предпримет что-нибудь по-настоящему ужасное! Как только он поймет, что его собираются сдать для неминуемой расправы и ему по-любому несдобровать, он может в отместку взять и просто уничтожить жизнь на Джорджии! Ведь он прекрасно знаком с ее «начинкой»: разбирается в гравитаторах, знает о нейтрализаторах... Он вообще, оказывается, знает обо всем, даже о том, о чем она сама и не подозревала до недавних событий (и возможно, что и о том, о чем она и сейчас не представляет)! Он слишком много знает не только для невольника, его знания и умения неожиданно оказались избыточны и для ультраквалифицированного инженера, и даже для целой технической команды большого межзвездного судна регулярного флота... Вывод напрашивается сам собой: он непредсказуемо опасен, он, пожалуй, самый опасный человек на Джорджии...»

Она снова внимательно взгляделась в лицо спящего. Мысль о том, что это, излучающее сейчас счастье, милое, открытое лицо будет искажено гримасой невыносимой муки, что эти мягкие волны волос поседеют под обручем детектора лжи, угнетала и приводила ее в ужас. Она все равно больше никогда его не увидит! Они совсем скоро отнимут его у нее и уничтожат, замучают, затопчут... Нет, она не может допустить этого! Пусть она не в силах сохранить ему жизнь, но у

нее еще осталась возможность выбрать для него смерть. Так пусть же чужак ничего не узнает. Шпион он или нет, это, в конце концов, не так уж важно. Все будет мгновенно и безболезненно.

Она окончательно решилась. Пора было действовать, дальше тянуть было нельзя – уже совсем скоро забрезжит рассвет. Медленно и осторожно освободившись от обнимающей ее руки, она тихо встала и оделась. Рядом со своей блузкой она нащупала куртку землянина и погладила ее по карманам: они были пусты, кроме нескольких пищевых таблеток, в них ничего не было.

– Ах, Святошенька... – еле слышно вздохнула она. – Кто же теперь будет называть меня по имени?

Она расправила его куртку на кресле, потом надела туфли и, выскользнув из спальни, на цыпочках миновала коридор и добралась до гостиной.

В комнате было темно, но она прекрасно помнила расположение предметов и, нащупав край стола, мелкими осторожными шажками двинулась дальше, вытянув вперед руки. Вот и стена с ковром. Ковер мягкий, с длинным ворсом – с ним ничего не случилось во время недолгого владычества восставших в хозяйском доме. Кошечка нащупала пистолет и осторожно сняла оружие с крючков. Оружие было заряжено и в полной боевой готовности (она знала об этом наверняка – сама же возвращала его сюда по приезду).

Она, уже вооруженная, отправилась обратно и без помех

вернулась в спальню.

Было по-прежнему тихо. Эмиль спал, свободно раскинувшись. Голова его съехала с подушки, на лицо падали рассеянные блики уже начинавших бледнеть звезд.

«В голову, одним выстрелом. Он не почувствует, он ничего не почувствует», – промелькнуло у нее в мозгу.

Она подняла пистолет. Неровный свет из открытого окна колебался вместе с занавеской. Дверь осталась приоткрытой, именно поэтому штору раздувало сквозняком.

«Потом нужно сразу уйти и не смотреть...»

Кошечку лихорадило от осознания того, что она собирается сейчас сделать. Пальцы как будто примерзли к стали и не слушались, руки заметно дрожали, но она все же кое-как совлела с ними и прицелилась.

– Прости меня, любимый, если вообще можно простить такое... – Эти слова она произнесла беззвучно, одними губами.

Вдруг завывла сирена – это было оповещение о заходе на посадку катера военной полиции. Кошечка вздрогнула и нажала на курок. Щелкнула осечка. Землянин открыл глаза и приподнял голову. Кошечка в панике стиснула пистолет. Грохнул выстрел.

Она мельком увидела, как кажущаяся черной кровавая капля упала на подушку, и тут же зажмурилась. Пистолет выпал из мгновенно ослабевших рук, и она опрометью кинулась прочь.

Больно стукнувшись плечом о дверной косяк и мимоходом толкнув дверь так, что та чуть не слетела с петель, Кошечка пронеслась к выходу, на берегу разрывая ворот блузки. Ее душили рыдания и рвущийся сквозь сжатые зубы крик отчаяния. Сердцу было так больно, как будто кто-то резал его ножом изнутри.

Кошечка лежала на дорожке у клумбы. Петунья склонила нежно благоухающие граммофончики прямо к ее лицу. Яблоня задумчиво роняла лепестки, и они падали и путались в ее растрепанных волосах. Никаких мыслей не было, была только душевная боль, которая затмевала все вокруг, и даже теплый снег цветков казался ей серым пеплом. Слезы высохли, рыдания застряли где-то в горле, и только боль не уходила: в глубине сердца как будто засел острый кусок льда.

О, как ей хотелось посмотреть на окно спальни! Ведь он был там, он спал, он спал теперь с такой безмятежностью, какая просто невозможна при жизни. Он заснул навечно и никогда уже не проснется...

Нельзя! Нельзя смотреть в сторону окна! Вот так... Кошечка уцепилась за свои же собственные волосы и прижала непослушную голову к плитке дорожки. Нужно лежать и успокоиться, лежать и не двигаться, замереть и не дергаться... Нужно просто лежать и ждать, когда кусок льда в сердце растает и перестанет колоть. Но он не тает, как будто превратился в острый осколок ледяного стекла... Дыхание за-

мирает от боли...

Казалось, она потеряла чувство времени и реальности. Она уже не видела и не хотела видеть ничего, но из этого полубессознательного состояния ее вывел Старый Лео. Он самым бесцеремонным образом схватил ее в охапку и яростно затряс, повторяя:

– Дочка, очнись, очнись!

Кошечка открыла глаза и посмотрела на отца.

– Слава Богу! А я испугался, что он убил тебя! – Лео облегченно вздохнул, выпуская ее из объятий. – Ты жива, и это главное.

– Кому вообще я теперь нужна? – Кошечка села и закрыла лицо руками. – Кому бы пришло в голову покушаться на меня?

– Как я за тебя испугался! – Лео грузно опустился рядом с ней. – Думал, этот чертов земляшка расправился с тобой! Прознал ублюдок, что я его собираюсь официальным властям выдать, и решил действовать... Ах я – дурень, дурень! Надо было еще вчера его в кандалы да в каталажку под стражу... А я-то расслабился, решил – пусть напоследок поработает, он ведь смирный, пока ничего не знает... А он вот, оказывается, как – задумал лишить жизни мою единственную дочь!

– Нет! – Кошечку вдруг прорвали рыдания. – Все наоборот! Это я лишила его жизни! Я убила его!

– Что ты говоришь? Опомнись! – Лео опять сгреб Кошеч-

ку и прижал к своей груди. – Он напугал тебя? Ударил? Бедная ты моя!

– Нет! Никто не трогал меня! – Кошечка выкрикивала слова между приступами рыданий. – Я застрелила бедного Эмиля! Я отняла жизнь у любимого! Как теперь мне жить? Как? Я сама... вот этими руками... И теперь он мертв... его тело лежит в моей спальне...

– Боже мой! Бедная девочка! Она не в себе! Какое тело? Кто такой Эмиль?

– Землянин! Святоша! Боже мой, я никогда не прощу себе этого! – Кошечка продолжала рыдать. – Я ж говорю... он в моей спальне... я застрелила его... Что же теперь делать, как жить? Папочка, ведь я убила свою любовь... мое сердце умерло вместе с ним...

Старый Лео успокаивающе гладил ее по волосам:

– Не плачь, милая, подумаешь, какой-то земляшка... Он не стоит ни одной твоей слезинки, этот мерзавец. В спальне никого нет. Правда, никого. А я так перепугался, когда услышал выстрел. Сразу бросился к тебе, но в твоей комнате никого не было. Только пистолет валялся на полу. Я чуть с ума не сошел, когда увидел тебя лежащей здесь без движения. Я подумал было, что ты... что тебя... Значит ты пыталась застрелить этого негодяя? Скажи, почему ты в него стреляла? Неужели он осмелился угрожать тебе? Он напал на тебя?

– Нет, нет! Просто я знала, что его заберут жандармы... Выхода не было... я не могла допустить, чтобы его мучили...

Он ведь мне дороже всех на свете... любимый мой Святошенька... наивная душа... моя жизнь...

– Опять этот бред! Бедная моя, ты не в себе! – Старый Лео помог Кошечке подняться и повел в дом.

Они дошли до спальни.

– Нет! Я не хочу видеть его мертвого! Я не могу видеть его кровь! Ведь он сам никого не желал убивать, всегда искал только мирных путей... – Кошечка попыталась вырваться, но Лео крепко держал ее за руку.

– Там никого нет! Это правда! Там валяется только пистолет. Никаких трупов я там не нашел, никакого земляшки тоже. Мы ищем его, но пока не можем найти... – С этими словами Лео открыл дверь в спальню.

Кошечка зажмурилась, не желая видеть наяву ту картину, которая поминутно представлялась ей сейчас: одеяло откинута, голова чужака на краю подушки, лужа крови... открытые остекленевшие глаза, на лице застыло удивление...

Почти минуту Кошечка стояла зажмурившись, но потом все-таки мельком окинула взглядом комнату и не увидела того, что ожидала.

Все осталось как прежде: открытое окно и занавеска. Давно остывший ужин стоял на тумбочке рядом с постелью, которая была пуста.

Кошечка в изнеможении опустилась на кровать и сжала подушку обеими руками. Смятая наволочка оказалась запачканной в еще невысохшей крови.

Здесь кровь! – встревоженным голосом проговорил Старый Лео.

– Это кровь Эмиля, – механически ответила Кошечка.

– Почему на твоей подушке? Ты была с ним добровольно или...? – Взгляд Лео гневно потемнел.

– Конечно, я сама этого захотела. Я ведь влюбилась в него. Серьезно. Я, может быть, только сейчас поняла, как сильно я его люблю...

– Господи! Дочка! Как это неосмотрительно с твоей стороны! Я-то всегда думал, что ты умнее! Влюбиться в какого-то проходимца! В подстрекателя бунтовщиков и вражеского шпиона! – Старый Лео удрученно покачал головой.

За окном метались тени. Слышались ругательства и короткие приказания. Стража вместе с прибывшими полицейскими обшаривали все постройки и укромные уголки усадьбы.

– Он не шпион! Он добрый и нежный! И я все равно никогда не поверю, что он замышлял против нас что-нибудь дурное! – Кошечка сжала кулаки.

– Но ведь ты сама пыталась убить его..., и, судя по всему, даже не совсем промахнулась...

– Да. Я хотела... Я знала, что... Когда я услышала разговор о прибытии военной полиции, поняла – его все равно ждет скорая смерть. Я хотела, чтобы он умер без мучений, я хотела, чтобы его жизнь оборвалась внезапно и он не испытал перед неминуемой казнью боли и страданий...

– Ты предупредила его о том, что за ним прилетают жандармы?

– Нет. Сначала я хотела все рассказать, а потом подумала, что это ничего уже не изменит. Тогда я и решилась.

– Но он-то все-таки сбежал и как сквозь землю провалился! Не иначе как или сам подслушал, или узнал от кого-то другого. Куда он мог деться? Куда? Ты наверняка догадываешься! А может быть, ты прячешь его?

– Хозяин! – донеслось с улицы. – Его нигде нет! Уже все обшарили по три раза: и дом и двор.

– А флаер проверили? – Старый Лео выглянул в окно. – Проверьте!

– Так гараж закрыт. Вы сами вчера его закрывали, и, кроме вас, никто теперь не знает код.

– Верно. Но все равно нужно на всякий случай проверить. Сейчас открою гараж сам. – Лео махнул рукой и шагнул к двери. – Твой земляшка не уйдет по пескам далеко. Стоит только проверить с высоты местность, и мы его обнаружим. У него в распоряжении было слишком мало времени, чтобы спрятаться вне усадьбы: ни до рудника, ни до деревни ему так быстро не добраться, даже если он будет всю дорогу бежать сломя голову. Деваться ему некуда, и мы все равно схватим его.

Он вышел из комнаты, хлопнув дверью, и через несколько минут со двора поднялись сразу два флаера – полицейский и из гаража.

Кошечка вышла на крыльцо.

«Они нагонят его, – тоскливо думала она. – Он даже не взял флаер! Несчастный, он, наверное, совсем потерял разум от страха! Боже мой! – Вдруг неожиданная мысль как молния сверкнула в мозгу: – И как я могла упустить это из виду! Он ведь не идиот, чтобы бежать незнамо куда по пескам! Ему даже не понадобился флаер, хотя при необходимости он смог бы его увести. Ведь он знает потайной ход в подземелье. Подземелье! Он знает его начинку как пять пальцев! Он может всех нас тут просто взорвать! – Кошечка побледнела и сжала голову руками, но секунда испуга сразу же сменилась надеждой: – Нет! Я ведь хорошо его знаю. Он никогда никому не желал зла, всегда созидал и никогда не разрушал. Он никогда не отвечал на грубость грубостью и даже не считал нужным элементарно позлословить и поябедничать на обидчиков... и просто был выше таких мелочей, как месть и личная корысть, потому и казался всем таким наивным и ласковым дурачком... Нет, он вряд ли способен на такой бессмысленно жестокий ко всему населению планеты поступок. К тому же он вряд ли захочет покончить с собой подобным образом. Нет! Он попытается спастись... А ведь, помнится, я ему рассказала, что один из туннелей ведет к шахте космического корабля. Правда, им давно не пользовались, так как он сильно затоплен. Да, там полно воды, кое-где можно двигаться только вплавь, а то и вообще под водой, но...»

Теперь Кошечка была почти уверена, что он ушел имен-

но по подземелью. Корабль не охраняется, во всяком случае, изнутри шахты. Если он сможет добраться до звездолета, а он сможет, может быть, уже совсем почти добрался, (ведь он – парень расторопный, бесстрашный, очень сильный и умный), то ему останется лишь войти в «Счастливую звезду». Стоит только разгадать код люка и звездолет примет его на борт. Как это она сразу не догадалась? Ведь его цель сейчас – овладеть кораблем. Наверняка он уже близко к звездолету, может быть, входит в него. Единоличное управление межзвездным судном для него не составляет ровно никакой проблемы – он же навигатор, штурман, пилот и техник одновременно...

Кошечка сделала шаг к двери.

«Нужно срочно предупредить отца! Они его задержат, пока он еще не на «Счастливой звезде», – было первой его мыслью, но она тут же отмахнулась от нее. – Нет. Я не выдам его. Если он сам нашел выход, то я хотя бы не должна мешать ему, если уже не в состоянии помочь».

Девушка вернулась, села на подоконник и замерла, глядя в сторону космодрома. Было пусто и тихо. Только верхушки холмов, золотистых под восходящим солнцем, виднелись из-за стены ограды. Время тянулось медленно, с какой-то почти осязаемой натугой.

Вдруг за холмами вспыхнуло зарево, и через секунду Кошечка узрела силуэт взлетающего корабля. «Счастливая звезда» покинула свою уютную шахту и исчезла в синеве

неба.

Старый Лео уже все понял, и ему не надо было что-либо объяснять. Что-то предпринимать было уже поздно. Отец был чернее тучи. Полицейские, узнав о случившемся, тут же отправились на площадку к своему катеру.

– Они не взлетят, пока «Звезда» не покинет орбиты Джорджии. Ее присутствие блокирует их, они побоятся сунуться под атомные пушки, – сетовал Лео. – Кошка, мы потеряли корабль! Черт побери этого ублюдка! Ведь я как знал, когда говорил, что от твоего земляшки нужно было избавиться в самом начале! И откуда он узнал о потайном ходе?

– Узнал, когда спасал мне жизнь! – Кошечку мучила двойственность. – Сейчас я припоминаю, что сама сказала ему про него, когда мы скрывались от восставших. – И ты знала, что ему все известно, и не предупредила меня! – Отец взялся за голову. – Господи, дочка, почему?

Кошечка сверкнула глазами:

– Я желаю, чтобы он остался жив. Любой ценой. Пусть даже он улетит на нашем звездолете! Как жаль, что я поняла это слишком поздно... Я хотела убить его, спящего в доверчивом неведении, из жалости, но не подумала, что есть другой выход. Из-за своего эгоизма я и на минуту не могла представить себе, что он обретет свободу и перехватит инициативу, сразу став независимее и намного сильнее меня. Я боялась его свободы, ведь гораздо легче и привычнее прика-

зять, чем предоставить вольный выбор. Для меня было проще каждый раз показывать свое превосходство и власть над ним, чем один раз, хотя бы единственный раз сказать: «Ты можешь поступать как хочешь, Эмиль, ведь ты свободен... но, может быть, и я тебе пригожусь, может быть...» Об одном я сейчас жалею: о том, что меня нет сейчас рядом с ним. Я бы могла улететь вместе с ним, если бы меньше думала о своих глупых «хозяйских» амбициях. Почему я сейчас не с ним? Почему? Почему я была так слепа и глуха? – Кошечка заерзала, кусая ногти.

– Ты действительно слепа и глуха! – Лео вскочил и нервно зашагал по комнате. – Какой черт? Скажи, какой черт заставил тебя, такую умную и рассудительную девицу, потерять голову из-за какого-то полоумного мерзавца? Ведь у меня было столько отличных парней, о которых другие девчонки только мечтают! Кто только не клеился к тебе! Нет, ты бросилась в объятия к ничтожнейшему рабу, проходимцу и заговорщику! Ты даже отказалась от реального бракосочетания с благородным капитаном Ричардсоном! А ведь он не просто волочился за тобой, он любил тебя всем сердцем и всерьез собирался сделать тебя счастливой! Он был готов бросить к твоим ногам всю Вселенную! Такая любовь и преданность так редко сейчас встречаются! Сейчас женщины нужны только для развлечения, и никто не заботится о будущем. А какие вещи он тебе дарил! Я твоей матери таких не дарил! Кошечка, ведь твой земляшка – шпион! Он заслан к

нам специально, и ты просто одна из его ступенек! Как же ты не понимаешь!

– Я все понимаю! – Кошечка истерично засмеялась. – Я все понимаю, дорогой папочка, я все осознаю! Не будь я такой заносчивой гордячкой, я бы могла сейчас покинуть Джорджию вместе с возлюбленным! Почему я сама не предложила ему улететь? Почему я не с ним?

– Дура! Совсем рехнулась! – Отец покрутил пальцем у виска. – Почему я не с ним, почему я не с ним! Да, слава Богу, что ты не с ним! У него нет и полшанса на спасение! Энергии ему не хватит и на половину пути, приютить или дать недостающее горючее никто не решится, ведь корабль тут же объявят вне закона. Да и лететь, пока хватит энергии, он наверняка не сможет: еще здесь его расстреляют патрульные крейсера – им будет легко попасть, пока он будет ползти на планетарной из системы...

Кошечка перестала смеяться и теперь сидела заломив руки. Только минуту назад ей казалось, что Эмиль вне опасности. Ну, хотя бы не вне опасности, а только сильно рискует, но может и проскочить. Слова отца вмиг разрушили ее надежды, и теперь вместо радости облегчения, смешанной с болью разлуки, осталась только щемящая и безысходная боль разлуки.

Опять завывла сирена. В спальню без стука ввалился стражник.

– Вызывают по стерео, – доложил он.

– Кто? Жандармы? – Старый Лео поморщился. – Что им еще нужно?

– Нет. Это «Счастливая звезда».

– «Счастливая звезда»? – Глаза Лео расширились от удивления. – А, впрочем, негодяй уже, наверное, понял, что его поступок не принесет ему ничего, кроме гибели. Я думаю, что он хочет договориться. Ведь у него в руках наш космический корабль. Ну что ж, поговорим.

И Старый Лео вышел из Кошечкиной спальни. Кошечка поспешила за ним.

– Этот наглец желает разговаривать только с тобой, дочка, – в некотором смущении сказал Лео, выйдя из переговорной. – Понимаю, тебе сейчас будет тяжело говорить с ним. Но, может быть, тебе удастся вернуть нашу «Счастливую Звезду». Пообещай, что мы не выдадим его властям, а там посмотрим... Нажимай на то, что у него нет и полшанса долететь домой. Его догонят патрульные крейсера и расстреляют еще в пределах границ Федерации. Но даже если случится чудо и он улизнет от них, то ему все равно не дотянуть до своих – ресурсов не хватит и на полдороги.

Кошечка задержалась на минуту у двери переговорной. В ее душе творилось что-то невообразимое. Все ее чувства были в смятении. Что она ему скажет? Он, наверное, в отчаянии и растерянности. А может быть, все наоборот? Может быть, он издевательски ухмыльнется, взглянув на нее? Нет, в

то, что он хладнокровно использовал ее, она не верит, почти не верит... хотя... В этом сумасшедшем мире может быть все что угодно! Почему он захотел разговаривать с ней? Почему именно с ней, и только с ней? Наверное, он прекрасно осознает свое безвыходное положение. Может быть, он надеется, что она опять спасет ему жизнь. Но ведь она была первой, кто задумал отнять ее у него в это злополучное утро. Может быть, он хочет поторговаться? Ведь космический корабль – это целое состояние, и его гибель из-за какого-то взбунтовавшегося раба не в интересах хозяина. Но тогда он бы вернее договорился со Старым Лео. Или он не надеется на его честность?

Кошечка распахнула дверь и сделала шаг внутрь переговорной. Перед ней было знакомое стереоизображение рубки «Счастливой Звезды». Перед терминалом в капитанском кресле располагался Эмиль. Он сидел неподвижно, выпрямившись и положив руки на подлокотники. Он был по-прежнему в синей одежде техника, и его костюм был привычно безупречен и застегнут на все застёжки. Опрятный и подтянутый вид землянина говорил о том, что он отнюдь не чувствует себя не в своей тарелке и не потерял самообладания.

Кошечка переступила с ноги на ногу, не зная, с чего начать, но Эмиль избавил ее от этой проблемы, начав разговор сам. Он поднял на нее взор и, грустно улыбнувшись, сказал:

– Спасибо.

– За что? – Кошечка недоуменно уставилась на него.

– За то, что вы захотели со мной разговаривать.

Его лицо было очень бледным. Чуть выше уха белела повязка – биопластырь, полускрытая волосами. В глазах же, впрочем, как и во всем облике, совершенно не чувствовалось ни растерянности, ни отчаяния. Он, судя по всему, вообще не собирался покорствовать, уповая на пощаду, или униженно торговаться, моля о снисхождении.

«Он считает ниже своего достоинства показать, что ему страшно, или еще не осознал, что у него нет ни одного шанса на спасение», – мысленно отметила она и с напускным равнодушием спросила:

– Зачем ты позвал меня? Ты хочешь о чем-то меня попросить?

– Нет. Я просто хочу извиниться за то, что мне приходится столь некорректно покидать вашу планету, и попрощаться... Очень хотелось еще раз увидеть вас.

– Только за этим? – У Кошечки сжалось сердце. – Неужели ты не понимаешь, что твои шансы на спасение таким образом равны нулю. Тебя расстреляют патрульные крейсера или на корабле кончится энергия, и ты медленно умрешь в абсолютном одиночестве бесконечного ледяного космоса.

– Я прекрасно понимаю, что ресурсов на данном корабле недостаточно для желаемого перелета, однако устав капитанов-исследователей моей Родины гласит: командир звездного судна не имеет морального права отчаиваться и тем более паниковать даже в критических ситуациях. Да и вообще,

пока человек жив, жива и надежда на лучшее, а обретенная мною свобода – это еще и возможность вернуться домой. Я не отступлюсь от задуманного.

В этих его словах прозвучала такая сила и решимость, что душа Кошечки затрепетала.

– Это только иллюзия возможности. Если улетишь, – ты обречен. Но если спустишь корабль с орбиты невредимым и сдашься в руки моего отца, то он обещал тебя пощадить. Неужели ты настолько полон решимости покончить счеты с жизнью, что не прислушаешься к моему совету? – Кошечка пыталась говорить как можно убедительнее, но голос ее сорвался.

– Вы сами не верите в свои слова.

Ей показалось, что Эмиль смотрит на нее испытующе.

– Но я... я сделаю все возможное. Я буду добиваться, чтобы тебя не забрали жандармы. Неужели ты не веришь мне? – пролепетала Кошечка.

– Конечно же верю. – Эмиль на полминуты закрыл глаза, коснувшись раненной головы кончиками пальцев.

Этот жест показался девушке красноречивее всяких слов.

– Прости... Тебе очень больно? – еле сдерживая захлестывающие чувства, проговорила она.

– Да, – ответил он, и лицо его посуровело. – Мне очень больно от сознания того, что я так жестоко ошибся в вас. Вы были для меня чем-то небесно-чистым, безупречным в своем совершенстве. Мне казалось, что вся ваша жестокость

показная и ненастоящая, что вы на самом деле очень добрый, чуткий и отзывчивый человек. Я полюбил вас. Сначала это была бессознательная симпатия, но потом меня охватила просто безумная страсть. Вы охладили мой пыл, когда приказали избить до полусмерти. Но я не поверил, просто не захотел поверить, что зверь, вырвавшийся тогда, – это ваша истинная суть, а не случайная ошибка затуманенного гневом разума. Вы вылечили меня, и моя безумная любовь вспыхнула снова. Мне казалось, что вы разговариваете со мной более нежно и ласково. Я опять поверил в вашу доброту. Вы так вскружили мне голову, что ради вас я был готов поступиться практически чем угодно, вмешаться в то, во что мне не следовало бы вмешиваться... Если бы вы знали, что я чувствовал, когда вы просто мимолетно прикасались ко мне! Огонь любви вспыхивал с такой силой, что сердце замирало от счастья. Когда вчера вы заговорили со мной о любви, чувства, итак с трудом удерживаемые, наконец вырвались наружу. Мне казалось, что вы отвечаете взаимностью, я был уверен, что мы любим друг друга и что нам так хорошо вместе... Но иллюзии вдруг исчезли с грохотом выстрела.

Эмиль замолчал и снова взялся за голову левой рукой.

– Бедный... – прошептала Кошечка сама себе, его слова резали ей сердце как ножом. – Ты теперь, наверное, полон ненависти ко мне. Я понимаю, как ты разочарован... Я тоже надеялась, что все у нас сложится по-другому... Я ведь тоже полюбила тебя, и полюбила так сильно, как никого прежде.

Наверное, это чувство зародилось еще на «Звездном волке», но ему всегда что-нибудь мешало: сначала страх и презрение, потом надменность и подозрительность. Ведь я была твоей хозяйкой, а ты – ничтожным рабом. Тебе наверняка до сих пор непонятно, какая пропасть разделяла нас с первого мига нашей встречи, ведь ты из другого мира, там, наверное, все проще. Все считают тебя шпионом, и твое поведение как нельзя лучше сходит за доказательство. Теперь я уверена, что ты не шпион, хотя... Прости меня! Прости за все! Я стреляла в тебя, потому что не видела больше никакого выхода. Мне легче было убить себя, чем тебя, но я знала наверняка, что тебя заберет полиция и... Мне снилось, как тебя пытаются. У вас на Земле люди, наверное, забыли, что это такое, и я не желала, чтобы тебе пришлось испытать подобное перед неизбежной казнью... Но ты все равно не поймешь, ведь я и сама себя сейчас не совсем понимаю. Ты не простишь меня! – Кошечка в отчаянии закрыла лицо руками. По щекам ее покатались крупные слезы.

– Пожалуйста, не плачь, не надо!

Кошечка отняла руки от лица и посмотрела на Эмиля. Его глаза тоже были полны слез, и он совсем не стеснялся их. Они с минуту смотрели друг на друга, потом девушка кое-как переборола рвущиеся рыдания и проговорила:

– Эмиль, миленький! Может быть, будет лучше, если ты сдашься? Ведь есть еще надежда! Я постараюсь защитить тебя, постараюсь убедить отца... Только тебе нужно будет сра-

зу признаться полиции, что ты подослан Землей, и сказать, что ты осознал свою вину, раскаиваешься и готов служить Федерации. Тогда можно надеяться на снисхождение. Я уверена, еще не все потеряно!

– Нет. – Голос Эмиля вдруг стал каменно-твердым. – Раскаиваться мне не в чем, ведь я не в чем перед вашим государством не виновен. Плохо говорить о своей Родине я тоже не намерен.

– Но ради своего спасения! Ради нашей любви! Ну, что тебе стоит?

– Пойми, я просто не имею морального права это делать. Я здесь единственный представитель Земли и даже всего Содружества, и по мне будут судить обо всем моем мире.

– Ты перестал мне доверять... презираешь меня за это предложение? – Кошечка кинулась к изображению, протянув руки, но наткнулась только на холодную стену.

– Вовсе нет. – Эмиль вздохнул и вдруг ласково улыбнулся ей. – Как я могу осуждать тебя или даже кого-нибудь другого здесь? Ведь ваша жизнь протекает по совершенно иным законам и порядкам. На такой случай у земных исследователей существует так называемый «закон невмешательства». И каждый из нас, попавший на чужую территорию будь то случайно или намеренно, обязан неукоснительно соблюдать его и стараться оставаться беспристрастным настолько, насколько это возможно. Я итак был слишком пристрастен.

– Был? Ты хочешь сказать, что более не хочешь иметь с

нами дел? Не желаешь больше со мной знаться? Беспристрастен – значит равнодушен. Равнодушен ко всему, что случилось с нами? – Кошечка опустила на пол, безнадежно склонив голову на грудь.

– Нет. Я не равнодушен. Теперь, перед долгой, может быть, вечной разлукой, между нами больше не должно быть преград недосказанности и предрассудков, ведь мы узнали чаяния друг друга, понимаем со всей отчетливостью, что именно нас связывает. Теперь я могу признаться, что все же, несмотря ни на что, мне тяжело покидать Джорджию. Мне больно расставаться с тобой, Лилия.

Кошечка подняла голову, и они опять встретились взглядами.

– Неужто это правда? – только и смогла проговорить она. – Ты прощаешь меня? Ты забыл зло, причиненное тебе?

– Я постараюсь не помнить дурного.

– И меня забудешь тоже?

– Никогда. Я буду любить тебя, пока жив. И буду стремиться к тебе всеми силами и душой. Не могу сейчас ничего обещать, но если мне повезет, и мы опять встретимся, то я снова буду целовать твои ладони, желанная моя...

– Как бы я хотела верить в то, что мы еще когда-нибудь встретимся. – Кошечка улыбнулась ему сквозь слезы. – Я буду молиться, чтобы тебе повезло. Что бы ни думали и ни говорили про тебя, я буду надеяться... А теперь улетай скорее, пока полицейские не призвали сюда военные крейсера...

– Черт побери, дочка! Что ты говоришь?! – В переговорную влетел Старый Лео. Он был в страшной ярости. – Как тебе не стыдно! Мы с тобой договаривались совсем не об этом!

– Прощай, милая Лилия, – сказал, не обращая на него внимания, землянин. – Я грежу только о тебе. Твоя любовь сделала меня счастливейшим мужчиной на свете...

– Подожди! – вдруг крикнула Кошечка. – Там в архиве под кодом с семью восьмерками все опознавательные...

Старый Лео схватил Кошечку и зажал ей рот:

– Замолчи сейчас же! Зачем? Ведь именно этого он от тебя и добивался своими признаниями!

Кошечка извивалась, пытаясь вырваться из рук отца. Но Лео крепко ее держал, пытаясь одновременно дотянуться до выключателя стереосвязи.

– Спасибо. – Тон Эмиля был благодарным – Я искренне надеюсь, что мы еще увидим друг друга, и не только во сне.

Наконец Старый Лео дотянулся до кнопки выключателя и стереоизображение погасло. Кошечка вырвалась из цепких объятий отца и, вылетев из переговорной, пронеслась в свою комнату. Там она заперлась и, упав на постель, дала полную волю эмоциям, громко разрыдавшись и не обращая внимание на стук и увещевания отца за дверью. Она знала, что полицейский катер взлетит тут же, как только «Счастливая звезда» уйдет с орбиты и тут же передаст сигнал тревоги. Правда, у Эмиля пока что было время скрыться, но мало,

просто чудовищно мало! Кроме того, на «Счастливой звезде» есть атомные пушки, но вступать в бой с подавляюще превосходящими силами противника на отлично вооруженных пограничных крейсерах было бы просто идиотизмом. Конечно, можно было петлять, прячась «в тени» и «убирая» мешающие корабли из засады. Но и тут тоже было так же мало шансов, как у кролика в клетке с волками, тем более что землянин вряд ли сделает хоть один выстрел. Он ведь, по его же словам, никогда не имел дела с атомными орудиями. Да, если бы и разобрался в управлении ими, то все равно не стал бы стрелять по людям, по кораблям с людьми. Он ведь никак не может осознать, что врагов надо убивать, иначе они сами не замедлят убить тебя! Для него жизнь любого индивида, пусть даже отъявленного мерзавца, -неприкосновенная и абсолютная ценность, не подлежащая уничтожению, но вряд ли его преследователи придерживаются тех же гуманных идей. Ах, если бы он не был так наивен! Ведь его быстроте и специальным навыкам можно было только позавидовать! Помнится, «Звездный волк» для него был что аттракционный симулятор, с готовностью подчинявшийся любому мановению его пальцев. Недаром сэр Рич так внутренне бесился, глядя, как землянин играючи навигаторствует, безраздельно и единолично владея тем, чем Рич мог управлять только с чьей-то помощью. И в компьютерных играх землянин никогда не проигрывал, даже в «Звездных войнах», где Кошечка сразу же срезалась на начальном уровне, он легко и

неизменно доходил до «призовой». Вот только смысла таких игр он решительно не желал воспринимать и все время удивлялся, зачем программистам понадобилось выставлять как препятствия космические корабли с явно психически нездоровым экипажем, палящим по всем почем зря. «Глупо, жестоко и вообще не по-человечески!» – заявлял он по окончании игры, и Кошечке не удавалось его переубедить. А ведь он с таким же успехом мог бы сейчас «играть» с настоящими, а не виртуальными противниками. Конечно, это было бы несколько труднее, но мог бы! А может быть, уже начал? Может быть, он уже вступил в схватку, забыв о своих гуманных принципах? Но не ей было его осуждать за это. Даже если он и вел бой, то перевес в нем был явно не в его пользу.

С тех пор как случился инцидент на С-28, Совет Земли призвал необходимым усиленное патрулирование автоматов на всем протяжении границы «черного квадрата», со стороны которого явился агрессивный и глухой чужак. Но вот уже почти два года прошло с тех пор, и ни одного сколько-нибудь примечательного объекта не появлялось в этих пустынных местах.

...Неизвестный корабль был обнаружен автоматами у границ сразу же, как только «вынырнул» из «переходной» затемненной зоны. Когда к нему приблизились, то не сразу поняли, что это звездолет. Однако, когда объект был классифицирован, сомнений не осталось – это был космический

корабль, не поддающийся опознанию: неизвестной модели, нигде не зафиксированный и вообще не числящийся в каталогах Содружества, в том числе среди погибших и пропавших без вести в обозримом прошлом. Датчики сообщили, что двигатели холодны и, вероятнее всего, неизвестный звездолет необитаем. Дальнейшее исследование не решились доверить автоматам. Спасательная команда вылетела на кораблях «Упрямец» и «Сакура», возглавляемых капитанами-исследователями Эдвином Юрасом и Девисом Мияшей.

Неопознанный корабль оказался загерметизированным, ближние исследования также показали, что в нем сохранена среда, пригодная для человека. На этот раз исследователи были предельно осторожны и, включив «щиты», передали опознавательный сигнал и запрос цели присутствия, хотя почти никто не верил, что на корабле есть кто-то живой. «Пришелец» молчал, но земляне не торопились и упрямо передавали сигналы снова и снова. «Противостояние» продолжалось довольно долго, и капитаны совсем было приготовились отдать приказы о высадке, но тут гробовое молчание вдруг потревожило еле заметное колебание эфира. Земляне бросились к своим приемникам, пытаясь настроить проявившееся изображение. Оно было очень слабым, почти плоскостным и туманным, однако достаточным, чтобы убедиться, что это не помехи. Люди удивленно переглядывались, многие узнавали человека на стереопроэкции, но не верили своим глазам. Всем казалось, что видение сейчас растворится, исчез-

нет как мираж в пустыне.

Первым «очнулся» капитан «Упрямца».

– Капитан Эмилио Алекси? Какая неожиданная встреча, – сказал он.

Человек на стереоизображении печально и несколько странно улыбнулся. Лицо его было бледно до совершеннейшей бескровности, под глазами темнели круги:

– Да. Капитан Эмилио Алекси к вашим услугам. А передо мною капитаны Эдвин Юрас и Девис Мияша, отличные исследователи и давние друзья. Если, конечно, это не бред, возникший в мозгу человека, сошедшего с ума.

Тут вступил в разговор Мияша:

– Эмиль! Ты жив! Какое счастье!

– По-моему, еще жив. Во всяком случае, только живой мозг может создавать такие отчетливые фантомы.

– Фантомы? Мы тоже сначала не поверили своим глазам! Такое плохое изображение, что мы было подумали, что это всего лишь какие-нибудь «отголоски Вселенной»! – Мияша прищурился.

– Ничего странного в этом нет. Энергия корабля на нуле. Двигатели звездолета давно остыли. Жилая среда в отсеках поддерживается только за счет световых ловушек, кустарно сооруженных из подручных материалов. Температура здесь сильно понижена, гравитация на данный момент составляет лишь половину нормы. Хорошо, хоть фильтры воздуха в приличном состоянии... Я здесь один, и, по-моему, разум

меня покидает... – Эмиль медленно, как во сне, сложил руки на груди и закрыл глаза. – Последнее время, а именно с того момента, как система внешнего наблюдения полностью «ослепла», меня часто посещают фантомы и миражи. Я понимаю, зачем они приходят. Они – выражение моей веры в лучший исход. Мне нельзя сдаваться, пока есть хотя бы тень надежды...

– Эмилио! Очнись! – Юрас схватился за подлокотники капитанского кресла и почти прокричал: – Это не мираж! Это по-настоящему мы! Я, Эдвин Юрас на «Упрямец», и мой друг – Девис Мияша на «Сакуре». С нами группа спасателей...

– Эдвин, не надо. – Это был голос Мияши. – Похоже, что он использует какую-то свою методику ухода от реальности для временной консервации рассудка. Судя по всему, корабль дрейфует по космосу вслепую уже несколько месяцев.

Юрас промолчал, он уже понял, что поступил необдуманно.

– Эмилио Алекси. Вы слышите меня? – Теперь Мияша обращался к Эмилю, но при этом его тон стал спокойным и ровным. – Ничего не предпринимайте и оставайтесь на месте. Пожалуйста, оставайтесь на месте и ждите. Помощь идет.

– Эмиль, обещай, что будешь ждать. Мы сами сейчас до тебя доберемся. Ты только без резких движений и спокойно! – тихо вторил Мияше Юрас.

Капитан Алекси не отвечал. Он сидел по-прежнему неподвижно, со скрещенными на груди руками.

Связь стала стремительно портиться. Вероятно, последние капли энергии, которыми питалось стерео, иссякали.

...Спасатели высадились одновременно и с «Упрямца», и с «Сакуры». Два друга-капитана вошли в мертвый корабль бок о бок.

Эмиль открыл глаза, слегка приподнял голову и пошевелил руками. Это ему легко удалось. Тогда он огляделся.

Помещение было оформлено в старинном стиле: стены из лакированной сосновой доски, кружева резьбы на потолке. Он лежал на удобной кровати, накрытый по пояс тонкой простыней. Постельное белье пестрело фольклорной вышивкой. В комнате было прохладно и ощущалась приятная свежесть, настоящая на свежей хвое.

Эмиль отбросил простыню и вскочил. Босые ступни ощутили приятную мягкость домотканого половика. На противоположной стороне от кровати было окно, перед окном – стол и пара стульев из солнечной карельской березы. На столе красовались ваза из прозрачного янтаря, а в ней небольшая ветка сосны с маленькими красноватыми шишечками. Еще там была глубокая тарелка из того же солнечного камня, наполненная какими-то иссиня-черными ягодами.

Эмиль сделал несколько шагов и коснулся ветки. Она была колючая и пахла лесом. Она была настоящая. Тогда Эмиль

взял из тарелки одну ягоду и положил в рот. Черника, это была обыкновенная черника, какая растет в сосновом лесу.

Он подошел к окну. Фрамуга, поддаваясь мысленному приказу, распахнулась, и в комнату ворвался соленый ветер и шум прибоя. Дом стоял прямо в поросших сосняком дюнах.

«Я на Земле. И это, по-моему, Рижское взморье, – подумал Эмиль. – И это не мираж. Может быть, я все-таки сплю и мне снится сон?»

Он ущипнул себя. Стало больно, и это вроде бы доказывало, что сон здесь не при чем.

– Я действительно на Земле! Хотя в это трудно поверить. – На душе стало вмиг светло, настороженность сменилась мгновенной радостью возрождения, и он засмеялся, воздевая руки, и закричал: – Но я верю! Верю! Я поверил! Я дома!

Дверь распахнулась, и в нее вбежала девушка-медсестра в белом комби. Она была неподдельно взволнована.

– Что случилось? Вам плохо?

– Нет-нет! – Эмиль продолжал смеяться. – Я, наверное, сейчас странно выгляжу. Прошу прощения за беспокойство! Прошу прощения! Не обращайтесь внимания! Я очень хорошо себя чувствую. Просто отлично!

Он отвернулся к окну, закрыв лицо руками. Медсестра стояла рядом, наблюдая за его поведением, готовая в любой момент броситься на помощь. Наконец приступ безудерж-

ного веселья миновал, Эмиль успокоился и сел на кровать. Медсестра тут же присела напротив на стул, положив руки на колени.

– Вы только не подумайте, что я не в себе. – Эмиль виновато улыбнулся ей. – Просто я безумно рад видеть все это снова. Вы знаете, я уже совсем было потерял надежду, почти совсем отчаялся... Я очень рад снова побывать в этих местах и клянусь, что вас мне тоже необыкновенно приятно видеть. Никогда даже не подозревал, что врачи могут быть так божественно милы!

Девушка заметно смутилась от неожиданного комплимента:

– Может быть, вам что-нибудь нужно? Я сейчас же позову робота, чтобы подавал ужин.

– Не надо ужина и роботов, я не хочу есть. – Эмиль отрицательно покачал головой. – Мне ничего не нужно, хотя, конечно, мне бы не помешала какая-нибудь более приличная одежда. Я просто вижу по вашим глазам, что простыня мне не к лицу.

Медсестра невольно улыбнулась:

– Я все вам сейчас принесу. Только одна минутка. Обещайте, что никуда не уйдете.

– Конечно обещаю. – Эмиль развел руками. – И уходить отсюда куда-либо я вроде бы пока еще не планировал.

Медсестра изящным мотыльком выскользнула из комнаты и почти сразу же вернулась со свертком.

– Я помогу вам одеться, – сказала она, улыбнувшись.

– Но... – хотел было возразить Эмиль.

– Я ведь врач, – с некоторой игривостью продолжила девушка и, «включив» зеркало, развернула одежду. – В этом нет ничего предосудительного или стыдного.

– Ладно, – согласился Эмиль, сейчас ему даже нравилась такая исключительная заботливость.

Он подошел к зеркалу и сбросил простыню, окидывая свое отражение взглядом с головы до ног. В зеркале отразился вполне здоровый, совершенно не истощенный физически парень, только малость бледный. Вот только волосы...

Эмиль дотронулся до прядей – они были как будто покрыты инеем.

– Надо же! А раньше я как-то не замечал, что превращаюсь в блондина, – неподдельно удивился он.

– Скажите, что это за следы у вас на спине? – вдруг спросила медсестра. – И на руках тоже... Я думаю, это шрамы ранений, но они какие-то странные... Не представляю, как могли быть нанесены такие повреждения... – Она чуть дотронулась до его голой спины. – Они не болят?

– Нет. Уже давно не болят. – Эмиль взял рубашку из ее рук и быстро надел. – Понимаете, мне будет очень трудно объяснить вам их появление. И потом, я не уверен, надо ли мне вообще пытаться это делать.

– Вы побывали в незнакомом землянам мире, где живут такие же, как мы, люди, но как будто из далекого прошлого.

Вы были у этих людей в плену. Правда, я не очень понимаю истинного значения этого слова в данном случае. – В тоне девушки смешались жалость и восхищение.

– Это даже хорошо, что вы не понимаете. Это даже прекрасно. – Эмиль продолжал быстро одеваться.

– И на виске – странный шрам. – Медсестра, воспользовавшись тем, что он наклонился, надевая сандалии, как бы невзначай нежно провела ладонью, глядя его по шее и голове.

– Только не надо меня так пронзительно жалеть! Мне стоит поскорее убрать эти следы, а то каждый любопытный заметит их, и...

– Простите меня. Я слишком навязчива. – Девушка даже слегка покраснела и отступила от него на два шага. – Я не хотела вас расстраивать и напоминать о неприятном.

– Ничего, ничего. Такая милая девушка, как вы, просто не может никого расстроить. Даже такого капризника, как я. Вы, феи, появляетесь только ободрять и радовать. – Эмиль снисходительно и в то же время лукаво улыбнулся. – Пойдемте, прогуляемся к морю, пока доктора нет.

– Пойдемте, – с легкостью согласилась медсестра и добавила: – Вы не возражаете, если я буду держать вас за руку?

– Не возражаю.

Они взяли за руки и вышли из комнаты сначала в небольшой коридорчик и на открытую веранду, а потом направились по белой песчаной тропке между дюн навстречу

нарастающему гулу моря.

Они сели прямо на песок под кривой шероховатой сосной. Эмиль смотрел вдаль, туда где небо над морем окрашивалось в оранжевый цвет и солнце, уже наполовину скрывшееся, давало зыбкой глади изумительный желтовато-молочный оттенок. Медсестра сначала никак не решалась отпустить его ладонь, но потом все же убрала руку. Тогда Эмиль сложил обе ладони лодочкой и, зачерпнув полную пригоршню мелкого сухого песка, начал наблюдать, как он утекает между неплотно сжатыми пальцами. Песок вытек, в ладонях осталась небольшая, плоская и круглая вещица.

– Что это? – спросила медсестра. – Какой чудной камушек.

– Это не камушек, а старинная монета. – Эмиль улыбнулся. – Удивительно, как это ее время не истерло.

– Здорово! – восхищенно проговорила медсестра. – А я здесь уже пять лет живу и не находила ничего подобного. А вам сразу повезло...

– Я вообще счастливый. – Эмиль вложил находку в ладонь девушки и лег на спину, глядя в темнеющее небо. – Хотите, я вам расскажу, почему именно здесь можно найти множество старинных монет?

– Это интересно. – Медсестра вертела находку и так и эдак, разглядывая.

– Дело в том, что давным-давно существовало поверье, что, бросая перед отъездом монету в жертву морю, получа-

ешь от высших сил возможность еще раз вернуться в это милое сердцу место. Люди соблюдали этот ритуал столетиями, но время неумолимо: и монет не стало, и обычай канул в Лету.

– Забавно. А люди делали монеты специально, чтобы потом кинуть их в море?

– Нет. Деньги в то время выполняли совсем другую функцию, правда, и она давненько ушла в прошлое.

– А вы, наверное, всерьез увлекаетесь историей древности. – Девушка никак не могла налюбоваться монетой. – То, что вы сейчас мне поведали, вряд ли содержится в общеобразовательном курсе истории.

– Угадали, есть такой грех, – шутливо сознался Эмиль. – Коллекционирую старинные книги, ну, и на досуге их почитываю. Потом, исторический музей для меня вообще дом родной. Ведь мои родители, братья и сестры – все по профессии археологи. А монетку дарю, если она вам так понравилась...

– Добрый вечер, молодые люди. Я вас еле обнаружил, – прервал их беседу вышедший из-за ближайшей дюны человек в развевающемся на ветру плаще. – Вижу, вы тут преотлично устроились. Однако мне придется нарушить эту идиллию.

– Познакомьтесь, – представила незнакомца медсестра, вскочив на ноги. – Это ваш доктор Интас Лаурис.

– Очень приятно. – Эмиль тоже встал и приветливо кив-

нул головой. – Ну, а мое имя вам наверняка известно.

– Разумеется. И для меня большая честь быть лечащим врачом такого достойного и мужественного человека, настоящего героя. Вы не возражаете, если я, обращаясь к вам, не буду каждый раз упоминать полное звание и ранг?

– Конечно. И вообще, с чего бы это такая неестественная высокопарность? Я вовсе не сноб и, слава Богу, еще не умер. Возраст мой тоже пока достаточно несолидный. Так что называйте меня просто по имени, и дело с концом. – Эмиль протянул руку для рукопожатия.

– Хорошо, Эмиль. – Врач пожал поданную руку. – А вы, вижу, уже практически оправились и физически, и морально. Это просто удивительный исход, мне-то сначала с горечью думалось: не выдержала молодая психика таких длительных сверхперегрузок, эмоционально погас и тронулся умом этот славный парень, придется применять интенсивную терапию и восстанавливать личность. Только вот упорно кажется мне, что у вас проявляется какая-то подозрительная скромность, несвойственная людям вашего возраста и профессии.

– Пусть это вас не беспокоит. Это врожденная аномалия, и потому лечению не подлежит, – пожал плечами Эмиль, улыбнувшись.

Врач сдержанно засмеялся. Медсестра вторила ему хрустальным голоском.

– Конечно же вы искали нас тут не просто так, а с опреде-

ленной целью, предположил Эмиль. – Я не ошибся?

– Не ошиблись, – кивнул врач. – Но шок такой длительности, какой перенесли вы, – очень серьезная штука, и поэтому если вы чувствуете сейчас хотя бы малейшее недомогание, утомление или просто не желаете пока вести со мной длительную беседу, то только скажите, и мы отложим любые серьезные разговоры на столько, на сколько это будет необходимо.

– Нет-нет! Зачем же откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня? Я готов ответить на любые ваши вопросы. Я даже чувствую определенную обязанность сделать это как можно быстрее. К тому же, я думаю, что мне нужно будет подготовить сообщение о том, что я видел там. – Он махнул рукой в неопределенном направлении. – Но просто рассказом тут явно не обойтись. Нужно сканирование: без подтверждения натуральных зрительно-звуковых проекций моей памяти даже самый исчерпывающий словесный доклад не будет до конца понятным и объективным. Да и выразить обыкновенными словами некоторые вещи не получится, все это видеть надо...

– Но сканирование может быть на данном этапе очень вредно. Окончательно пришли в себя вы только сегодня, следы психической травмы могут проявиться в любой момент... Почти полгода одиночества и полной оторванности от мира, да еще в таком безнадежном положении... – тут и тертые поисковики вряд ли выдержали бы (хотя представите-

лей этой профессии я вообще считаю патологически нездоровыми личностями – отшельниками-нелюдимами).

– И несмотря на это, я отлично себя чувствую. Должен вам сказать, все время обратного путешествия я пользовался одной любопытной древней методикой ухода от реальности, которая наверняка даже не снилась ни одному поисковику, и, как видите, она мне отлично помогла сохранить разум. Теперь мой опыт – ваш, я охотно поделюсь с вами апробированной в самых жестких условиях разработкой, – в тон продолжил Эмиль и с лукавой хитринкой добавил: – И я конечно же понимаю, что перед сканированием вы должны обследовать меня со всей тщательностью, на которую только способен отличнейший, предусмотрительнейший врач, который прекрасно осознает, что несет моральную ответственность за своего ретивого пациента.

Доктор улыбнулся:

– Вы – хитрец. И, к моему искреннему удивлению, помо-ему, вы действительно уже совсем оправились даже от остаточных следов шока. Не обольщайтесь, это пока только мое предположение.

– И думаю, достаточно обоснованное. – Эмиль тоже улыбнулся, спокойно выдержав испытующий взгляд врача. – Надеюсь, скоро оно превратится в уверенность.

– Так, – врач прищурился и кивнул медсестре, которая стояла рядом и молча слушала разговор, – вы свободны, Селена. А мы тут еще немного погуляем с молодым человеком

по берегу.

Селена кивнула и, украдкой благосклонно улыбнувшись Эмилю, удалилась по дорожке к живописно раскинувшемуся среди дюн основному корпусу. Доктор проводил ее взглядом.

Солнце уже почти зашло. Остались только малюсенький лучик и красная полоса на глади моря.

– А вы, милейший юноша, опасный льстец, – сказал, наконец, врач, но тон его был мягким и даже шутливым. – Только не обижайтесь на старого бывалого доктора. На своем веку я повидал множество разных космолетчиков, и их поведение всегда было сродни вашему: лесть и многообещающие посулы врачу и красивый флирт с медсестрами. И я знаю по многолетнему опыту: это неизменный признак выздоровления.

Эмиль пожал плечами:

– Ей-богу, доктор, вы меня раскусили. Обещаю, что в дальнейшем я предприму более тонкие маневры.

– Не старайтесь, стреляного воробья на мякине не проведешь, – с шутливой важностью сказал доктор.

– Вот это да! – удивился Эмиль. – Какое интересное и, судя по всему, очень старинное образное выражение! Откуда такое чудо?

– Увлекаюсь лингвистикой времен разноязычия: знаю несколько старинных языков, коллекционирую и изучаю различные записи того времени, в основном видео- и аудиосигналы. Очень, знаете ли, равнодушен к истории.

– Тогда я ваш единомышленник и полностью с вами солидарен в любви к древностям. И это не лесть и не желание вам угодить. Я говорю вполне искренне. Правда, я не занимаюсь вплотную именно старинной лингвистикой. Но ведь она важная составная часть наследия древних писателей. А уж прелесть смысловой гармонии поэзии тех отдаленных времен вообще невозможно почувствовать, не зная языка оригинала.

– Никогда не думал, что досуговые занятия капитанов-исследователей бывают так далеки от их основного дела. – Доктор оценивающе посмотрел на Эмиля. – И вы ведь не шутите и тем более не лжете, а если в чем-о и обманываете, то делаете это весьма искусно... Надеюсь, мы станем друзьями, несмотря на солидную разницу в возрасте, хотя бы на время вашего здесь пребывания.

– Иногда и не предполагаешь, где найдешь единомышленника, – сказал Эмиль, и они крепко пожали друг другу руки и зашагали бок о бок меж сосен, непринужденно беседуя.

Незаметно совсем стемнело. Взошла луна. Наконец доктор сказал:

– По-моему, нам пора вернуться.

– Да, уже ночь, – согласился Эмиль.

Они направились обратно к строениям. На самом пороге Эмиль оглянулся, поднял руки к небу и, вдохнув полной грудью свежий ночной воздух, сказал:

– Наш мир прекрасен! А Земля – планета истории чело-

вечества, самая прекрасная планета во всей Вселенной. Сейчас, после всех испытаний, я чувствую любовь к Родине и гордость за всех людей Содружества еще ярче и сильнее, чем прежде. Ведь все познается в сравнении.

Доктор был рядом, молча наблюдая за Эмилом, и, только когда они вошли в помещение, наконец сказал:

– Вы, – молодежь, такие оптимисты! В вас проявляются потрясающая тяга к жизни и одновременно полнейшее презрение к опасностям, способным ее искалечить или даже вообще прекратить. Вы способны удивляться и радоваться каждому дуновению ветерка, каждому необычному камушку и веточке, каждому мимолетному заинтересованному взгляду и одновременно готовы в любой момент без раздумий сунуть голову в жернова самых опасных приключений. Я когда-то, лет эдак двести тому назад, тоже так мог... Кстати, как ваши легкие? Ничего не мешает, не давит?

– Нет. Все в порядке. В полном порядке. Даже удивительно!

– Ничего удивительного. Вы перенесли операцию по практически полной регенерации легочных тканей. Вы конечно же не помните, потому что были в это время под анестезией. Тогда мы вообще еще не знали, придете ли вы в себя и как скоро это случится.

– У меня к вам есть одна просьба, -вдруг сказал Эмиль.

– Я вас внимательно слушаю. И постараюсь помочь, если это в моих силах, -кивнул врач.

Эмиль показал ему шрам – более светлую, чем остальная кожа, и слегка выпуклую полоску на запястье:

– Вот. И на спине тоже. Я хотел бы, чтобы этих следов не стало. – Лицо молодого человека резко погрузнело и посуровело. – Мне будет тяжело объяснять любопытным, что это за шрамы и каким образом они появились. Еще труднее будет чувствовать после этого их искреннюю жалость. Такие подробности случайным людям вообще знать не стоит. Слава Богу, наше гуманное общество уже давно избавилось от подобной варварской жестокости и презрения к человеческой личности. Их происхождение должно заинтересовать лишь ограниченный круг экспертов, да и тем будет поначалу трудно понять, зачем все это со мной делали. Я сам этого долго не понимал, да и сейчас, кажется, не до конца понимаю.

Ева прилетела рано утром. Эмиль случайно увидел в окно ее золотистый флаер. Он сразу узнал машину, ведь она была творением его рук и мало походила на серийную модель: корпус изящнее, гравитатор сильнее, да и цвет был необычным – солнечно-золотистым.

Эмиль прильнул к окну и увидел, как Ева выходит из машины на площадке. Она была чудо как хороша в лучах утреннего солнца. Пушистые, уложенные в веноч волосы отливали золотом, и, казалось, что голова окружена божественным ореолом. На шее горело рубиновое кольцо, на тонких ру-

ках такие же браслеты. Одетая она была в многослойное розовое платье из легчайшего шелка, длиной по щиколотку. Все убранство завершали атласные сандалии «под старину». Кажалось, она только что сошла с полотна какого-нибудь великого художника прошлого.

«Она приехала ко мне! Она не забыла меня!» – Эмиль глядел не моргая, как она плывет по дорожке, приближаясь к коттеджу. В это мгновение ему почудилась, что все было прочно и навсегда забытые чувства к ней вновь вспыхнули с невероятной силой. Сердце невольно забилось быстрее, а память разразилась картинками мучительно сладких воспоминаний.

Он сделал над собой усилие и отошел от окна. Вдруг образ Евы, давно идеализированный в мечтах своей недоступностью, зажегся новыми и более контрастными и отчетливыми красками. Ее насмешливая улыбка, нет, ухмылка... Вот она заправляет свои непослушные, так нравящиеся ему локоны в ультрамодную пластиковую сетку, подводит глаза суперкарандашом, а губы – темной помадой вкуса лакрицы, мажет кожу кремом-корректором, который делает ее лицо очень правильным, без недостатков, без пятнышек, без еле заметных живых «улыбчивых» морщинок и без этой мимолетной мягкости линий естественной и несовершенной неповторимости. Она надевает строгий костюм из суперлюкса, меняющего цвет, фактуру и покрой под настроение и погоду. Все у нее строго роботизированно, ничего лишнего в квартире

никогда не бывает. Над его «ископаемыми» увлечениями и тягой все делать своими руками практически с нуля она все время смеялась, считая подобное «убивание времени» бесполезным и несерьезным, но, когда он самолично собрал ей этот флаер, наконец-таки одобрила его занятия.

– Это отлично, когда ничего лишнего и все по последнему слову техники! – сказала она, погладив бок машины. – А такой цвет зачем?

Когда Эмиль объяснил всю выгоду именно этого цвета чисто техническим, или, как говорила Ева, «нормальным», языком, без всякой там «лирики», она даже восхищенно поцеловала его, прошептав на ухо:

– Иногда ты кажешься вполне цивилизованным и современным мужчиной, и тогда я просто обожаю тебя. – И тут же язвительно добавила: – Только одно мне непонятно, как такая разумная голова досталась такому ужасному ископаемому, как ты, мой музейный экспонатик.

И вообще, Ева искренне считала Эмиля совершенно беспомощным и старомодным.

– И как только ты справляешься со звездолетом? Неужели ты и впрямь способен на серьезное космическое путешествие? По-моему, корабль, которым ты командуешь, должен напоминать по крайней мере какую-нибудь шхуну с алыми парусами или что-нибудь еще более допотопное. Эх, видать в дальнем флоте сильный недобор, если таких динозавров капитанами делают! – Издевалась она, практически не ин-

тересуясь, чем он, собственно, вообще занимается во время своего иногда многомесячного отсутствия на Земле, и воистину ударом для нее было, когда один из их общих знакомых (кстати, таковых у них было совсем мало, так как Ева терпеть не могла «краеведческие экспедиции», а Эмиль откровенно скучал на ее излюбленных пати, и единственное, где они, казалось, все-таки находили общий язык, были любительские кругосветные флаерные гонки) как бы невзначай сообщил ей, что ее «неандертальцу» присвоено звание «капитан-исследователь высшего ранга», а его звездолет, оказывается, – настоящий эксклюзив класса «сверхдальник» и на деле легко обходит по всем параметрам даже «гремящие» в средствах массовой информации корабли новейшего типа «Ультра». После этого «откровения» у них наступил «медовый месяц», у Эмиля как раз «случился» отпуск, и он с Евой провел его как в сладком сне.

– Оказывается, ты такой крутой! – мурлыкала она, целуя его в губы так горячо, что перехватывало дыхание. – Прокатишь меня к какой-нибудь неизведанной планете, когда мы поженимся?

Они решили отпраздновать свадьбу и уже договорились о дате торжества. Но тут его неожиданно скоро назначили начальником экспедиции, которая должна была продлиться минимум восемь месяцев. Отказаться от участия в этом предприятии было никак не возможно, ведь он давно готовил это путешествие, планировал исследовательские меро-

приятия и собирал специалистов. Он попытался объяснить ей, как важна для него эта затея, но она даже не захотела его до конца выслушать, фыркнув: «А я-то думала, что ты меня любишь!» Провожать его она тоже не стала, даже по стерео не захотела попрощаться...

Вернувшись, он узнал, что Ева вышла замуж за другого. Ее мужем стал Альфред Нельсон, один из приятелей по папи и тоже, как ни странно, капитан (правда, рангом пониже и категорией попроще, с кораблем, приписанным к пассажирскому флоту ближнего действия). Зато Альфред никогда не страдал ни скромностью, ни застенчивостью, не был замечен за собирательством всякого ископаемого хлама, презирал стихи, особенно лирические, а самое главное – любил по-настоящему, разделяя увлечения и проводя с ней все свое свободное время и даже более того... Кажется, Ева была очень даже счастлива в замужестве. С тех пор Эмиль встретился с ней только один раз, да и то случайно. Тогда она была уже на четвертом месяце беременности. Она увидела его, узнала и тут же отвернулась. Он не стал навязываться в собеседники, он сразу понял, что разговора не получится. Однако про ее жизнь и беременность он знал почти все. Знал, когда, где и кого она будет рожать, знал, какие ожидаются врожденные склонности и способности, уровень интеллекта будущего ребенка. Эти сведения он собирал по крупицам, сначала они пополнялась только из косвенных источников – случайных и полуслучайных разговоров с ее знакомыми и

ведущими беременность врачами. Но вскорости он понял, что жаждет больше информации, а ведь к его услугам были информационные компьютеры, которые он без труда научился «раскручивать» на интересующие его сведения личного характера, по идее сугубо конфиденциальные. Ей он более на глаза не попадался. Только когда наступил заключительный этап беременности и она «перебазировалась» в специальный стационар для родов, он послал ей огромный букет ее любимых цветов. И не важно, что он был без сопроводительной записки, и Ева наверняка решила, что они от Альфреда (тот как раз в это время находился в рейсе).

Теперь Ева стояла на дорожке и разговаривала с преградившим ей путь доктором Лаурисом. Они о чем-то спорили, слов было не разобрать: ветер уносил их, скрывая в шуме сосновых крон и прибоя. Но Эмиль сразу догадался, про кого разговор. Ева была одета так, как нравилось ему, а не так, как ей было привычно. Значит, она пришла именно к нему.

«Зачем? – Эмиль сжал голову руками. – Ведь все давным-давно кончено! Все прошло и забыто! Ведь я знаю, что ты не любишь меня. Я долго был слеп и глух, я ничего не хотел замечать. Зачем же ты сейчас так рвешься ко мне?» – думал он, и в его душе бушевал яростный огонь полузабытой любви, но на этом «костре» уже закипала полная чаша недоверия, всяких мелких и потому особо колких обид и еще чего-то, он и сам не понимал, чего именно.

Он снова выглянул в окно, и именно в этот момент Ева

подняла глаза и увидела его. Тогда он резко распахнул обе створки окна мысленным приказом.

– Эмиль! Я так рада тебя видеть! – закричала она и замала руками.

– Здравствуй, Ева. Я сейчас выйду. – Его слова прозвучали звонко и одновременно спокойно.

Она стояла перед ним, переминаясь с ноги на ногу, и разглядывала его с нескрываемым любопытством.

– Вы, девушка, добились своего. Вот он, ваш Эмилио Алекси, – сказал доктор. – И раз так получилась, то мне ничего не остается, как оставить вас и не мешать вашему разговору.

Эмиль и Ева провожали врача взглядами, пока дверь котеджа не закрылась за его спиной. Одновременно с этим Ева шагнула к Эмилио и, обняв за плечи, встала на носочки и прильнула к его губам в поцелуе. Эмиль закрыл глаза. Он вдруг почувствовал... Вернее он ничего не почувствовал: прежней нежности как не бывало, страсти тоже. Поцелуй показался ему холодным и полным какой-то скрытой брезгливой жалости.

«Так, наверное, целуют труп перед погребением, – мелькнула у него почему-то показавшаяся в это мгновение забавной мысль. – И теперь только осталось предать брренное тело безвременно усопшего благородной стихии».

Он улыбнулся своим мыслям, а Ева отпрянула от него, не

дождавшись привычной реакции, и с укоризной проговорила:

– Ты бы хоть нагнулся немного, ведь мне трудно дотянуться.

Последовала тягостная пауза. Оба молчали.

– Я хотела тебе сказать... – наконец медленно, без какого-либо чувства начала Ева. – Но здесь мне не уютно, здесь я как-то не решаюсь... Такая обстановка: врач, санаторий...

– А давай улетим отсюда, – предложил Эмиль.

– Улетим? Это ведь нельзя. Ты – болен. Разве тебе позволят? – с сомнением, даже с какой-то еле уловимой издевательской ноткой сказала она.

– Я не собираюсь никого спрашивать. И с чего ты взяла, что я обязательно болен? – Эмиль заметил «шпильку», однако отнесся к ней совершенно равнодушно. – Желаешь покинуть это место – поехали.

Она взяла его под руку, и они неторопливо дошли до фляера. Эмиль сел за управление, Ева – рядом, и машина круто взмыла в небо как золотая птица. Разговора прямо во фляере не получилось, летели всего пять минут. Потом машина приземлилась.

– Куда ты меня завез? – спросила Ева. – Глушь то какая!

– Вообще-то это мой сельский дом, просто ты здесь ни разу не побывала, пока мы жили вместе... Мне это место очень нравится: тишина, покой, природа... Как же давно я здесь не был! Сад, наверное, уже сильно изменился, – ответил Эмиль

скорее себе, чем ей.

...Ева первая подошла к калитке и остановилась в нерешительности:

– Как там это открывается?

Эмиль молча толкнул деревянную дверцу и пропустил ее в сад. За разросшимся в человеческий рост кустарником отцветающей желтой розы царило воинственное буйство цветов и трав. Дорожка из круглых плиток вилась меж купаами гигантских тигровых лилий и пестрых георгинов и перебежала по узкому мостику через ручей, прячущийся за полосатой осокой и листьями ирисов. Дальше простирался сад из фруктовых деревьев.

– Знаешь, милый... – начала было Ева, но Эмиль остановил ее:

– Не будем объясняться на полпути. Пойдем к дому.

Он покинул проторенный путь и зашагал напрямик прямо по некошенной траве. Ева смотрела ему вслед, пока он не скрылся за кустами. Он стал не таким, каким она знала его раньше. Он изменился почти до неузнаваемости: стал жестким, независимым, и таким сильным и ярким, каким она его никогда не представляла даже в мечтах.

Постояв несколько минут в раздумье, Ева двинулась по дорожке.

...Дом был маленький, в один этаж. Он крепко стоял на невысоком основании из природного камня. За стены цеплялся дикий виноград. Эмиль сидел на ступенях и наблюдал

за муравьями, бегущими по своей тропке прямо у крыльца.

Он не поднял головы даже тогда, когда Ева подошла вплотную и дотронулась до его плеча:

– Эмиль, я хочу поговорить с тобой о нас, о наших отношениях... – Она присела рядом с ним и продолжала: – Ты знаешь, я так ждала, что ты вернешься, я не верила, что ты погиб... Правда... Я назвала мальчика твоим именем.

Эмиль, наконец, поглядел на нее:

– Вы с Альфредом назвали сына моим именем? Не ожидал... – Его душа была вконец измучена сумятицей.

– Муж был в рейсе и не знал, – попыталась неуклюже сокрушить Ева. – Я сама это придумала... Он узнал о моем решении потом... Я тогда думала только о тебе...

– Увековечивать ушедших в небытие, нарекая их именами своих детей, люди придумали очень давно. История знает множество примеров, когда младенцев называли в честь погибших отцов, дедов или просто каких-нибудь считающихся достойными памяти кумиров. Мне, конечно, очень лестно, что тебе пришло в голову назвать вашего с Альфредом ребенка в мою честь...

– Когда он родился, я поняла, что мне нельзя было тебя оставлять... – перебила его Ева. – Я исправлю свою ошибку. Мы снова будем жить вместе...

– А как же муж?

– Он поймет... Наверное, поймет. Я постараюсь ему все объяснить. Я ведь оставила тебя, даже не потрудившись пе-

ред этим поговорить. Я ведь обидела тебя, сделала больно... Я так раскаиваюсь...

– Но ведь ты не любишь меня... и по большому счету никогда не любила.

– Зачем ты так? Откуда тебе знать? – Ева смахнула слезы.

– У нас разные интересы. Разное мироощущение... Ты никогда не понимала меня, да и не пыталась понять. Чувства не было уже тогда, нет и сейчас... – Эмиль печально улыбнулся, качнул головой и встал со ступеньки.

Ева тоже порывисто вскочила и вдруг закричала прямо ему в лицо:

– Не знаю! Не знаю! Слышишь! Может быть, ты и прав! Я действительно не понимаю тебя! Не понимаю себя! Не знаю, что делать!

Она замолчала, слезы текли из ее глаз, кулачки были прижаты к груди.

Эмиль смотрел на нее и думал: «Все как в художественной картине о любви – и главная героиня, вся такая прекрасная, мечущаяся и страдающая на красивом фоне крыльца загородного домика, и накал эмоций, и не наигранная искренность... Действие захватывает, однако заранее знаешь – все срежессированная постановка».

Он нежно взял ее за плечи, приблизил к себе, обнял крепко и аккуратно, и сказал:

– Успокойся, милая, тебе не стоит так переживать из-за того, что давно уже в прошлом. Ты ни в чем не виновата. Мы

с тобой по-прежнему идем каждый своим путем, просто наши дороги как-то случайно пересеклись, а теперь снова расходятся... Стечение обстоятельств...

– Но... Там тебе было очень плохо... Без меня тебе тоже было очень плохо... Ты страдал, мучился, потому что меня не было с тобой рядом... Я хочу все исправить, утешить, загладить вину...

– За тобой нет никакой вины. И со мной не случилось ничего ужасного! Правда!

– Нет-нет! Теперь я тебя никогда не брошу! Всегда буду с тобой! Ты перестаешь быть одиноким, мы будем вместе...

– Ева глянула в его глаза.

Он отстранился, выпуская ее из объятий:

– Но у тебя теперь есть семья: любимый муж, ребенок. Глупо все это оставлять только из-за сострадания и желания утешить. Да и мне теперь такие жертвы с твоей стороны особой радости не принесут.

– Но как же ты без меня? Ведь сколько раз ты говорил мне, что не можешь жить без нашей любви, что будешь любить вечно только меня одну?

– Раньше мне действительно так казалось. Но обстоятельства и время... Они лечат и учат...

– Значит, – ты... – Ева вдруг улыбнулась. – Значит, наши отношения действительно исчерпали себя? Все в прошлом... Мужчины быстро забывают... А я – то думала...

Она засмеялась, а он покраснел от неожиданно прихлы-

нувшего стыда:

– Прости, что не оправдал твоих ожиданий, я не хотел тебе обидеть.

– Удивительно, но ты казался таким преданным! – Ева презрительно фыркнула и вздернула нос. – А я-то была уверена: он такой несчастный, он до сих пор любит меня чистой и преданной любовью! Мучилась ужасно, все переживала, что вот вскружила тебе голову, обнадежила и заставила поверить во взаимность чувств, а потом отвергла в одночасье без всяких объяснений и построила свою жизнь с другим... Ведь это ты тогда мне цветы прислал, я знаю, мужу бы такое и в голову никогда не пришло, он ведь подобные романтические глупости попросту презирает...

– Прости, что не оправдал твоих ожиданий, – повторил Эмиль тихо, но твердо.

– Ну, так это же хорошо! Это в корне меняет все дело! – Она скрутила головку подвернувшейся под руку садовой ромашке, смяла лепестки и запустила прямо ему в лицо: – Как же я была наивна, когда решила играть перед тобой этот глупый спектакль! Все – жалость моя дурацкая! Хотела помочь, поддержать...но теперь вижу, что ты в этом не нуждаешься.

Она развернулась и побежала по дорожке прочь от дома.

– Но мы останемся друзьями? – крикнул ей вслед Эмиль. – Мы будем иногда видеться?

Ева остановилась и обернулась. Ее лицо сияло насмешли-

во-снисходительной улыбкой.

– Ничего не выйдет! Мы с мужем и сыном завтра покидаем Землю, и надеюсь, что навсегда... Надоело жить в этом большом музее! Того и гляди, мой маленький Эмильчик с раннего детства заразится ископаемой сентиментальностью от всей этой рухляди и станет похож на тебя. Так что прощай насовсем и не вздумай выслеживать и тем более тревожить нас! И больше никаких дурацких цветочков!

Золотистый флаер свечой взмыл к облакам. Эмиль следил за ним, пока тот не растворился в голубом небе. Потом он сорвал белую лилию с ближайшей клумбы и вошел в пустующий дом. В комнатах все было по-старому, за время его отсутствия тут не появлялась ни одна живая душа. Эмиль поставил в невысыхающую вазу цветов, выбрал в шкафу несколько антикварных книжек, сложил стопкой на столе (решил взять с собой в санаторий как «лекарство от скуки») и сел на кровать. В окно заглядывало яркое летнее солнце, яблони шелестели густой листвой, щебетали птицы, над цветами порхали бабочки, деловито гудели шмели, собирали нектар пчелы. Все здесь было знакомое, милое, родное и свое. Все как будто только и ждало его и теперь несказанно радовалось его возвращению. Но чего-то все равно не хватало, грудь ныла от непрошенной тоски.

Вдруг раздался звонок антикварного телефона. Эмиль протянул руку, и трубка старинного устройства оказалась в ладони.

– Я вас слушаю, – сказал Эмиль стереоизображению врача, возникшему на противоположной стене.

– Мне было трудно вас обнаружить. – начал врач. – Вы исчезли так неожиданно, не предупредив ни меня, ни Селену! Кроме того, вы не взяли средств связи. Определитель в вашей квартире ответил, что дома вы не появлялись. Пришлось выяснять ваше место пребывания через Центр регистрации, где мне предложили поискать вас по этому странному адресу. Как вы себя чувствуете?

– Извините, ради Бога! – Эмиль виновато улыбнулся. – Все в полном порядке. Я просто захотел прогуляться и навестить свой сельский домик.

– Постарайтесь больше не исчезать. – Голос доктора звучал мягко. – Если не возражаете, за вами подъедут через пять минут.

– Как вам будет угодно. Я встречу машину в саду.

Врач кивнул головой, и стерео отключилось. Эмиль положил телефонную трубку и, захватив книжки, не торопясь вышел в сад.

На фоне лазури неба в белой рамке облаков появилась черная точка. Она росла, превращаясь в медицинский флаер, который стремительно снижался. Эмиль замахал рукой. Машина мягко села на дорожку, слегка примяв траву. Из нее разом выскочили медсестра и роботы-санитары.

– Доброе утро, Селена. Не волнуйтесь, как я уже сказал доктору Лаурису, со мной все в порядке. Я сам сяду в маши-

ну, – улыбнулся Эмиль, галантно подавая руку медсестре и усаживая ее обратно во флаер.

Роботы-санитары в растерянности попятились обратно в задние дверцы. Эмиль тоже уселся. Положил голову на подголовник мягкого удобного кресла и закрыл глаза.

– Вам нехорошо? Может, дать кислород? – неподдельно волновалась рядом Селена.

– Ничего не надо. Все в порядке. Я просто отдыхаю, – отвечал ей Эмиль. Мысли его сейчас были далеко-далеко, на маленькой и очень далекой планетке, где среди узаконенного неравенства, перманентного насилия и привычной ненависти, среди ядовитой пыли рудника и испарений ртутных озер осталась та, которая так нежно целовала его в каждом сне, а наяву чуть не лишила жизни.

Еще неделя прошла в праздном шатании на курортном побережье. Распорядок дня был очень даже насыщенным: с утра до вечера купание в море, и всяческие пляжные развлечения, как то: катание на яхтах и других плавучих средствах, пирушки, пикники и танцульки. Селена участвовала во всем этом с большим энтузиазмом и была бессменной спутницей и партнершей на всех вечеринках и игрищах. Впрочем, Эмиль и не думал возражать, а даже наоборот. Доктор выполнил его просьбу относительно шрамов, и теперь он не боялся неприятных расспросов праздной публики.

По вечерам, когда было прохладнее, на пляжных площадках собирался целый клуб отдыхающих – любителей волейбола, и тогда начинались товарищеские матчи, иногда заканчивающиеся далеко за полночь. Веселые, разгоряченные загорелые люди «бились» просто до упаду. Эмиль и Селена всегда играли в одной команде, причем так хорошо сыгрались, что их неизменно признавали самой лучшей двойкой турниров. После игры они бежали купаться иплыли наперегонки, иногда заплывая так далеко, что над ними начинал кружить спасательный робот. Они махали ему руками, отфыркивались и брызгались. Иногда Селена уставала и сдавалась, ложась на воду. Тогда они менялись местами в своих обязанностях: теперь Эмиль уже следил за ней, поддерживая ее и давая передохнуть.

Каждое утро, а иногда и в обед, к Эмилю наведывался доктор Лаурис и они разговаривали чаще серьезно, но бывало, что и не очень.

...Эмиль сам пришел в главный корпус прямо в рабочую резиденцию врача и уселся перед его письменным столом.

–Что стряслось? -Доктор Лаурис вошел в кабинет и изумленно уставился на посетителя.

– Спасайте, уважаемый. Мне совсем худо, – улыбнулся Эмиль и тут же сделал серьезное лицо: – Весь этот отдых слишком затянулся. Реабилитация реабилитацией, но я больше физически не могу бездельничать. Еще немного, и

меня просто сожрет изнутри собственная совесть...

– Но мое мнение таково, что вы еще не совсем окрепли и не готовы к изматывающим трудностям, ожидающим вас. Только подумайте, вам предстоят бесконечные расспросы, доклады, совещания и отчеты в Совете.

– Ерунда. Это не такая уж тяжелая работа. Можете не переживать, я выдержу.

– Ваша уверенность меня пугает. Вы всегда бросаетесь в омут головой вниз?

– Конечно, и еще предпочитаю сделать сальто, пока лечу. Кстати, насчет головы. Когда будем проводить сканирование? Время не ждет.

– Не ранее, чем через месяц. Может быть, через два.

– Я не согласен и требую, чтобы оно было проведено уже завтра.

– Подумайте хорошенько и просто немножко пожалейте себя, сумасшедший вы упрямец! Неужто вы совсем не желаете передохнуть?

– Знаете ли, я тут узнал, что в сторону посещенного мною Черного квадрата, а именно к созвездию Семи Солнц, собирается стартовать исследовательская экспедиция с предложением мира и сотрудничества. Только представьте: они окрылены решимостью лететь навстречу к «затерянным» во Вселенной еще в незапамятные времена «братьям по разуму», но не до конца понимают, на кого там наткнуться! Если я и далее буду тут прохлаждаться, они полетят практически

вслепую, хотя нужная информация есть здесь. – Эмиль постучал пальцем по своему лбу. – Требуется только извлечь ее сканированием и слегка обработать. И ведь Координационный совет по экспедициям уже запрашивал обо мне и получил отрицательный ответ. Сегодня утром последовал еще один запрос, и вы опять ответили категорическим отказом.

– Откуда вы знаете? – удивился врач. – Селена проговорила?

– Нет. Она свято соблюдает свои обязанности медсестры: не дает мне и шагу без нее ступить. Вот и сейчас она ждет меня на улице.

– Вы ей недовольны?

– Наоборот. Она такая хорошая девушка: ласковая, заботливая, корректная. Знаете ли, я ужасно отвык от таких людей. И потом, она совершенно ненавязчиво выполняет свою работу.

– И все же как вы узнали о запросах и, самое главное, откуда вы знаете о том, что я отказал?

– Среди чужих я многому научился, хотя далеко не все эти умения считаются однозначно нравственными в нашем обществе. Однако, прекрасно понимая, что выбранный мною способ получения нужной информации не самый корректный и вполне вероятно значительно ухудшит ваше мнение обо мне, как о личности, я все-таки решил воспользоваться им ради очевидной пользы делу, а самое главное, сознавая, что, возможно, именно это мое неприглядное поведе-

ние в конечном счете спасет моих соплеменников от опасных для жизни ошибок во время экспедиции к Семи Солнцам. – Эмиль достал из кармана универсальный браслет. – Эта вещь не моя, взял у одного знакомого вчера на пляже. Селена не в курсе, я сделал это тайком от нее. Всю сегодняшнюю ночь не спал, занимался доработкой этого инструмента до нужных кондиций. В общем, теперь я имею возможность считывать информацию с любого личного интерфейса на расстоянии при относительно небольшом отдалении от объекта.

– И вы рылись в моей личной переписке? – Врач был так поражен и расстроен, что даже вздохнул. – Не ожидал от вас такого поступка! Как вы могли?! И неужто вам совсем не стыдно? Беспардонный вы наглец!

– Стыдно. – Эмиль развел руками. – Клянусь, что уничтожу устройство, как только мы окончим наш разговор. Кроме того, я приношу вам свои искренние извинения и прошу прощения за содеянное. Я считывал только ту информацию, которая относилась непосредственно ко мне. Кстати, вам тоже должно быть неудобно за то, что вы не посчитали нужным поставить меня в известность о запросах и спросить моего согласия на их отклонение, тем самым толкнув меня на некрасивый путь овладения интересующими меня сведениями.

– Как ни странно, мне нечего вам возразить, – сказал врач, хмурясь. – Но ведь вы только недавно пришли в себя, и все

эти «вызовы», связанные с вашей профессией и тем более с детализацией воспоминаний о пережитых неприятностях, могут повредить вашему здоровью, существенно подорвав стабилизировавшуюся на данный момент психику.

– И, тем не менее, я теперь в курсе событий и категорически настаиваю на сканировании. Экспедиция отправляется уже очень скоро. Время дорого. Надо разработать защиту, подготовить людей морально. В этом я могу и должен помочь.

– Может быть вы и в состав экспедиции запишитесь? – Врач покачал головой. – Теперь я вправе ожидать от вас любой эксцентрики!

– Отличная идея! Я и сам уже серьезно раздумывал над этим. – Эмиль шутливо подмигнул доктору. – Что меня теперь может остановить? Да ничего! Конечно же, я отправлюсь вместе с ними. Считайте, что это дело решенное.

– Боже милосердный! – взялся за голову врач. – Вы меня сразу так заморочили своей увлеченностью исторической литературой и так натурально изображали из себя спокойного и здравомыслящего человека, что я не заметил в вас самого, пожалуй, главного изъяна. Стыдитесь, молодой человек, вы, оказывается, болезненно неугомонный любитель острых ощущений! Все звездолетчики, которых я повидал на своем веку, в своем роде ненормальные люди, но вы – самый сумасшедший из всех! Неужто вам мало двух лет пренеприятнейших приключений?

– Не то чтобы мало, но и не досыта, – кивнул Эмиль, улыбувшись. – Так что самое время начинать подготовку к новым приключениям.

– Вижу, вас никак не переубедить. – Врач хитро прищурился. – Но неужели вы желаете, чтобы все ваши мысли, чувства, промахи поведения, наконец, были выставлены на всеобщее обозрение? Или вы считаете себя совершенно безупречным даже в мыслях?

– Конечно же нет. Безупречных людей не бывает. Естественно, что я был подвержен разным эмоциям и мыслям, за которые мне порой бывало стыдно и которые я не желал бы афишировать. Но дело в том, доктор, что я умею управлять воздействием сканера на мозг. Так что все мои личные секреты неизбежно останутся при мне, а уж текущие мысли сканер вообще не увидит.

– Неужели? И почему вы так в этом уверены?

– Поверьте, доктор. Эта особенность моего мозга является врожденной и в детстве доставила множество хлопот моим родителям. Барьер был совершенно непреодолим для любого сканирующего устройства, пока я сам не научился сознательно приоткрывать определенные участки этой завесы. Сканер покажет только то, что я посчитаю нужным открыть. Все субъективные ощущения я оставляю при себе, эксперты же получают только зрительную и слуховую информацию, так сказать, выемку объективных фактов. А со своими личными комментариями и выводами я познакомлю специалистов в

устной форме уже после просмотра.

– Да вы, оказывается, уникальный феномен! – воскликнул врач. – Природная блокировка сканерной техники! Редчайший случай в медицинской практике!

– Вот только прошу, не надо громких эпитетов. Я еще ни разу не встречал людей без талантов. Еще с капитанской школы я знаком со множеством, как вы говорите, феноменов: один мой товарищ обладает феноменальной физической силой и выносливостью, другой – уникальный диагност технических средств передвижения, способный определить неисправность мельчайшего узла на расстоянии, не прикасаясь к объекту и даже не видя его, третий мой знакомый обладает потрясающими аналитическими способностями и энциклопедической памятью. Могу перечислять таланты моих друзей и сослуживцев далее.

– Ну, хорошо, хорошо! – Врач наконец-таки сдался. – Назначаю сканирование на завтрашнее утро. Природный экран – как любопытно!

– Вот и договорились. – Эмиль удовлетворенно улыбнулся.

Доктор встал из-за стола и прошелся по комнате туда и обратно.

– А вы, однако, знаете как поддеть, – сказал он. – Рады, что добились своего. Ну что ж, будь по-вашему. Но только не думайте, что так легко вырвались отсюда, и я дам добро на то, чтобы вы сию же секунду опрометью бросились в вашу

сумасшедшую работу. Отдыха и лечения я не отменяю, и вам придется с этим смириться. От судьбы не уйдешь.

– Придется смириться, – повторил Эмиль последние слова. – От судьбы не уйдешь.

Он подошел к окну и помахал рукой. Селена стояла под смолистой молодой сосенкой. Она была босая, в пестром парео и ярко-розовом купальнике. Волосы ее были завязаны в плотный пучок на самой макушке. В одной руке она держала пляжную сумку, а в другой – волейбольный мяч.

Прошло еще две недели. Доктор еще вечером объявил, что Эмиль выписан, и он его больше не задерживает. Теперь все трое стояли у флаера и прощались.

– Вы навсегда останетесь для меня самым упрямым и беспринципным в средствах достижения целей человеком и к тому же странным типом, сочетающим в себе, казалось бы, совершенно не сочетаемые друг с другом любовь к наследию далекого прошлого и страсть к самым передовым технологическим новинкам и запредельным скоростям современности, – сказал врач и пожал руку Эмилю. – Я буду скучать без такого интересного собеседника.

– Я тоже буду скучать без наших обеденных разговоров. Такого тонкого знатока древней лингвистики я еще не встречал. – Эмиль слегка склонил голову.

– Вы, как обычно, льстите мне, – покачал головой доктор. – Похоже, что это уже вошло в привычку. Прощайте,

милейший юноша, и будьте всегда здоровы.

– А вы, Селена, очаровательная спутница, преданная подруга, красивая и умная девушка, и просто мой чудесный ангел-хранитель. – Эмиль склонился перед ней и поцеловал руку.

– С моей стороны было бы глупой шуткой пожелать, чтобы вы возвратились у нас, – сказала Селена, слегка краснея. – Надеюсь, что мое общество было вам приятно.

– Конечно, приятно! – Эмиль улыбнулся ей. – И в волейбол мы с вами играли просто потрясающе! Мне будет очень не хватать вас.

– Я буду скучать. – Селена нежно улыбнулась в ответ. – Прощайте, мой галантный кавалер.

– Прощайте. Всего вам хорошего. – Эмиль сел во флаер, бросил прощальный взгляд на строения санатория и взмыл в безоблачное небо.

Экспедиция состояла из четырех звездолетов. Это были «Упрямец» и «Сакура» неразлучных друзей-капитанов Эдвина Юраса и Девиса Мияши, «Провидение» капитана Владислава Давыдова и «Удача» Эмилио Алекси, которую в разговорах именовали просто «Семеркой» из-за кормового знака в виде цифры «7» в равностороннем треугольнике. Все корабли были суперскоростными исследовательскими судами дальнего действия, вдобавок оснащенными усиленной внешней защитой.

Состав участников, учитывая обстановку в так называемой «Чернильной» туманности, был немногочисленным и включал в себя кроме капитанов и членов экипажей кораблей специалистов по межпланетным контактам, психологов, космоисториков и врачей.

Сначала начальником экспедиции по единодушному мнению решено было избрать Эмилио Алекси. Все без исключения специалисты, непосредственно связанные с подготовкой экспедиции, и, конечно же, ее члены не только знали его как отличного навигатора и смелого исследователя, но и искренне считали, что лучшего командира просто не сыскать. Ведь, несмотря на свою молодость, капитан Алекси уже имел достаточно командного опыта и не раз и не два участвовал в исследовательских экспедициях далеко за пределы Содружества, к тому же он являлся человеком незаурядных умственных способностей, органично сочетавшихся с целеустремленностью и настойчивостью. Конечно же, добавляло авторитета еще и то, что он был знаком с тем миром, куда они собирались нанести визит, не чисто теоретически и понаслышке, а уже побывал там и видел все своими глазами, и, следовательно, лучше всех своих товарищей оценивал ситуацию. Но, ко всеобщему удивлению, капитан «Семерки» сразу же категорически отказался от «верховой» должности прямо на общем собрании экспедиции, а на вопрос Девиса Мияши о причинах его неуместной скромности ответил:

– Я не достоин подобной чести, потому что не смогу быть

до конца объективным и ровным в своих суждениях и поступках. Начальник в первую очередь должен быть нейтральным в своих чувствах, я же на данный момент не могу быть таковым по отношению к миру, который мы собрались посетить.

– Мы недопоняли вас, капитан. Объясни подробнее, друг, откуда вдруг такая щепетильность? – попросил Эдвин Юрас.

– Хорошо. – Эмиль кивнул. – Я попытаюсь объяснить. Дело в том, что в данном случае начальник экспедиции просто обязан быть совершенно беспристрастным, особенно если это касается таких важных вещей, как установление контакта с другим, весьма отличным от нас по социальным взглядам людским сообществом. Я же уже не смогу быть до конца объективным и беспристрастным в силу уже полученного ранее негативного опыта при общении с представителями искомого мира. Ведь вы знаете, что мне пришлось побывать там отнюдь не по своей воле, меня унижали, постоянно угрожали смертью и мучениями, ограничивали подвижность специальными приспособлениями, держали взаперти, принуждали к повиновению непосредственным физическим воздействием и другими варварскими методами, среди которых словесные оскорбления выглядят самыми безобидными. После того как я покинул планету (сделал я это, потому что моей жизни угрожала прямая опасность, исходящая от людей, представляющих власть и порядок в данном мире, и, разумеется, без согласия хозяев планеты и звездолета, на

котором я бежал), меня преследовали с явным намерением уничтожить, а потом мне пришлось провести почти полгода в полном одиночестве на умирающем от истощения ресурсов корабле. И нет ничего удивительного, что после таких передряг у меня появились не только конкретные антипатии, но и обобщенные негативные стереотипы, которые могут помешать здравомыслию и объективности восприятия реальности.

После такого объяснения самоотвод был принят, и начальником экспедиции был избран капитан «Упрямца» Эдвин Юрас. Координационный совет тоже не возражал и без проволочек утвердил его кандидатуру, а также назначил окончательную дату старта с лунной базы «Дальник -2»

Двадцатый день экспедиции ознаменовался появлением на сканерах «врат» переходной зоны. Все члены экспедиции (кроме вахтенных пилотов) собрались на головном корабле. По традиции первое слово было за начальником экспедиции.

– Я, как главный, должен начать это наше собрание, – сказал капитан Юрас, когда все устроились в просторной кают-компании «Упрямца» и успокоились. – Но мне пока в сущности нечего сказать, кроме того, что вы и без того знаете: мы находимся на границе переходной зоны, за которой – новый для нас, совсем неизвестный мир, однако населенный такими же, как мы, людьми. За последние пятьсот лет земное человечество расселилось по окрестным системам, а

также создало массу искусственных планет и станций, образовав Содружество связанных регулярным сообщением родственников по духу общностей. Экспедиции то и дело отправляются на исследование неизвестных ранее миров, но космос бесконечен, а людей Содружества слишком мало, чтобы проникнуть повсюду и исследовать все без исключения планеты Вселенной. Таким образом, на звездных картах по-прежнему зияют бездонные «черные» квадраты, и это совершенно закономерно. Тем не менее люди Земли стремились к звездам всегда, даже тысячу лет назад, на заре новейшей эры, когда технические средства межзвездного общения были настолько ненадежны, тихоходны и примитивны, что во многих случаях практически не оставляли шансов на «обратную» связь. В те времена было обычной практикой не только потеря «без вести» отдельных звездолетов и экспедиционных караванов в необозримых далях Вселенной, но и безвозвратное исчезновение целых армад звездных кораблей. Последнее такое исчезновение «вникуда» (кстати, оно считается самым массовым во всей истории земного человечества) было около семисот лет назад. Оно как раз совпало с последним военным «мировым» конфликтом, завершившимся полной капитуляцией армии аснаутского узурпатора, после чего Содружество, как государственное объединение родственников и дружественных планет, обрело привычный нам вид. И вот теперь мы стоим на пороге человеческого мира, утратившего связь с первородиной в незапамятные

времена, о котором мы до недавнего времени даже не подозревали. И это не маленькая затерянная колония «детей аварии» или «любителей уединения». Это огромный и самостоятельный мир со своей государственностью и историей, причем мы даже не совсем уверены, что их история началась с аснаутского исхода, возможно, корни куда глубже. К чему я все это рассказываю? Да к тому, что, прежде чем распахнуть дверь в чужое пространство, нужно обязательно оповестить хозяев, тем более что мы теперь точно знаем, что они там не только есть, но и в состоянии нас услышать. Настало время подачи оповещающего о нашем приходе сигнала, тем более что мы располагаем достаточно мощными средствами для этого.

– Я не согласен с тем, что подавать сигнал присутствия нужно именно сейчас. До прибытия непосредственно к Семи Солнцам нам осталось никак не менее недели возможно искажение и частичное рассеивание луча, не считая самого главного и опасного «минуса», – вдруг высказался капитан Алекси.

– Тогда подробнее обоснуй свою точку зрения, и поставим вопрос на голосование. – Пожал плечами Юрас и сел в кресло.

Капитан Алекси встал со своего места и шагнул к аквариуму с тропическими рыбками, который только что исполнял роль импровизированной трибуны для Юраса:

– Считаю нужным еще раз напомнить благородному со-

бранию о том, что мы столкнемся с людьми, вряд ли изначально дружелюбно к нам настроенными. Слишком раннее предупреждение о нашем прибытии может привести к упреждающе-агрессивным действиям астров, ведь не нужно забывать, что их цивилизация отлична от нашей по социальному устройству и имеет ярко выраженный военизированный характер. Подав преждевременный сигнал, мы можем оказаться в неприятном положении атакуемых военным флотом астров.

– Но ведь наши корабли хорошо защищены, – возразил с места капитан Мияша. – Опасаться последствий нападения нам нечего, мы неуязвимы для их атомных пушек и к тому же, судя по всему, гораздо быстрее и маневреннее их самых быстроходных и маневренных кораблей.

– Все это верно, – невозмутимо продолжал Эмиль. – Наша техника гораздо совершеннее, чем их техника. Судя по тем кораблям, которые я видел, мы солидно опережаем их во всех областях звездолетостроения, кроме, может быть, сугубо «оружейной» области. «Щиты» у нас тоже не в пример надежнее и мощнее. Однако в случае атаки нам все равно ничего не останется, кроме как развернуться на сто восемьдесят градусов и убраться восвояси, потому что, как сказал один древний философ «когда говорят пушки, человеческого голоса не слышать».

– Но ведь в таком случае время подачи сигнала вообще не существенно. Хоть сейчас, хоть позже – если они сразу

же вознамерятся с нами воевать, то мы неизбежно окажемся в положении атакуемых, – выразила свои опасения главный врач экспедиции.

– Вы не учитываете одного очень незначительного с первого взгляда обстоятельства: субъекты Федерации Семи Солнц располагаются на огромном расстоянии друг от друга, а, следовательно, и военные силы достаточно сильно рассредоточены по всей Чернильной туманности. Если мы прибудем, можно так сказать, довольно неожиданно, то официальные власти вынуждены будут разговаривать с нами по-человечески хотя бы в течение того времени, которое потребуется для сбора флота в солидный кулак, что нам, в сущности, и требуется...

Эти последние слова Эмиля стали «катализатором» горячих прений.

– Но вынуждать кого-либо на удобные нам действия мы не имеем никакого права! – раздался голос одного из психологов.

– Правильно! Мы не конкистадоры какие-нибудь ископаемые, мы исследовательская экспедиция! – подали свои голоса космоисторики.

– Не подав оповещения, мы нарушим Положение Содружества о межпланетных контактах, – заявил старший специалист-межпланетник. – Мы не должны игнорировать закон даже ради очевидного блага!

– Никто не собирается его игнорировать! Подождем

немного с оповещением, а там подадим... – возразил один из штурманов.

Кают-компанию захлестнула волна бурного обсуждения: люди начали спорить между собой, высказывая свои доводы, убеждения и сомнения, капитан же Алекси молчал, с улыбкой созерцая дебаты коллег. Впрочем, был еще один человек, пока ни звуком не поучаствовавший в прениях: капитан «Провидения» Владислав Давыдов. (Этот «старший товарищ» был специально прикомандирован Советом как «консультант», и являл собой весьма своеобразную и даже загадочную во всех отношениях личность. Чисто внешне ничем не отличаясь от представителей мужской части экспедиции, возраст каждого из которых не превышал пятидесяти лет, на самом деле был минимум вдвое старше любого из ее членов. На своем корабле он был единственным живым членом экипажа, ибо его командой были только бортовые киберы, и хотя с другими членами экспедиции был неизменно приветлив и вежлив, но «душевных» разговоров ни с кем не затевал, в развлекательно-приятельских вечеринках не участвовал и, вообще, слыл замкнутым и даже нелюдимым.)

И вот, когда шум споров немного поутих, он неожиданно громко и с расстановкой высказался из своего уютного уголка рядом с витриной различных инопланетных редкостей:

– Не понимаю, из-за чего собственно весь сыр-бор? Я лично совершенно согласен с капитаном Алекси. В предусмот-

рительности ему не откажешь. Действительно, нам трубить о своем прибытии еще не время, ведь после ранней подачи оповещающего сигнала мы, скорее всего, будем встречены и атакованы собравшимся воедино военным флотом астров. И после этого нам, естественно, придется ретироваться из их мира. И все бы ничего, если только это. Вся неприятность данной ситуации заключается в другом: своим отходом мы спровоцируем реакцию преследования и не только ее. Да что я вам вешаю, об этом гораздо лучше меня расскажет капитан «Удачи», только дослушайте его речь до конца.

Люди затихли и, как по команде, устремили взгляды на Эмиля.

– Так вот. – Алекси облокотился на аквариум. – Как я уже и говорил, подачей слишком раннего сигнала мы практически спровоцируем атаку, ведь подобное сообщение наверняка вызовет у астров мысль о том, что мы явились с дурными намерениями, то есть чтобы напасть на них, ограбить и подчинить. Такова психология их общества, построенного на агрессии и страхе, она заставляет всех и каждого перманентно опасаться всех и вся. Есть такая старинная поговорка: «Лучшая защита – это нападение». Уверен, они так и поступят при благоприятных условиях. Но это еще не все неприятные «издержки воспитания» этих людей. После того как мы развернем корабли восояси, уступив их нелюбезным атакам, они погонятся за нами, так как неизбежно возомнят, что раз мы отходим, не принимая боя, то, значит,

испугались их военной мощи. Далее последует логичный, с их точки зрения, вывод: раз не деремся, значит, – слабы и трусливы, и, следовательно, с ними можно легко разделаться, а с Содружеством можно успешно воевать. Таким образом, одним несвоевременным нажатием на кнопку сейчас мы можем спровоцировать мировое противостояние и даже серьезную войну с человеческими жертвами в будущем.

– Но как же тогда поступить, чтобы и астров не спровоцировать и законов Содружества не нарушить? Дилемма очень серьезная! Не пересматривать же нам прямо здесь в ограниченном кругу общепринятые положения о межпланетных контактах! – сказал один из специалистов-межпланетников.

– Я не предлагаю нарушить или и тем более пересмотреть закон, – продолжал Эмиль. – Однако нам придется несколько поступиться своей прямолинейностью и подзабыть прямой маршрут непосредственно к Семи Солнцам. Ведь в Чернильной туманности более сотни звезд, и, в сущности, только я один знаю, у каких из них базируется та самая людская цивилизация, к контакту с которой мы сейчас стремимся. Но и мои сведения про искомый мир очень скудны, поверхностны и неточны. Ведь в первый раз более двух третей дороги я провел в грузовом трюме, а обратный мой путь сначала был смертельной игрой «в прятки», а потом звездолет, на котором я находился, практически «ослеп», поврежденный касательными выстрелами преследователей, и внешние устройства наблюдения, а также некоторые блоки бортово-

го компьютера, как раз связанные с навигационной памятью, были необратимо утеряны. Так что мое возвращение домой скорее божественное чудо (уж не знаю, какой ангел направлял меня, когда я выбирал вручную обратный курс), но никак не полностью осознанный и хорошо знакомый маршрут. Исходя из всего этого, мы с полным правом можем считать взятый на Семь Солнц Чернильной туманности лишь условным поисковым направлением, пусть и весьма перспективным по ожидаемому присутствию цивилизованных, технически развитых поселений людей. «А как же чужой звездолет?» – спросите вы. Так вот, звездолет астров, на котором я прибыл, неоспоримо доказывает только их существование, но практически никак не помогает в определении их местоположения, ведь ведение электронно-навигационного дневника моего обратного путешествия на нем, к сожалению, не представлялось возможным в связи с повреждением оборудования, а сохранившееся звездные карты в блоке управления «Счастливой звезды» отражают только внутренние просторы Федерации, и то, судя по всему, далеко не все и с очень посредственной точностью (хозяин мало использовал звездолет вообще, а уж путешествий за пределы ближайших к родному астероиду двух-трех звезд, судя по всему, вообще никогда не совершал). Так что мы формально не нарушим никаких законов, даже если пошлем сигнал присутствия уже находясь в системе Семи Солнц, «узко-прицельно» обнаруженным по напряженности информационного поля обита-

емым планетам, а далее проведем переговоры по установленной форме. Таким образом, мотивировка поздней подачи сигнала может быть предельно простой, убедительной для всех, включая Совет, и совершенно без обмана: в связи с отсутствием сведений о точном местоположении искомого объекта и незакартографированностью данных территорий, включая переходную зону. В сущности, это все, что я хотел сказать.

И капитан Алекси слегка склонил голову в знак окончания своего выступления и отправился на свое место, а «трибуну» опять занял начальник экспедиции:

– По-моему, капитан «Удачи» говорит дело. И я полностью согласен с его доводами и не настаиваю на немедленной подаче сигнала, – сказал он. – Однако теперь нужно выяснить, согласны ли с Алекси все остальные члены экспедиции. Поэтому, я предлагаю проголосовать...

Когда собрание закончилось, капитан Юрас нагнал капитана Алекси в коридоре перед самым переходником и дружески похлопал по плечу:

– А ты, Эмиль, молодец! Ты прямо просчитываешь всю нашу партию на много ходов вперед. Одно мне до сих пор непонятно, что конкретно заставило тебя отказаться от места начальника экспедиции.

– Ты бы лучше «зашел» ко мне на партию шахмат, а то друг называется! Все некогда, да некогда! – с шутливым уко-

ром проговорил Эмиль.

– Опять пытаешься увильнуть от прямого ответа? Хорошенькую ты себе выбрал позицию, ничего не скажешь: видите, какой я неадекватно-небеспристрастный, нести тяжесть командования не в состоянии, зато вот так вдруг предупредить «из кустов» в состоянии! – Юрас скорчил обиженную мину. – Я – то думал, он мне настоящий друг, а он, вишь, еще один «консультант» на нашу голову! Может и меня лично о чем-нибудь предупредишь?

– И предупрежу, ты сам напросился. – Эмиль дружески обнял Юраса за плечи. – Лично ты должен очень опасаться местных женщин.

– Что? – Юрас взглянул на Алекси удивленно. – И на что это я им, скажи на милость, сдался?

– А ты, Эд, как-нибудь повертись перед зеркалом, посмотри на свое отражение повнимательнее. – Эмиль улыбнулся и развернул его лицом к зеркальной панели на стене. – Иноземцы подобного вида сразу привлекают внимание женского пола в этих краях своей экзотической внешностью и необычностью манер.

– Интересно, почему это ты предостерегаешь меня именно от этого?

Эмиль перестал улыбаться и взглянул на друга, как тому показалось, совсем серьезно и даже с какой-то потаенной грустью:

– Потому что я сам попался на эту удочку.

– Ты? – Лицо Эдвина тоже посерьезнело. – Но ведь тебе там, судя по всему, жилось совсем несладко. И когда ты только успел? Как же так? Как же теперь твои отношения с Евой?

– Отношения с ней были чистейшей воды иллюзией близости, мы с самого начала не подходили друг другу, просто характерами не сошлись, и все дела. А теперь она вообще улетела на постоянное жительство к Алголю вместе с мужем и ребенком. Знаешь ведь, там большую искусственную планету-город построили, абсолютно все по последнему слову техники и моды, назвали Столицей Прогресса.

– А здесь, значит, сошлись характерами? Но когда же ты успел? Ведь мы все смотрели сканофильм твоей памяти, правда, конечно, не от и до, но все-таки самое существенное вряд ли пропустили.

– Ну, уж тебе, наверное, не надо объяснять, что такие вещи люди по возможности стараются не выставлять на всеобщее обозрение. Я постарался сделать так, чтобы она как можно меньше фигурировала крупным планом.

– Ну да, конечно. – Эдвин опустил глаза. – Ты-то у нас – мастер на такие штучки. И неужели сильно влюбился?

– Похоже, да. Такого чувства я еще никогда не испытывал, даже с Евой все было совсем по-другому, не настолько остро, а как-то легче и спокойнее, что ли. А тут... Снится она мне каждую ночь... грезится, что мы целуемся, обнимаемся. Только закрою веки, вижу ее милое лицо, глаза, губы, волосы, руки. Слышу нежный голос... И просыпаться не хочет-

ся... – Эмиль грустно вздохнул.

– Да ты не унывай! – Юрас дружески толкнул Эмиля. – Теперь все с тобой понятно! Ты, наверное, и в состав экспедиции вошел из-за нее?

– И из-за нее тоже. Но не знаю, увижу ли ее еще когда-нибудь. Скорее всего, она уже давно смирилась с тем, что мы более никогда не встретимся, и теперь старается забыть о нашей связи как о глупом недоразумении. Она ведь даже точно не знает, жив я или умер. Наверное, она давно считает, что меня нет в живых.

– Но ты-то жив, дружище!

– А вдруг я для нее уже умер даже в памяти? Ведь любовь не вечна... Тем более такая странная, как у нас. Мы из разных миров, у нас разное воспитание и само отношение к жизни и окружающему. Мы были близки и чувствами и телами, но так и не смогли до конца понять поступков друг друга...

– Не паникуй! – Эдвин взял Эмиля за руку. – Ты ведь всегда был оптимистом.

– И остаюсь им. Потому что я все еще надеюсь на счастливую встречу с ней. Ладно, пора мне, люди в переходнике ждут. А ты, если мне друг, «приходи» сегодня вечером и сыграем в шахматы, – улыбнулся Эмиль и крепко пожал Эдвину ладонь.

– Ты же опять меня прилюдно обставишь. Я все-таки начальство теперь, мне нужно сохранять статус мудрого и про-

зорливого руководителя, а с тобой позора не оберешься. – Эдвин взглянул на Эмиля искоса, хитро прищурившись. – Хотя ты мог поглупеть за то время, пока мы не играли. Грех не воспользоваться таким удачным случаем и не взять реванш... Решено! Жди сегодня вечером у стерео, непременно «приду», сыграем и посмотрим, на чьей стороне будет победа в этот раз.

– По рукам! – воскликнул Эмиль. – Ловлю на слове!

И друзья капитаны еще раз дружески пожали друг другу руки и разошлись по своим делам.

При входе в Чернильную туманность решено было разделиться для уточнения звездных карт. Основная часть экспедиции осталась на командном корабле, который шел на средней скорости по маршруту, выверенному до мельчайших подробностей. Остальные три корабля со своими капитанами и минимальным экипажем разлетелись в разные стороны на предельных скоростях, пытаясь расширить границы знаний об окрестностях данного мира. Договорились встретиться через сорок восемь часов и связываться каждые два часа.

Первые сутки прошли без всяких сенсаций и сюрпризов. Разведывательные корабли регулярно передавали на командное судно уточняющую информацию. Вторые же сутки ознаменовались неожиданным появлением на сканере неопознанного объекта, который с самого начала показался бесплотным и призрачным, да и проявился как-то очень

неожиданно и почти параллельно по курсу. После короткого наблюдения за объектом и прицельного анализа его параметров, не осталось никаких сомнений, что это «местный» звездолет. Вероятно, на его борту тоже заметили землян и теперь пребывали в молчаливом замешательстве.

Меж тем земляне отреагировали по инструкции. Вахтенный пилот сейчас же активировал щит на полную мощность, сбавил скорость, передал краткий оповестительный сигнал и вызвал команду. По «универсуму» была глубокая ночь, и сигнал тревоги поднял начальника и большинство других участников экспедиции из постели, но не прошло и трех минут, как капитан Юрас и вся навигационная команда, немного взъерошенные спросонья, были в рубке на своих штатных местах. Чужаки тоже не бездействовали: начав маневр торможения, вдруг исчезли со сканеров совсем, оставив от себя только высчитанную компьютером траекторию движения.

В рубке «Упрямца» воцарилось тревожное молчание. Чужой корабль, только что сближавшийся с землянами, испарился точно мираж. Но реальное наличие этого загадочного «миража» был документально подтверждено корабельным компьютером. Напряжение все возрастало, пока чувствительнейшие датчики, буквально обшаривающие пространство, наконец не засекали коконообразное искривление, соответствующее вычисленной ранее траектории движения чужого корабля.

Капитан тут же приказал повторить сигнал оповеститель-

ного «приветствия». Чужой опять не ответил, хотя, судя по датчикам «наполненности» пространства находился уже совсем рядом.

«Звездолет – призрак. Что-то подобное было два года назад. С такой хорошей маскировкой и впрямь легко остаться незамеченным, особенно в такой относительно тихой и пустынной провинции, как окрестности Земли, – подумал Эдвин Юрас, следя за примерным силуэтом чужого корабля, плавнодвигающимся по виртуальному пространству космической пустоты. – Помнится, Алекси говорил на ученом совете как раз про такие одиночные затемненные корабли, которые используются астрами как пиратские. Ну и выразился же он! Так и сказал: «пираты»! Далеко не каждый сейчас поймет, кто это такие. Термин старинный, чтобы найти ему определение, нужно хорошенько порыться в информационных источниках того отдаленного периода, когда люди Содружества еще были размежеваны по «племенному» признаку, а их общности были настолько несовершенны в социальном и экономическом устройстве, что вынуждены были бесконечно конфликтовать между собой по специально выдуманному поводам. Эмиль достаточно подробно поведал тогда о своем пребывании на таком пиратском корабле и нравах, царящих в его коллективе. Рассказ был подкреплен сканогаммой его памяти, которая была похожа скорее на кошмар, порожденный больным воображением сумасшедшего любителя узкоспециализированной исторической литерату-

ры о всяких там зверствах и издевательствах. Судя по всему, насилие и даже убийство для членов экипажа такого корабля вовсе не является чем-то из ряда вон выходящим, а наоборот, они относятся к данным ужасающим действиям так же по-будничному спокойно, как, например, к принятию пищи. «Они убивают так же легко, как другие, подобные им, могут расправиться с ними, потому что в этом мире насилие и даже его крайнее проявление – убийство в обыденном порядке вещей» – сказал тогда Алекси. Из всего этого логический вывод: нужно быть готовым к любым неприятным поворотам».

Тут Эдвин посмотрел на индикаторы «щита» (внешняя защита была активирована полностью) и сказал:

– Вызывайте, пока не ответят.

Однако это указание осталось без исполнения, ибо ответ «поступил». На экране вдруг отчетливо проявился корпус чужого корабля, озаренный яркими вспышками, «Упрямец» слабо встряхнуло, уровень энергии его «щита» одномоментно упал процентов на десять, но тут же восстановился. Бортовой компьютер, уже разобравшийся в ситуации, спешно выдавал какую-то информацию, но на него пока не обращали внимания. Все взору были обращены на экран живого обзора: там развернулось во всей своей грозной красе магически завораживающее зрелище. Среди черного многоглазого космоса вспыхнула и засияла цветными переливами стремительная комета.

– Что это? – спросил один из пилотов. – Откуда она взя-

лась?

После полуминутного молчания и изучения информации, выданной компьютером, капитан Юрас ответил, четко и громко выговаривая каждое слово:

– Чужой корабль дал по нам прицельный залп. Энергетический заряд, отраженный от нашего «щита», рикошетом ушел обратно в ту сторону, откуда был пущен, а затормозившийся чужак не успел сманеврировать и увернуться от своего же удара. Его задело по обшивке, об этом свидетельствует видимое свечение...

– Там же люди! Нужно немедленно спасти этих несчастных! – воскликнул штурман и замолк, глядя на капитана.

– Выслать спасательную команду, – отдал приказ капитан, в этот момент он был, как никогда, хладнокровен и уравновешен. Долг обязывал его не поддаваться эмоциям и мыслить спокойно и рационально.

Итак, контакт с астрами должен состояться прямо сейчас, конечно, если они остались живы. Как начальник экспедиции капитан Юрас не имел права на ошибки и промахи.

«Вот только жаль, что Эмиля сейчас здесь нет. Он бы помог разобраться в деталях. Он знает, как вести себя с этими людьми, и предчувствует, чего они хотят и на что способны, – пронеслось в его мозгу. – Ну, ничего, мы готовы к встрече, какой бы она ни была странной и неожиданной».

Спасено было одиннадцать человек, среди них одна бе-

ременная женщина. Когда спасенных доставили на «Упрямец», все они находились в шоковом состоянии. Хорошо, что земляне подоспели вовремя и успели облачить уже потерявших сознание беспомощных людей в спасательные декомпрессионные емкости до того как в смертельно поврежденный и утративший герметичность корабль вселилась ледяная космическая пустота.

Спасательная операция была завершена, чужой корабль покинут, и врачи уже приступили к осмотру пострадавших в медицинском боксе, когда датчики зафиксировали взрыв двигателя чужака.

Четверо астров были тяжело ранены, и врачи сразу занялись спасением их жизней. Остальные же во время атаки находились в отдаленных от эпицентра поражения местах, отделались легкими травмами, полученными при падении, и временной потерей сознания. Корабельного журнала найдено не было ни в каком виде, поэтому земляне не знали, все ли обитатели чужого корабля спасены или только часть.

Первым очнулся кареглазый мужчина с очень мужественным и красивым, но, пожалуй, слишком холодно-резким лицом. Вероятно, это был сам капитан чужого судна (судя по его куртке с нашивками и эмблемами, очень напоминающей земной капитанский китель старинного образца). Он упорно молчал, не задавая вопросов и не отвечая на приветствия, и довольно долго даже не глядел на землян впрямую, всем своим видом демонстрируя отчужденность и враждебность.

Потом очнулась беременная женщина (к счастью, она почти совсем не пострадала: только локти слегка поцарапала и ноготь сломала). Она напротив сразу спросила:

– Где я? Где все остальные?

Получив на свои вопросы исчерпывающие вежливые ответы, она почему-то испугалась и даже заплакала.

Вскоре очнулись и все остальные, за исключением тяжелораненых. Вели они себя по-разному, но у всех были заметны страх и скрытая враждебность. Поэтому начальник экспедиции принял решение немедленно, как только представится первая же возможность после необходимых медицинских процедур, поговорить с астрами и рассеять их страхи и сомнения, а также уверить их в том, что им никто не желает зла, и земляне настроены к ним мирно и дружелюбно.

Сэр Рич сидел в отведенной для него каюте и осматривал и чистил свой потайной пистолет. Он пребывал в хмуром и злом отчаянии, ибо понимал, что потерял своего «Звездного волка» навсегда, и это расстраивало его неизмеримо сильнее, чем-то обстоятельство, что погибли трое членов его экипажа. Погруженный в тяжкие раздумья, он даже не заметил, как тихо вошла через бесшумную дверь Кошечка и остановилась, опираясь на зеркальную поверхность стены.

– К чему-то готовишься? – спросила она.

Сэр Рич обернулся. Лицо его стало на секунду испуганным, и он спрятал пистолет за спину:

– Проваливай в свою каюту! Черт тебя принес, дорогая. Лучше пока убирайся и не мешай мне. – Голос Рича был недовольным до шипения.

– Я знаю, ты что-то затеваешь! – Кошечка сложила руки на груди. – Но ведь эти люди спасли тебя, меня и почти всю команду, хотя с полным правом могли просто оставить умирать. Они очень по-доброму с нами обращаются, предоставили полную свободу на своем корабле, они почтительны. . .

– Почтительны, говоришь. – Сэр Рич перешел на тревожный шепот. – Да, все верно. Они все такие почтительные, любезные и добренькие, что аж оторопь берет. Но меня не проведешь! Мы здесь все равно пленники! И земляшки не замедлят разделаться с нами, когда наступит в этом необходимость.

– Но ведь их начальник заверил, что нас доставят на планету, на которую мы пожелаем, и что мы являемся на их корабле желанными гостями, – возразила Кошечка.

– Тише ты! Не привлекай внимание своими воплями, – шикнул на нее Рич. – Они строят из себя вселенских миролюбцев, а на самом деле мы лишь мелкая разменная карта в их крупной игре. Ты глупа, Кошечка, как новорожденный младенец! Ты так наивна, что даже жаждешь родить себе ребенка. И от кого! От такого же проходимца, как эти подхалимы и мнимые святоши. Ах, почему я узнал об этом так поздно, что нельзя уже было обратиться ни к какому врачу! Все вы, бабы, безрассудны и скрытны донельзя! Ну, ничего, как

только мы выберемся из этой переделки, и ты родишь, плод твоей безумной прихоти долго не заживется на этом свете!

– Нет, теперь-то уж ты ему не повредишь! – Кошечка произнесла это очень громко, почти крикнула. – Я расскажу землянам, от кого жду дитя, и тебе больше не удастся так надомной издеваться! Они не позволят, они оградят меня от твоих посягательств!

– Что? – Лицо Рича скривилось от бешеного негодования, но потом вдруг издевательски заухмылялось. – В таком случае тебе придется рассказать и о том, как ты безжалостно бил своего возлюбленного вот этой милой ножкой в сапожке со стальной набоечкой на глазах у всего экипажа «Звездного волка» в аккурат после того, как он самоотверженно содействовал твоим интригам. Думаю, также придется поведать, что ты «спасла» своего миленького с моего корабля только для того, чтобы тут же отправить на ядовитый рудник в качестве невольника, и в дальнейшем частенько лично приказывала «награждать» за преданность и трудолюбие хорошей плетью вдоль и поперек спины...

– Но ты был гораздо более жесток к пленному! Ты не только издевался, но и хотел вообще его казнить, хотя он спас нас из магнитной ловушки. Это именно ты отдал приказ стрелять по патрульным катерам Земли тогда. И именно ты принял решение открыть огонь по этому земному кораблю, тем самым погубив свой звездолет!

Рич выслушал ее, ухмыляясь по-прежнему:

– И ты, конечно, ощущаешь себя агнцем божьим по сравнению со мной. Ты наивно думаешь, что земляне будут детально разбираться в том, кто здесь плохой, а кто – не очень. Но единственный свидетель, который мог бы и, самое главное, пожелал бы внести ясность в наши с тобой дела, слава Богу, никогда уже не вмешается и не заговорит ни в обвинение, ни в оправдание. И это, несомненно, к лучшему. Иначе земляшки расправились бы с ними сразу же, как только в деталях узнали, кто мы и во что вмешаны. Так что лучше попрочнее забудь про своего ублюдочного любовника и возблаговари Бога за то, что нашим «хозяевам» не вспомнился неприятный инцидент двухгодичной давности на их «поле» и нас не идентифицировали как матерых «обидчиков» Земли. Запомни: мы ничего не знаем о землянах и их пространствах, никогда ничего о них не слышали, столкнулись и ними в первый раз и, вообще, пролетали здесь совершенно случайно, изменив курс из-за плотного метеоритного потока. Выстрел же по ним был роковой случайностью – наш бортовой компьютер оказался неисправным и ошибочно опознал их, как пиратов... Если спросят, отвечай, как я сказал, иначе земляшки оставят свою показную галантность и заставят заплатить за все разом. А пока... – Рич сунул пистолет в сапог и притянул Кошечку к себе. – А пока ты моя беременная женушка, любимая и неповторимая... Веди себя непринужденно и спокойно. Эти олухи пока ничего не подозревают. Они так доверчивы и беспечны... Пока что будем

изображать милую семейную пару в кругу преданной корабельной команды соотечественников, а там я придумаю, как завладеть этим прекрасным кораблем.

– И ты собираешься захватить этот звездолет? – Кошечка сказала это шепотом, хотя была полна искреннего негодования. – Ну что они тебе сделали? Они так добры... Милые, предупредительные, лечат наших раненых... И ни у кого из них я не видела оружия...

– И это отлично, дорогая, хотя вряд ли у них совсем нет оружия. Очевидно, оно просто хорошенько припрятано. А потом, неизвестно, какими они станут милыми, когда им придется столкнуться с крейсерами Федерации, к границе которой мы, судя по всему, очень быстро приближаемся. Они владеют чудесным кораблем – легким, маневренным, сказочно быстроходным. Грехом было бы не воспользоваться даже малейшей возможностью и не позаимствовать его у этих дураков, чтобы он послужил нам и нашим детям.

Сэр Рич посадил Кошечку на свои колени и мечтательно поднял глаза к потолку.

– Но если тебе действительно удастся захватить корабль, что ты сделаешь с его экипажем и пассажирами, этими симпатичными и вежливыми людьми, у которых на лицах написано, что они не желают никому ничего дурного? – прошептала Кошечка.

– Знаешь, у твоего хитрого и изворотливого шпиона-любовника на роже была та же надпись. Видно, у них это обще-

принятая мина.

– Он вовсе не был шпионом, он был просто умен, силен и ловок, – орызнулась Кошечка.

– Если все земляшки на борту окажутся такими же ловкачами, то у меня просто не будет другого выхода, как уничтожить их сразу, без промедления. Ноне я уже ученый. Впрочем, женщин можно пощадить, ведь они такие красивые и приветливые... – Рич снова мечтательно уставился в потолок. – Особенно мне понравилась та черноволосая, которая суежилась в медблоке. Роскошная краля, правда? – Он глянул Кошечке в глаза и подмигнул.

– Тебе не удастся возбудить во мне ревность. – Кошечка презрительно хмыкнула и демонстративно отвернулась. – Мечтай себе о небесных сухарях, сколько хочешь. Мне это без разницы. Все, что ты сейчас сказал, всего лишь пустая болтовня. Ты не посмеешь, да и не сможешь осуществить на деле свои на словах смелые, но в сущности подлые и низкие мечтания.

– Посмотрим, Киска. Только, клянусь всеми чертями, если ты посмеешь мне мешать, то... – Сэр Рич ссадил ее со своих колен, нагнулся и похлопал по сапогу, где прятал пистолет. – Не буду объяснять еще раз, что мы с тобой крепко повязаны одной веревочкой, и эту веревочку тебе не порвать, как ни старайся, а будешь опрометчиво пытаться, сама же и задушишься.

– Да пошел ты со своими угрозами! – Кошечка поморщи-

лась.

– Кстати, если ты будешь вести себя паинькой, мы с тобой конечно же оставим при себе твоего еще неродившегося ублюдка. – Рич оскалился в брезгливой улыбке. – Мне, пожалуй, будет даже приятно осознавать, что сын твоего земляшки, который был, как ты говоришь, не простых, а, скорее всего, благородных кровей, будет ползать передо мной на карачках, целуя мои сапоги. Если он пойдет в отца, то это очень даже хорошо. Больше ни у кого не будет такого преданного, умного и безропотно-терпеливого слуги! Он будет нас просто боготворить, особенно тебя, дорогая! Конечно же это произойдет только при правильном воспитании, но об этом уж я позабочусь с полной ответственностью, милая моя, врожденную гордыню и упрямство я задушу в нем в самом зачатке! Ну а если это вдруг будет девочка, тогда... – Он даже причмокнул.

– Ну и подонок же ты! – Кошечка в сердцах плюнула. – И нужно же мне тебя закладывать! Но помощи от меня в своих грязных делах не жди! Не дожدهшься!

Она развернулась и сделала шаг к двери, которая тут же услужливо открылась перед ней. Шаги ее совсем не отдавались – полы и в каюте и в коридоре были покрыты чуть ворсистым мягким пластиком.

Сэр Рич пронаблюдал, как мягко закрывается за ней дверь, потом вынул из кармана пачку с сигаретами и закурил, раскинувшись в мягком, красивом и ужасно удобном кресле,

задрав обе ноги на безупречно поблескивающий полировкой стол. Он курил и созерцал обстановку каюты, казавшуюся просто фантастически роскошной. Его даже слегка потряхивало от зависти и черной злобы на весь свет. Да! На весь свет, а не только на проклятых земляшек! Даже Кошка, которую он всегда так любил и обращался с ней ни дать ни взять как с потомственной принцессой, и та не желает его понять! А от этого ублюдка она даже захотела родить ребенка!

– Тебе-то я могу признаться, – сказал Рич своему отражению в зеркальном простенке. – Что отработал бы ради нее на рудниках ни какие-то три месяца, а, пожалуй, целый год. И чем я плох для нее? – Он повертел головой, присматриваясь к своему отражению с разных ракурсов, потом встал из кресла и принял красивую позу, при которой были видны его напрягшиеся мускулы. – Ведь ей всегда нравились такие парни, как я. Она даже сама однажды сказала, что я самый лучший мужчина, которого она только видела, и что о таком, как я, можно только мечтать. Правда, это было до ее знакомства с земляшкой...

Сигарета погасла, докуренная до фильтра, и он со злостью выплюнул ее и, опять плюхнувшись в кресло, закурил другую:

– Опять обозвала меня поддонком! Почувствовала, что я ей ничего не могу сейчас сделать! Земляшки – враги для нее теперь что братья родненькие, а я, значит, опять грязный подонок. Сразу же тактику поменяла, хитрая Кошка! – Рич

нервно стряхнул пепел на пол. – Как бы не начала трепать о наших прошлых делах, баба проклятая!

Он наклонился и пощупал пистолет в сапоге. Мгновенная мысль об убийстве молнией пронзила его мозг, но он тут же отмахнулся от нее.

– Не будь сопляком, капитан! – сказал он сам себе беззвучно. – Нет, зачем мне ее убивать, особенно сейчас. Если я это сделаю, то одним махом сорву все свои планы и потом сильно пожалею. Ведь такой женщины, как упрямая Кошка, мне больше вовек не сыскать! Ничего, как только я успешно проверну «операцию», все повернет на круги своя. Такие умные женщины, как она, только кажутся легкомысленными и бескорыстными, а на самом деле глубоко расчетливы и практичны. Они любят силу и, разумеется, выбирают сильнейших. Как только корабль будет в моих руках, ее отношение ко мне сразу же переменится в лучшую сторону. Вряд ли тогда она вздумает обзывать, скорее принесет прямо в рубку и подаст мне фарфоровую чашечку шоколада с коньяком на серебряном подносике и, нежно и многообещающе заглянув мне в глаза, сядет в соседнее кресло. В глубине души ей приятно общаться со мной и сейчас, она осознает, что никто более не простил бы ей того, на что я закрыл глаза. Мы действительно очень подходим друг другу, мы – идеальная пара. Она конечно же не выдаст, нет, она ведь прекрасно понимает, что любое лишнее слово обернется против нее...

Сэр Рич почти успокоился и закурил третью сигарету. Со-

стояние нервозности и злости постепенно отходило в прошлое. Мозг уже работал совсем в ином направлении: он продумывал план, действуя по которому возможно было захватить желанный корабль.

На совместный «завтрак» собрались все свободные от вахты земляне. Пожаловали и астры, правда, после настоящего приглашения. Они держались кучкой рядом со своим капитаном, и только женщина пожаловала чуть позже и не со всеми, робко ступая за ласково уговаривающей ее землянкой. Земляне приветствовали астров галантными кивками, похожими на плавные полупоклоны, веселым перешептыванием между собой и открытыми улыбками. Когда все сели за обещанный стол, симпатичные, порхающие над столом как бабочки роботы ловко подали завтрак. Стол был сервирован по всем правилам хорошего тона, еда была вкусная и красивая, но Кошечка плохо ела, несмотря на подбадривающее щебетание севшей рядом улыбающейся Доминики (по дороге к столовой она все же осмелилась перемолвиться парой фраз с опекающей ее землянкой, узнав ее имя). Она все пыталась искоса наблюдать за Ричем, но это ей не очень хорошо удавалось.

В самый разгар завтрака в столовой вошел вахтенный пилот и доложил начальнику экспедиции:

– Прибыл капитан Алекси.

– И что это он так рано? – Шепотом «удивилась» Доми-

ника. – Наверное, уже все звезды переписал, как было поручено.

– Пусть идет к нам завтракать, – сказал совершенно попросту начальник, улыбаясь. – Только он что-то рановато явился. Договаривались ведь к обеду.

– Он просил передать, что преждевременно развернул корабль, не в силах побороть любопытство, уж так сильно захотелось ему увидеть наших гостей своими глазами, – пожал плечами вахтенный, тоже улыбаясь, и без дальнейших церемоний покинул столовую.

Кошечка, внимательно наблюдавшая эту сцену, даже жевать перестала.

– Ох уж этот капитан Алекси! – шепнула ей Доменика. – Большой оригинал и претличный товарищ. По мне, так это вообще самый достойный внимания парень в нашей компании...

– Вы все кажетесь мне очень достойными, наконец решилась шепнуть Кошечка в ответ. – А вам, наверное, этот капитан Алекси очень нравится?

– Ага, – еще тише прошептала Доминика. – Может быть, он поначалу покажется вам слишком строгим и серьезным, на самом же деле он романтичный и мечтательный, только на службе этого не показывает. На досуге он увлекается историей, книги старинные читает прямо в оригинале. А еще у него редкое для людей его профессии хобби: представляет, ботаникой увлекается, цветы выращивает прямо на корабле.

Недавно он разговаривал с Юрасом по стерео, а на столе у него была во-от такая белая лилия! – Она показала размеры цветка руками, чуть не сбросив со стола тарелку.

Кошечка уронила вилку и на секунду зажмурилась, образ пленного землянина мелькнул перед ней сладкой и мучительной грезой.

– Что случилось? – заволновалась Доминика. – Вы почувствовали себя плохо?

– Нет, что вы! – Кошечка уже опомнилась, хотя ей по-прежнему очень хотелось разрыдаться. – Все отлично, все в полном порядке.

– Вы не стесняйтесь, у нас есть хороший врач, – благожелательно заверила Доминика.

– Спасибо. – Кошечка старалась не показывать своего состояния. – Все было очень вкусно. Но у меня что-то закружилась голова. Это со мной теперь довольно часто бывает. Наверное, мне лучше уйти в каюту и прилечь.

– Я провожу вас. – Доминика уже почти встала.

– Не стоит беспокоиться, – вдруг резко произнес сэр Рич. – Я сам провожу свою жену.

Он тут же вскочил из-за стола, взял Кошечку под руку, и они вышли в коридор. Там было пусто.

– Что это с тобой? – спросил Рич, заглядывая Кошечке в глаза. – Действительно голова закружилась или чего-нибудь задумала?

– Этот капитан Алекси... Мне землянка сказала... ста-

ринные книги и цветы... – Кошечка закрыла лицо руками и беззвучно заплакала.

– Да что такое? – Рич властно встряхнул женщину за плечи. – Говори, если начала!

– Ничего, просто вспомнила... – Кошечка вытерла слезы ладонями. – Старинные книги и цветы... И он тоже капитан звездолета...

– Не темни! – Рич мигом расшвырялся. – Твой слякотный лепет меня настораживает.

– Я опять вспомнила бедного Эмиля. Он тоже любил старинные книги и выращивал цветы... – Кошечка отняла руки от лица, но глаза продолжали невольно плакать.

– Сейчас же прекрати истерику! И думать о нем больше не смей! – Рич ударил ее по лицу и, схватив за шиворот, еще раз встряхнул: – Или пулю захотела?

– Оставь ее, бандит!

Эти резкие слова стали для Рича совершеннейшей неожиданностью. Он даже как будто невольно съежился, выпустив Кошечку, и замер, закрывая женщину от неожиданного защитника торсом.

– Приветствую вас на нашей территории, господа, – опять раздался громкий и знакомый до полной невероятности голос. – Видно, нашим дорожкам опять суждено пересечься, но теперь явно не в вашу пользу, господин капитан.

Рич, наконец, обернулся. Его лицо в один миг побледнело, рот перекосялся, а глаза округлились и выпучились. Он стал

медленно присесть, и его рука потянулась вниз к сапогу.

– Вижу, что вы, капитан Ричардсон, неприятно удивлены моим появлением. Только не надо наклоняться за оружием, – предупредил все тот же голос, и Кошечка, наконец, увидела того, кто так сильно перепугал своим появлением Рича.

И тут вдруг открылась дверь, и в проеме показались капитан Юрас и Доминика.

– Алекси, почему не заходишь и пугаешь тут наших гостей? – спросил Эдвин.

– У тебя такой грозный вид! – с улыбкой добавила Доминика, шагнув в коридор.

Рич тут же воспользовавшись замешательством, выхватил пистолет из сапога.

– Берегись! – только и успел крикнуть Алекси.

Юрас, мгновенно сориентировавшись, схватил девушку за руку, прикрывая собой и вталкивая обратно – внутрь столовой. Тут раздался выстрел, и начальник землян с пробитым плечом тоже скрылся за дверью.

Кошечка застыла с широко раскрытыми глазами, с трудом осознавая происходящее. Совсем было приблизившийся капитан Алекси отступил на шаг, прислонившись к стене коридора, и замер так неподвижно. Сэр Рич с остервенением, граничащим с бешенством, стал стрелять в грудь землянина. Было хорошо заметно, как достигшие цели пули одна за другой оставляют следы, пронизывая ткань кителя, но Алекси

все не падал, не сползал вниз.

Наконец у Рича кончились патроны, и пистолет стал совершенно бесполезен. Рич бросил его, затравленно оглядываясь и лихорадочно соображая, что делать дальше, как вдруг расстрелянный в упор землянин с легкостью оторвался от стены и, по-хозяйски скрестив руки на «изрешеченной» груди, спокойно, даже иронично сказал:

– Волка узнают по зубам – так гласит старинная земная поговорка, капитан Ричардсон. Вы уже показали себя во всей красе. Не пора ли успокоиться?

– Когда же ты сдохнешь, мразь?! – вырвалось у Рича, но слова напоминали скорее звериное рычание, а не человеческую речь.

Он ринулся в рукопашный бой. Но прежде чем он успел коснуться землянина, капитан Алекси что-то выхватил из кармана и направил в сторону обезумевшего врага. Сэр Рич на мгновение замер в неестественной позе, как будто с размаху ударившись о невидимую стену, и рухнул на пол.

– Он мертв? – как во сне произнесла Кошечка, глядя на распростертое на полу тело.

– Нет, леди Лилия, он всего лишь спит, – ответил капитан Алекси. – Неужели вы до сих пор не узнали меня? Я – Эмиль... Святоша... Вспомнили?

– Эмиль... живой... – прошептала Кошечка.

Тут силы оставили ее, и она потеряла сознание, упав на руки успешного подхватить ее землянина.

Кошечка очнулась уже в каюте. Вокруг нее хлопотали Доминика и еще другая землянка – вероятно, корабельная докторша. Увидев, что Кошечка пришла в себя, она удовлетворенно улыбнулась и исчезла за дверью. Доминика же присела на край кровати и ласково произнесла:

– Вы очнулись, вот и хорошо! А то мы так волновались за вас!

– Я, кажется, потеряла сознание. Мне очень неловко, что доставила вам столько беспокойства. – Кошечка облизнула пересохшие губы и рванулась подняться.

– Лежите, лежите! – Доминика мягко остановила ее. – Вы, наверное, хотите пить? Могу предложить фруктовый тоник. – Она взяла с тумбочки изящный стаканчик с жемчужной жидкостью и приложила к Кошечкиному рту эластичную трубочку. – Доктор посоветовала вам употреблять в пищу побольше свежих фруктов и напитков из них. Это будет очень полезно для вас и ребенка, которого вы носите. И еще врач считает, что вам нужно постараться как можно меньше волноваться.

– Да-да. Я понимаю, что нужно постараться меньше волноваться, – рассеянно прошептала Кошечка, сделав несколько глотков. – Иначе я могу навредить своему ребенку. Вы очень добры ко мне, леди Доминика. Спасибо вам.

– Если я вдруг понадобится, то просто нажмите вот на эту кнопочку, и я сейчас же приду. А теперь отдохните и ни о

чем не беспокойтесь. Я приглушу свет. – Доминика покинула край кровати и отправилась к двери.

– Погодите! – Кошечка приподняла голову с подушки. – Скажите, что с моим мужем?

Доминика обернулась:

– Капитан Ричардсон спит в соседней каюте. С ним все хорошо, уверяю вас. Только состояние аффекта пришлось подавить снотворным препаратом. Надеюсь, что когда он проснется через несколько часов, то уже не будет таким невменяемо агрессивным и навестит вас. Да, чуть не забыла, капитан Эмилио Алекси просит прощения за допущенную нетактичность по отношению к вам и вашему мужу. Он очень удручен случившимся инцидентом...

– Капитан Эмилио Алекси? – Голос Кошечки дрогнул. – Что с ним? Он серьезно ранен? Мне так жаль...

– И ним не случилось ничего страшного, даже не переживайте. – Доминика улыбнулась. – Он такой хитрец, наш Алекси, и, оказывается, был в защитном костюме. Иногда мне кажется, что он каким-то образом рассчитывает все кажущиеся нам неожиданными вероятности и целенаправленно к ним готовится. А вот нашему начальнику не повезло...

– Неужели он...? – Кошечка испуганно посмотрела на Доминику, ведь она знала, что пули Рича были отравлены.

– Нет, ничего особенно плохого с ним не случилось, и вам не стоит принимать это так близко к сердцу, – тут же заверила Доминика, заметив ее искреннее смятение. – Но рана

его значительно ослабила – в пуле оказался сильный яд, и, пока его полностью нейтрализовали, капитан Юрас потерял много сил. Теперь, после уже завершённого экстренного лечения ему еще несколько суток придется проходить восстановительные процедуры.

– Слава тебе, Господи! – с облегчением вздохнула Кошечка и поудобнее расположилась на подушке.

– Ну, так я пойду. Отдыхайте. – Доминика опять шагнула к двери.

– Еще полминутки и один маленький вопрос. – Кошечка снова напряглась и приподняла голову. – А капитан Эмилио Алекси не интересовался мной, пока я была в обмороке? Может быть, он желал говорить со мной?

– Нет, он только прямо на месте распорядился насчет вашего мужа, а потом отнес вас сюда, позвал доктора и, попросив меня передать извинения, когда вы очнетесь, немедленно отбыл обратно на свой звездолет. Сейчас он очень занят, ведь теперь ему придется некоторое время исполнять обязанности начальника экспедиции и возглавлять нашу миссию.

– Тогда передайте ему... Нет, не надо его беспокоить по таким пустякам. Значит, теперь он стал главным... – Кошечка опять откинулась на подушку.

Доминика вышла, дверь за ней бесшумно закрылась, и в каюте воцарилась уютная тишина. Удобное и красивое «домашнее» убранство каюты, приглушенное освещение, пол-

ное отсутствие несвежих запахов, малейшей грязи и гудения кондиционера было очень приятным, но до сих пор таким чужим и непривычным, что не успокаивали, а, наоборот, будоражили. Нахлынувшие воспоминания, вкупе с потрясением неожиданной встречи и страхом неопределенности, не давали ей уснуть. Она ворочалась и взбивала и без того удобную и мягкую подушку, пытаясь отогнать мучающие сознание и тревожащие разум мысли. В конце концов она опять позвала Доминику и попросила дать ей что-нибудь успокоительное. Землянка же вместо таблеток предложила приборчик, который назвала «релаксатор». Он по виду напоминал небольшое насекомое, точнее, ювелирное изделие в виде жука, которое нужно было посадить на мочку уха, и которое само настраивалось на нужные частоты и издавало слышную только «хозяину» волну, приятно успокаивающую и расслабляющую. Только после использования этого устройства Кошечке удалось наконец забыться глубоким и спокойным сном без кошмаров и вообще без сновидений.

Сэр Рич действительно навестил Кошечку. Сделал он это сразу же по ее пробуждении и окончании завтрака (совсем измученная бурными и практически одновременными событиями, она проспала почти круглые сутки и ела в обществе Доминики прямо в каюте-спальне).

Он сидел напротив нее в кресле и нервно докуривал предпоследнюю сигарету. Он был какой-то слишком аккуратно

причесанный и свежий. Китель его блистал просто неестественной чистотой и разглаженностью малейших морщинок. Наконец Рич бросил окурочок в стакан с недопитым тоником и сказал, задумчиво разглядывая последнюю в пачке сигарету:

– Представляешь, у этих ублюдков не водится сигарет. Похоже, что все они даже не представляют, что такое сигареты, да и курево вообще! И выпить у них тоже совершенно нечего. Это же просто какой-то кошмар! Я тут «прижал» своего «опекуна» по дороге в столовую и даже подробно изложил формулу нужного напитка, так он только улыбнулся и с издевательским недоумением спросил: «Вы серьезно намерены отравиться, или просто так шутите?». – Он дунул в тоник, и окурочок закружился в розовой жидкости. – Ты знаешь, Кошечка, мне иногда кажется, что все это бредовый сон. Я тут, когда только проснулся, хотел было ухватить за заднее место ихнюю врачиху чтобы немножко побеседовать «по душам», так этот амбал, которого ко мне приставили, так меня «шутя» одернул, что до сих пор руки немеют. А потом как ни в чем не бывало улыбнулся и ласково проворковал: «Простите, сэр, но так у нас нельзя, ведь ей может не понравиться». И еще объявился на нашу невезучую голову твой бывший любовничек. Оказывается, земляшки все отлично знали про нас, только молчали...

– Не старайся меня разжалобить. – Кошечка поправила волосы. – Я так рада, что Эмиль жив. Теперь мы непременно встретимся, и я расскажу ему, что буду матерью его ребенка,

что до сих пор люблю его...

– Дура! – Сэр Рич усмехнулся. – Неужели ты думаешь, что все еще нужна ему? По-моему, так ему совершенно на тебя наплевать, ведь он до сих пор не пожелал даже мельком повидаться с тобой и вообще, по моим сведениям, отчалил на свой корабль сразу же после «инцидента».

– Доминика сказала мне, что он принял командование экспедицией вместо капитана Юраса, которого ты подстрелил.

– Он принял командование над этими простаками? Так вот откуда ветер подул! Теперь мы все в его безраздельной власти, и никто равным счетом его не остановит. Он сделает с нами все, что захочет... Черт бы его побрал! – Рич с неожиданным ожесточением грохнул обоими кулаками по столу так, что стакан упал и покатился по полу. – Почему? За какие отличия? Все, что ни сделаешь, приходится ему во благо! Получается, что я собственными руками расчистил ему дорожку к повышению, а ведь голова у него не такая светло-наивная, как у остальных олухов. Думаю, сидит он сейчас и припоминает все, что случилось с ним на «Звездном волке» (вечная ему память, хороший был корабль), а потом и у тебя на Джорджии... И ладошки потирает в предвкушении мести...

– Признайся, ты очень боишься? – Кошечка пристально взглянула Ричу в лицо.

Мужчина только гневно сверкнул глазами и отпустил

взгляд:

– Да, боюсь. И еще я страшно завидую твоему земляшке. Он – редкостный везунчик! И ведь в этом везении в конечном счете повинна ты! – Неожиданно тон Рича из рассерженного превратился в ласково-заискивающий: – Ты, Кошка! Ты, и только ты! Ты избавила его от неминуемой смерти еще на «Звездном волке», выклянчив его под шумок под свое крылышко. А потом вытащила с рудника, обласкала, приблизила к себе... Ему все время везло с твоей легкой руки, Киска! Только с твоей! Ты была его добрым ангелом, Киска. Правда, у вас с ним были некоторые разногласия и конфликты, иногда ты была несдержанной и обижала его. Но это по большому счету мелочи. Он конечно же пощадит тебя! Он и пальцем тебя не тронет. Сейчас ты гораздо дальше от края могилы, чем я и все мои люди. В нашей игре ты единственная, кто по иронии судьбы приберег козыри, и козыри неплохие. Кстати, у земляшек, по-моему, вообще принято раболепие перед женским полом.

В этот момент раздался мелодичный дверной сигнал.

– Входи! – по привычке громко крикнула Кошечка и, смутившись, опустила голову.

Дверь открылась. В проеме стояла Доминика.

– Я, похоже, не вовремя. Извините, – улыбнулась она.

– Нет-нет. Все хорошо. Заходите, – заверила Кошечка, все еще смущаясь.

– Да я, собственно, всего на полминутки. Передать вам за-

писку. – Доминика еще раз улыбнулась и протянула Кошечке крохотный диск. – Не буду вам мешать. Еще раз извините. – И она исчезла за дверью.

– Смешно, ей-богу! Тюремщик деликатно стучится в камеру к арестанту и вежливо спрашивает, не помешал ли его приход. – Рич усмехнулся, но Кошечка заметила, что за этой усмешкой скрывается замешательство и отнюдь не праздное любопытство. – И от кого же записочка, позвольте узнать? Уж не первое ли любовное свидание назначает тебе кто-нибудь из земляшек?

– А это уже не твое дело. – Кошечка хмыкнула и спрятала диск в нагрудный карман.

– Ошибаешься. – Рич вдруг резко вскочил, и Кошечка не успела опомниться, как диск был в его руках.

– Отдай! – взвизгнула она и вцепилась в его локоть, но Рич, не обращая на нее никакого внимания, продолжал рассматривать вещь.

– Сейчас же отдай! Не то я позову землян! – Лицо Кошечки приняло решительное выражение, и она отпустила его руку.

– Ладно, не кипятись. – Сэр Рич протянул ей диск. – Забирай. Было бы из-за чего психовать! Я пошел к себе, Киска. Я уйду, отдохай. Надеюсь, ты не забудешь обо мне, моя дорогая.

Кошечка схватила вещицу. И, зажав в ладони, демонстративно отвернулась от него. Рич смотрел на нее сверху вниз.

Она чувствовала этот взгляд затылком даже после того, как он покинул каюту. Наконец, она сбросила с себя это оцепенение, уселась поудобнее, и опять взглянула на диск.

Он был гладкий, матово-черный, и только посередине красовалась маленькая семерка в серебряном треугольнике. Кошечка осторожно, как будто это была хрустальная пластинка, провела пальцем по его поверхности, потом легонько нажала на центр, и тут... прямо перед ней появился капитан Эмилио Алекси.

Кошечка от неожиданности вскочила и отпрянула к двери.

– Не бойтесь. – Землянин плавно развел руками, при этом его ладонь спокойно «прошла» сквозь спинку кресла, сделавшись на мгновение полупрозрачной. – Это всего лишь интерактивная голографическая запись, бесплотная и пронцаемая, как и всякое изображение подобного рода. Ее источник вы держите в руке.

Он «уселся» в кресло, жестом предлагая ей сделать то же самое. Она повиновалась, пораженно глядя, как он опирается призрачными локтями на вполне реальные подлокотники настоящего кресла, как дрожат и переливаются искры света на серебряных нашивках его элегантного, безупречно белого кителя.

– Милая леди Лилия, – начал капитан. – У вас конечно же найдется хотя бы одна минутка, чтобы выслушать меня. В противном же случае выбросьте записку в дезинтегратор.

Кошечка посмотрела на диск, который послушно лежал у нее на ладони, и опять перевела взгляд на голограмму.

– Спасибо. – Землянин чуть заметно улыбнулся. – Я очень надеялся на это. Конечно, не очень красиво с моей стороны то, что я послал записку, а не пришел сам, но все же постарайтесь меня понять. Мне пришлось временно принять командование над экспедицией, а это обязывает меня подчиняться некоторым общепринятым правилам, по которым я не имею права примешивать какие бы то ни было чувства к своей работе. Так уж заведено, что начальник должен быть абсолютно беспристрастен или обязан хотя бы казаться таковым... Прошу прощения за «эффектное» появление во время завтрака. Признаюсь, это была не случайность, а совершенно сознательное действие. И вахтенный пилот, и ваша подруга Доминика, даже не подозревая об этом, исполняли отведенные им роли в спектакле, целью которого было выманить вас и Ричарда в коридор для «приватного разговора». Возможно, я несколько поторопился и мне нужно было действовать более умеренно. Однако, зная, что на борту «Упрямца» свободно разгуливают такие люди, как капитан Ричардсон и его подручные, я попросту боялся опоздать, так как прекрасно понимал, на что способна подобная команда. Я несколько минут дождался за дверью, пока вы не вышли из столовой, и далее повел себя намеренно провокационным образом, уповая на «эффект неожиданности», и не просчитался. Единственное, чего я не смог предусмотреть, это вне-

запное появление Эдвина и Доминики в коридоре. Предупредить заранее я их не мог, они бы просто меня не поняли и провалили бы все дело. Помните меня, когда я только попал к вам? Я был такой же простодушный и наивный и многого не видел и не понимал, как они сейчас. Они очень хорошие люди, они мои товарищи, и я не могу допустить, чтобы они стали жертвами пиратского захвата, который наверняка готовил капитан Ричардсон. Быть может благосклонная именно к ним фортуна сохранила мне жизнь и разум как раз для того, чтобы я вмешался здесь и сейчас... Прошу вас, не надо меня бояться. Я всей душой желаю только добра и мира между нами. Ни к вам, ни даже к кому-либо из команды «Звездного волка» я не питаю скрытой личной ненависти. Постарайтесь поверить в мою искренность.

Эмиль на минуту замолчал, встал из кресла и сделал несколько шагов по комнате. Его образ был так реален и полон движения, что Кошечка на секунду усомнилась в том, что это всего лишь объемное изображение. Наконец Эмиль остановился посреди каюты, и их взгляды встретились. И тут она вдруг поймала себя на мысли, что восхищается им, восхищается его осанкой, его стремительными, но в то же время плавными движениями, всем его существом, исполненным спокойного достоинства и силы. Она и раньше восхищалась им, но делала это втайне от самой себя. Теперь же она не стыдилась своих мыслей.

– Я верю вам, капитан, – прошептала она, медленно вста-

вая из кресла и не отрывая взгляда от его глаз. – Я верю в вашу искренность.

Она приблизилась к нему. Теперь они были лицом к лицу, совсем как тогда, при прощании. Она, мучимая сомнениями и разного рода догадками, старалась разглядеть хоть какой-нибудь скрытый намек или искру подвоха. Ее пугала та неопределенность, с которой говорил Эмиль, настораживали его официальность и сдержанность. Все это казалось ей слишком сложным и полным какого-то хитрого умысла. Может быть, она уже действительно совсем безразлична ему? Возможно, ее присутствие вызывает у него только неприятные воспоминания? Тогда зачем вообще эта записка?

И Кошечка не выдержала. Сжав от волнения кулаки так, что хрустнули пальцы, она произнесла, точнее прокричала:

– Зачем? Зачем все это? Зачем ты вообще сюда явился?

– Как бы я хотел сейчас целовать ваши руки. – Голос капитана Алекси прозвучал печально, как эхо. – Вы вышли замуж. Вы вышли замуж за Ричардсона и теперь ждете ребенка. Вы все-таки любите его... Ричарда.

– Но... – начала Кошечка и тут же осеклась, вдруг подумав, что объясняться сейчас было бы глупо. Ведь это всего лишь голограмма, пусть и интерактивная.

Землянин тем временем продолжал:

– Я приглашаю вас и еще вашего... кого хотите из ваших людей в гости на борт моего звездолета. Всего лишь нужно сказать Доминике, что вы приняли приглашение, и она от-

везет вас. Я жду в любое время. Прощайте... и, надеюсь, до свидания. – Он грустно улыбнулся и галантно склонил голову, прижав левую руку к груди.

Голограмма померкла, быстро становясь все более расплывчатой и прозрачной. Наконец последние «искры» изображения исчезли, и только Кошечка неподвижно стояла посреди каюты и сжимала в руке маленький черный диск.

Катер приблизился к кораблю. Теперь силуэт звездолета был явно виден невооруженным глазом, им можно было любоваться на экране живого обзора.

«Удача» была изящна и по-боевому обтекаема, она свободно раскинулась в бархатном космосе, сверкая бортовыми огнями.

– Ну вот, мы почти приехали, – обернувшись, сказала Доминика и, встретившись взглядом с Ричем, добавила: – А вы кажетесь мне вовсе не таким страшным, как описал ваш характер капитан Алекси. По-моему, он слишком сгущает краски, или я, скорее всего, его не так поняла.

Она виновато улыбнулась и, отвернувшись, занялась пультом управления. С мелодичным сигналом включилось стерео, и возникло изображение ангельски хорошенькой женщины. Красотка вальяжно расположилась в штурманском кресле и лениво водила пальцем по небольшой планшетке. Она была одета в светлого оттенка комби, очень женственный и изысканный, но с претензией на форменность и

с все той же эмблемной семеркой. Гладкие каштановые волосы были заколоты на макушке блестящей серебряной заколкой, а изящество ножек подчеркивали серебристые босоножки на каблучках.

Кошечка побледнела и вцепилась в подлокотники. Ей показалось, что сейчас она ослепнет и оглохнет, так сильно застлали внезапные слезы глаза и так оглушительно громко застучала кровь в висках. Рич же, до этого неподвижно и скромно сидевший с каменной физиономией, вдруг криво ухмыльнулся и незаметно для Доминики больно ущипнул Кошечку за ляжку.

Женщина в штурманском кресле, увидев гостей, выпрямилась, отложила планшет и сделала приветственный жест.

– Здравствуйте! – улыбнувшись, сказала она. – Как приятно, что гости из другого мира все-таки решили посетить нас. Мы очень ждали.

– Что-то начальства не видно. – Доминика приблизила лицо к экрану, как будто хотела вылезти за пределы обзора стерео.

– Мы не знали точно, когда вы прилетите, да и прилетите ли вообще, – все так же улыбаясь, объяснила красотка. – Капитан Алекси сменился с вахты и отдыхает.

– Почему так официально? Спит, что ли?

– Нет, наверняка в тренажерном зале балуется. Мужчины, они как большие дети.

– Ты говоришь это с таким скепсисом, как будто сама

не занимаешься чем-нибудь подобным в свободное время. – Доминика шутливо пригрозила пальцем. – Ну, ты все-таки собираешься принять нас на борт? Или нам предстоит тут болтаться до окончания твоей вахты?

– До готовности магнитной ловушки осталось всего несколько секунд. Так что, добро пожаловать! – засмеялась землянка (видно, ее очень забавлял и развлекал разговор) и небрежно положила наманикюренную ручку на пульт управления.

Катер чуть заметно вздрогнул, и его потянуло к кораблю. Через пять минут Кошечка, сэр Рич и Доминика уже стояли на пластиковых плитах «причального» отсека. Дверь «переходника» открылась, и в проеме возникли все та же красотка и капитан Эмилио Алекси собственной персоной. Щеки его покраснелись от тренировки, но в остальном его вид был просто безупречен, и даже скромненький (по меркам землян) комби сидел на нем как ни дать ни взять парадная форма.

– Здравствуйте, – сказал он и вежливо кивнул головой в знак приветствия.

Сэр Рич невольно повторил жест и смутился. Кошечка стояла, опустив взгляд.

– Я счастлив снова видеть вас, леди. – Капитан Алекси шагнул к Кошечке и, нежно взяв ее за руку, склонился и чуть коснулся ее кисти губами.

Кошечка подняла на него глаза и рассеяно пролепетала:

– И я тоже рада... поверьте... сэр капитан...

– Просто Эмиль. Добро пожаловать на борт моей «Удачи». – Он улыбнулся и отпустил ее руку, потом перевел взгляд на Рича и добавил изменившимся в строгую сторону тоном: – Вам же, сэр, пристало обращаться ко мне сугубо официально, для вас я капитан-исследователь земного флота Содружества Эмилио Алекси. Было бы откровенным лицемерием утверждать, что вас мне тоже очень приятно видеть, но, тем не менее ничего не попишешь... закон гостеприимства для всех один, поэтому, пожалуйста, не стесняйтесь и чувствуйте себя как дома, однако не забывайте, что вы все-таки в гостях. Прошу.

Он сделал приглашающий жест к открывающейся двери, и все направились в кают-компанию звездолета.

...Они остались в кают-компании наедине. Недопитый кофе стыл в фарфоровых чашках, а они сидели друг напротив друга, опустив головы. Наконец, Эмиль поднял глаза на Кошечку и произнес:

– Значит, это правда. Ты любишь Ричарда... а я-то до последнего надеялся, что это вынужденная уступка с твоей стороны.

Кошечка резко подняла голову, глаза ее почему-то наполнились слезами.

– Разве это теперь имеет какое-нибудь значение?

– Имеет. И очень большое. – Эмиль нервно хрустнул паль-

цами. – Лично для меня.

– Ты ведь не собираешься нас уничтожить? – Кошечка пыталась скрыть слезы, которые предательски изливались из глаз. – Ты... Вы, великодушный господин капитан...

– Почему такое недоверие и страх? – смущенно пробормотал Эмиль, закрывая лицо ладонями. – Почему мы, земляне... почему я кажусь тебе таким ужасным? Я уже трижды поклялся, разве этого недостаточно? Что еще нужно сделать, чтобы тебе все-таки поверили? – Он отнял руки от лица и вопросительно-умоляюще посмотрел на Кошечку.

– Нет, ничего... Я верю, я просто спросила... – Она запнулась, совсем смутившись. – Ну, а если бы я сказала, что совсем не люблю Рича?

– Тогда бы я попросил вас, леди Лилиана Джорджи... тебя, моя желанная Лилия, связать свою судьбу с моей и улететь со мной на Землю.

– Господин капитан-исследователь делает мне предложение руки и сердца? И его даже не беспокоит... У меня ведь скоро родится ребенок...

– Он будет твоим и моим. Мы будем любить его...

– Твоим и моим? Но откуда... – Кошечка опять осеклась, сбита с толку.

– Конечно. Я всегда мечтал, чтобы у меня были дети. Мы будем вместе заботиться о нем, наблюдать, как он растет, как умнеет, набирается сил, как потом будет учиться... Мы дадим ему все, что нужно: тепло, заботу, опору, пример...

– А что, если это ребенок от мужчины, который является твоим злейшим недругом? – Кошечка наконец поняла, что он пока еще ничего не подозревает.

– Не имеет значения, чья кровь в нем будет течь. Если ты примешь мое предложение, я буду считать его родным. Ведь он появится на свет... маленький, беспомощный... Младенцы совсем безгрешны, как можно их не любить? Как я могу не любить ребенка, если я люблю его мать?

– Ты до сих пор любишь меня? Неужели это правда? – Кошечка протянула к Эмилю руки и тут же их отдернула, опрокинув чашку. – А эта...девица из штурманского кресла? Как же она? Она – штатная любовница или ты ей тоже в свое время сделал предложение соединить судьбы...и она согласилась? Вы, земляне, какие-то слишком уж благодушно улыбочивые по любому поводу. Это наводит на подозрения в хорошо завуалированном двуличии. Похоже, привычка прикидываться пайныками у вас – общепринятый стиль поведения. – Она вскочила, нащупала и вывернула потайной карман и буквально швырнула на стол его содержимое: – Посмотри, я тайком берегла все это как память о тебе. Я всегда носила все это с собой, пряча от посторонних глаз, так как боялась потерять... – Она ткнула пальцем в мягкую планшетку в золотистой «корочке». – Ты...как это... вроде бы даже не запаролено, полно каких-то записей, язык и смысл которых недостижим для меня...

Эмиль с полминуты молчал, пораженно глядя на вещи на

столе, потом взял гаджет и «открыл» содержимое:

– Тут нет никаких страшных секретов. Это... это просто стихи, правда, на древних языках Земли. Понимаешь, увлечение... – Он бережно свернул и опустил вещь в карман. – Я-то думал, что потерял эти записи тогда навсегда... я ведь начал вести записи еще в школе и никогда никуда не копировал...

– Не в этом дело! – Кошечка на мгновение забыла, что перед ней всесильный начальник землян. Ей вновь показалось, что она на Джорджии в отцовском кабинете. – Ты просто не желаешь понимать того, о чем я говорю! Посмотри на это! – Она схватила прозрачный шарик с изображением Евы. – Эта была первой... или нет? А эта кокетка в рубке? Она какая по счету? Интересно, и каким же будет личный номер у меня, если я соглашусь? – Тут она осеклась, как будто опомнившись от кратковременного забытья, и с внезапным испугом взглянула на Эмиля, прошептав: – Простите меня за несдержанность, господин капитан.

– Не надо извиняться. Просто выслушай. – Эмиль встал из-за стола, подошел к обзорному экрану и уставился куда-то в темные глубины космического пространства. – Здесь и сейчас я смогу вовремя оправдаться. Эта женщина – штурман «Удачи». Мы работаем вместе с того момента, как этот звездолет сошел со стапелей. Еще один нюанс: у нас с ней довольно большая разница в возрасте. Видишь ли, Ида Гласкова уже была дипломированным штурманом, а я еще учил-

ся в начальной школе. Кроме того, она замужем и, по-моему, очень даже счастлива в браке, у нее взрослые дети. – Он помолчал с минуту и опять продолжал: – Я просто хочу сказать, что во что бы то ни стало хотел увидеть тебя... Я люблю только тебя и вернулся в эти места из-за тебя, хотя мне и стыдно в этом признаваться. Мои товарищи... они летят ради исследования, ради мирного контакта с вашей цивилизацией, и в этом они чужды сугубо личных мотивов, не то что я... Но если ты не желаешь, тогда к чему весь этот разговор? Я не хочу быть препятствием для вашей с Ричардом... любви.

Кошечка встала и медленно подошла к Эмилю. Она робко взяла его за руку и прошептала:

– Я совсем не люблю Рича, это правда. Но временами я бываю такая подозрительная и нетерпимая. Ты же знаешь, Святошенька, ты знаешь...

Она умолкла, опять внезапно и со всей отчетливостью осознав, с кем имеет дело. Ее рука вздрогнула и похолодела.

Эмиль обернулся к ней, ловя ее взгляд. Ее ладонь все еще была в его руке:

– Прости... я напугал тебя... ты испугалась моего гнева... Прости... я веду себя как жестокий эгоист...

Он вдруг опустился перед ней на колени и прижался щекой к ее ладони. Так они и стояли молча и неподвижно, казалось, почти целую вечность, хотя по часам эта вечность длилась не более минуты. Наконец Кошечка опустилась рядом

с Эмилем и прошептала:

– Ты не знаешь одного, только одного... Это дитя вовсе не ребенок Рича, нет. Это твой ребенок. Твой и мой. Помнишь ту единственную ночь тогда...

Она замолчала, встретившись взглядом с его сияющими от любви и счастья глазами. Они вновь смотрели друг на друга, и столько чувства было в этом взгляде! Это было как тогда... Время и пространство вновь исчезло для них, сейчас они были не просто парой людей, поглощенных светлым чувством без остатка. Теперь у них был еще и тот, кто иногда ворочается под сердцем и сладко давит на лоно там, внутри нее. Теперь их было трое, три сердца бились в унисон так близко друг от друга, что их удары сливались, и нельзя было выделить биение одного из сердец в отдельности.

Лилиана и Эмиль обнялись. Они снова были вместе, но теперь во всей Вселенной не нашлось бы силы, способной их разлучить.

Старый Лео не находил себе места. Нет, он был доволен, он был даже счастлив уже хотя бы оттого, что его непутевая дочка все же нашла свое счастье. Пусть даже таким неожиданным образом. Ведь появление землян, да еще во главе с бывшим рабом по кличке Святоша, который хорошо запомнился Старому Лео подозрительным для невольника трудолюбием и дельностью, да еще поразительно дерзким и удачным побегом, обошедшимся хозяину Джорджии слиш-

ком дорого, было подобно грому среди ясного неба. Но кто бы осмелился теперь назвать презрительной кличкой этого человека! Все, что Лео слышал от дочери и над чем смеялся, считая чистым вымыслом, рассчитанным на доверчивость влюбленных дурочек, оказалось правдой. Святоша-то, оказывается, среди своих именовался капитаном-исследователем, был полноправным хозяином поражающего воображение даже одними своими чисто внешними параметрами звездолета и, судя по всему, еще и верховодил над другими не менее «серьезными» кораблями, в момент приземления «начальника» находящимися на высокой орбите «на стреме». Кроме всего прочего (и это являлось самым верным показателем того, как считал Лео, что этому парню не стоит грубить), даже в кругу товарищей его называли не иначе как «дорогой друг Эмилио». И хотя Кошечка не раз говорила отцу, что у землян вообще не принята грубость и они никогда не дают друг другу кличек, а обращаются исключительно по именам, Старый Лео все равно был убежден, что это неспроста. Ведь его самого, даже в те лучшие времена, когда он был еще совсем молод, красив, щегольски одет, никогда не спускал оскорбительных словечек в свой адрес без надлежащей зуботычины и мог выбить пятью пистолетными выстрелами навскидку пять десятков, все равно иначе как сэром Жором или попросту Джориком (для дружков) его никто не величал.

Так вот, этот Святоша, нет, теперь уже, прошу проше-

ния, благородный господин капитан-исследователь Эмилио Алекси сначала любезно и вежливо просит позволения на посадку, хотя на черта ему это разрешение, ведь в соседнем кресле смущенно ерзает, влюбленно поглядывая на него искоса, родненькая дочка хозяина планеты, да и вообще земные корабли практически неуязвимы для всего известного астрал оружия. А потом, после приземления, он лично спускается по трапу с бедняжкой Кошкой, которая просто сама не своя от такой чести, чинно провожает ее до самого флаера и в довершение всего целует ей руку у всех на глазах, как в те времена, когда был подневольным слугой. Букет цветов, которые он ей подарил при прощании, наверное, стоил просто баснословных бабок (они были какого-то неизвестного Лео сорта, живые, очень красивые и изысканно-ароматные, и все еще стояли в вазе в Кошечкиной комнате), хотя, по правде говоря, лучше бы презентовал какую-нибудь безделицу немножко подешевле, но, к примеру, из золота. Далее, после нежного расставания с объятиями и слезами (Кошечкины-ми) землянин опять же вежливо извинился за свое неожиданное появление и «доставленное беспокойство» и мирно удалился. Кстати, на борту одного из земных кораблей в это время находилась в плену вся команда «Звездного волка» с самим капитаном Ричем во главе, и Кошечка сказала, что Эмиль (помнится, так она называла своего земляшку и раньше) поклялся, что их отпустят по прибытии на Лею, и что в его честности она не сомневается.

Старый Лео еще раз взглянул на контейнер с серебряной эмблемой. Такая же метка присутствовала и на пластиковой коробке внутри него и на непонятном маленьком черно-матовом диске. Он опять вспомнил, как несколько суток Кошечка не находила себе места, бывало, весь день металась по дому как ошалелая, ничего не ела, ни с кем не разговаривала, ночью не спала, все время всхлипывала и играла сама с собой на компьютере, потом среди ночи выходила в сад и до зори сидела на скамье среди цветов. Наконец однажды вечером она со слезами на глазах призналась отцу, что приняла решение навсегда покинуть родную планету. Он не стал ее разубеждать, он сразу понял, что ее решение окончательно и бесповоротно и ему не следует мешать осуществлению ее мечты. Этой же ночью отец и дочь тайно покинули усадьбу и прибыли в назначенное место. Еще издали они увидели одинокую фигуру на гребне холма. Это был он, Святоша. Он прибыл один, без сопровождения, и, судя по всему, даже без оружия. Кошечка подбежала к нему, они обнялись и поцеловались. Он склонился и нежно погладил ее округлый живот: конечно же он знал о будущем наследнике. Лео тогда еще искренне удивился, как это землянин умудрился высадиться на Джорджию незамеченным системой слежения.

Старый Лео взял в руки диск и стал задумчиво водить пальцем по его поверхности. Его маленькая Кошечка, его славная непутевая дочурка, покинула его навсегда, и вряд ли теперь они свидятся еще хотя бы когда-нибудь. Он не те-

шил себя пустыми надеждами на встречу, он понимал это со всей отчетливостью, и от этого ему временами становилось очень грустно и как-то не по себе. Земляне исчезли так же внезапно, как и появились. Мир Семи Солнц отнесся к ним недоверчиво и даже враждебно. И хотя их очень боялись, принимая во внимание их небывалые достижения в технике, привередливым пришельцам, видимо, нужно было что-то помимо власти и боязливо-уважительного трепета. На переговорах они совершенно равнодушно отнеслись к предложению о взаимовыгодной торговле и были категорически против военного союза. Предлагая свою дружбу и бескорыстную помощь в технической и медицинской областях, они не хотели взамен ничего конкретного и материального. Их речи казались астрам расплывчатыми и слишком уж миролюбивыми, и потому подозрительными. Нет, им не верили, ведь в такое просто невозможно поверить! И тогда, проведя формальные переговоры и поприсутствовав на необходимых по протоколу официальных раутах, земляне заявили, что их миссия на этом окончена, и они покидают мир Семи Солнц. Подобное заявление вызвало шок у правящих кругов Леи. Трудно было поверить, что посланцы государства, обладающего столь разительным превосходством в любого рода технике, не воспользуются своими преимуществами, предъявив какие-то свои, пока еще не озвученные ультимативные требования, а просто спокойно улетят туда, откуда прилетели. Это казалось абсурдом, ведь даже эти четыре

земных корабля могли бы поспорить с регулярным флотом Леи. А, вдруг они приняли решение вернуться домой, чтобы прислать свой военный флот? Спецслужбам даже было дано секретное распоряжение (средства информации об этом тут же каким-то образом прознали и разрезвонили) к удержанию делегации землян на Лее для выяснения подобных тонкостей, которое, однако, несколько запоздало и поэтому не могло быть выполнено (земляне оказались неожиданно проворны и предусмотрительны: несмотря на видимую доверчивость к заверениям в полной безопасности и свободе действий на столичной планете для посланцев Содружества от самых высоких должностных лиц, они по окончании официальных переговоров, нигде не задерживаясь ни одной лишней минуты, незамедлительно и организованно переместились на свои корабли на своем же транспорте и тем самым оказались вне досягаемости для любых «посягательств»).

И вот земляне улетели, и все. Растаяли как дым, и Кошечка вместе с ними...

Лео помнил, как Святоша взял Кошечку на руки, как она улыбалась, как целовала его в шею, в щеки, в губы... потом обернулась и сказала:

– Прощай, папа. Я хочу, чтобы ты знал: теперь я так счастлива, так счастлива, что... – Она вдруг залилась слезами, все еще улыбаясь. Это было так странно – счастливые слезы.

Небо просветлело, занималась зоря. Неприметный ка-тер-хамелеон взмыл к звездам и растаял...

Лео опять посмотрел на диск и слегка нажал пальцем на середину. Вдруг в комнате все чудесным образом переменялось. Это уже была не комната, а роскошная оранжерея. С диковинных деревьев свисали кисти восхитительных цветов и плодов. Лео натурально почувствовал чарующий пряный аромат тропических растений и поначалу было даже подумал, что бредит. Он мотнул головой уцепил себя за руку, но наваждение не пропало, а, напротив, стало еще ярче и отчетливее. И тут появилась его дочка: она вышла из-за ближайшего пышного растения и теперь стояла среди цветов и улыбалась. Она была в роскошном светло-зеленом платье, шелк которого искусно скрывал недостаток талии из-за беременности, а на шее переливалось изумрудное кольцо.

Старый Лео потрогал лоб и нащупал пульс на шее. Ему казалось, что он сходит с ума.

– Не волнуйся так. – Кошечка помахала ему рукой. – Это все изобретения землян. Правда, очень натурально? На глаз неотличимо от реальности, но на самом деле простая запись. Я решила послать ее тебе, чтобы ты не скучал. Конечно, очень жаль, что мне пришлось покинуть тебя, папочка, но утешением для тебя будет то, что мне здесь очень хорошо. Со здоровьем тоже все в порядке. Скоро у нас с Эмилем появится наш сын и твой внук. Уже осталось ждать совсем не долго. У землян хорошие врачи, так что бояться нечего. Ты знаешь, они даже предсказали, что у него будут голубые глаза и светло-каштановые волосы, в общем он будет очень по-

хож на своего отца. Еще они сказали, что он будет очень умный и здоровенький, ведь у него отличная наследственность. Представляешь, вся команда корабля старается поддержать меня, развеселить, они приносят мне подарки, всякие сувениры и редкости, а на кухне готовят все, что я только пожелаю. Знаешь, у меня здесь появилась подруга. Среди землян много женщин, и они не просто так на звездолетах – у каждой есть свои обязанности. Мне даже немножко неудобно, одна я сижу без дела. Я подружилась с одной девушкой, ее зовут Доминикой, и мы даже в бассейне вместе купаемся. Посмотри, она поделилась со мной своими платьями. Это зеленое – для коктейлей. А это... – Она провела пальцами по изумрудам. – Эмиль разрешил мне брать любые вещи из его коллекции. Знаешь, папочка, тут все мужчины такие симпатичные и вежливые. А на вечеринке я танцевала со всеми капитанами и даже позволяла во время танца шептать мне на ухо комплименты и целовать ручку. Эмиль немножко ревновал, я заметила по выражению лица, но потом наедине и не подумал скандалить и ругать меня за ветреность, даже ничего не сказал мне по этому поводу... У Эмиля штурман – женщина. Я просто сгораю от ревности! Хорошо еще, что она замужем... Папочка, я так тебя люблю! – Кошечка послала воздушный поцелуй обеими руками. – Не забывай меня, папочка, и я тебя никогда не забуду! Представляю себе, как ты удивился, когда я вдруг так появилась. Я тоже была удивлена, когда в первый раз увидела такое. Ну прощай, папочка,

не забывай обо мне. – Она смахнула непрошенную слезинку и снова улыбнулась, помахав рукой.

Потом все исчезло, как будто ничего не было: ни оранже-рей, ни чудесных деревьев и цветов...

Старый Лео поудобнее расположился в кресле, закурил сигарету и, держа на ладони диск, закрыл глаза. В комнату постучались.

– Входи, черт бы тебя побрал, – буркнул Лео, пряча диск в кулаке.

– Stereo вызывает. – Это была Цыпочка, она приоткрыла дверь и заглянула в комнату, но входить не стала. – С тобой, мальчик, хочет поговорить капитан Рич. Наверное, будет в гости напрашиваться.

Лео, недовольно поморщившись, встал и незаметно положил диск в пепельницу, делая вид, что гасит окурочок. Потом, посмотрев на Цыпочку так, что она тут же скрылась за дверь, загнал ногой глубоко под письменной стол контейнер с семеркой и направился в переговорную.

Сэр Рич очень редко улыбался по-настоящему открыто и непринужденно, но на его лице всегда присутствовала такая бравая высокомерная ухмылочка, свидетельствующая, что ее владелец – человек независимый, сильный и вполне довольный собой. Теперь эта ухмылка бесследно исчезла: Рич выглядел печальным и даже каким-то потерянным.

– Я вполне разделяю вашу искреннюю скорбь, друг мой.

Ведь моя дочь была без пяти минут вашей законной женой... Боже мой, я так желал ей счастья с вами, капитан, но злая судьба распорядилась иначе. Ах, бедная моя девочка! Надо же случиться такой несправедливости: отпущенная земляшками, она не прожила дома и пары недель, неожиданно занемогла и скончалась в самом расцвете лет!

Старый Лео закрыл лицо руками и вздохнул. Но он и не думал горевать, сэр Рич заметил это сразу. Тон Лео был наигранный под стать словам, и в этой лживой тираде не было и тени истинного сожаления об утрате единственной дочери.

– И от чего же она умерла?

– Преждевременные роды, – спокойно, без малейших признаков грусти, ответил Старый Лео. – Волнение, перегрузки. Все это пагубно сказалось на ней. Ее нежный организм просто не выдержал.

Сэр Рич пристально глянул в лицо Лео, стараясь поймать его взгляд, но тот сразу же уперся взглядом в половицу.

– Понятно, – сказал с нескрываемым сомнением сэр Рич. – И где же ее могила?

– Пойдемте, покажу.

Старый Лео развернулся и бодро зашагал из гостиной. Он как будто помолодел с тех пор, когда Рич видел его в последний раз.

Они вышли из дома и направились в сад. Яблони и петунья цвели, казалось, с удвоенной силой, источая просто чудесный аромат. Сад был в образцовом порядке.

– А кто же ухаживает за всем этим? Ведь ваша дочь умерла! – Сэр Рич начал раздражаться, чувствуя скрытый подвох.

– Да. Но у меня есть жена. – Старый Лео кивнул головой. – Я недавно женился на своей служанке. Все-таки не так скучно, когда есть жена. Тем более, что дочери теперь со мной нет. А вот и могила. – И он показал аккуратное надгробие среди цветов. – Ее прах здесь, под этой плитой.

– Здесь покоится леди Лилиана Джорджи, – прочел сэр Рич вслух и спросил: – И что же вы теперь собираетесь делать?

– А ничего. Буду просто доживать свои дни. Умеренные физические упражнения, витаминизированное питание и никаких посещений ядовитого рудника, как рекомендовали врачи. Дочка хочет... то есть хотела, чтобы я перестал лично заниматься этой паршивой рудой. Всем рабам я дал вольные, теперь на руднике только наемные рабочие, никакого принуждения... к тому же там самоорганизовался профсоюз. Впрочем, в доходах я совсем не потерял, даже наоборот... – Старый Лео странно ухмыльнулся и быстро пошел обратно в дом.

Рич же остался стоять, уставившись на плиту.

– Здесь покоится леди Лилиана Джорджи, – еще раз прочитал он вслух и наступил на надпись. – Чертова Кошка! Думаешь, ты провела меня своей мнимой смертью? Врешь! Я чувствую, что это ложь! – Он в сердцах топнул ногой по надгробью и закрыл лицо руками. – Но я ничего не могу с этим

поделать! Ничегошеньки! Даже точно узнать ничего не могу!

Рич почувствовал, что его ладони становятся мокрыми от слез:

– Черт побери! – выругался он, утираясь рукавом кителя и рассеянно шаря по нагрудным карманам в поисках сигарет: – Только ты, Кошка, можешь заставить меня плакать. Только ты!

Подавленность и бессильная тоска вдруг сменилась бешенством озлобления. Сэр Рич зажег сигарету и сжал ее в зубах так, что она переломилась. Сплюнув на могилу, он быстро пошел прочь. Негодование безнадежно униженного и ограбленного среди белого дня человека на мгновение охватило его, бредовые мысли о самом жутком мщении всем и каждому мелькнули в мозгу. Однако капитан взял себя в руки, и, сделав над собой невероятное волевое усилие, подавил этот адский огонь, испепеляющий разум и сердце изнутри, и даже учтиво улыбнулся Цыпочке, стоящей на крыльце, входя в дом.

В коридоре никого не было. Рич почему-то стал ступать осторожнее и тише и так добрался до двери в кабинет Старого Лео. Какое-то странное чувство тянуло его туда. И хотя он не знал, что конкретно искать, но врожденное чутье подсказывало ему, что он обязательно найдет здесь что-то важное.

Сэр Рич приоткрыл дверь, заглянул в проем и, удостоверившись, что комната пуста, быстро вошел, огляделся и принюхался. В кабинете стоял еле различимый аромат чего-то

утонченного, изысканного, слегка пьянящего и как будто очень знакомого.

– Парфюмерия или дамские сигареты?

Он автоматически заглянул в пепельницу, желая обнаружить подтверждение своему предположению, и увидел маленький черный диск, точно такой же, какой на земном корабле принесла Кошечке землянка, назвав эту чудную безделушку «запиской».

«Вот оно!» – подумал он, осторожно беря вещь двумя пальцами и переворачивая, на серединке красовалась такая же семерка в треугольнике. Все в точности совпадало...

Рич в досаде сжал диск в кулаке, и вдруг перед ним возникла чудесная оранжерея, разнесся запах экзотических цветов и появилась Кошечка.

Капитан был ошеломлен. Кошечка улыбалась ему, стоя среди неизвестно откуда взявшихся цветов и деревьев, и все это было настолько реально, что Рич растерялся.

– Не волнуйся так. – Кошечка помахала ему рукой. – Это все изобретения землян. Правда, очень натурально? На глаз неотличимо от реальности, но на самом деле простая запись. Я решила послать ее тебе, чтобы ты не скучал. Конечно, очень жаль, что мне пришлось покинуть тебя...

По коридору послышались гулкие шаги. Рич от неожиданности выронил записку, и наваждения как не бывало. Но не успел диск долететь до пола, как был уже пойман ловкой рукой и водворен в нагрудный карман.

– Я догадывался... я еще в самом начале догадывался... нет, я знал, я точно знал и просто не желал верить очевидно-му, утешал себя несбыточными надеждами и не хотел осознать своей несостоятельности перед обстоятельствами... Совершенно понятно, что она тут же перекинулась к этому ублюдку, стоило только ему свистнуть. Вишь как обставили: сначала отпустили на родную планету, потом даже похоронили. Шито-крыто, концы в воду. Только все эти рассказы про преждевременные роды и смерть – лапша на уши для дураков. Но ведь я не такой дурак, чтобы поверить в эти сказки! Конечно, она сделала правильный выбор, ведь умные женщины всегда выбирают победителя, а я на этот раз проиграл... Он богат, занимает высокое положение, он без ума от нее... Он даст ей все, что она пожелает, он выполнит любые ее прихоти... Я не осуждаю ее... Вот и все, что мне от тебя осталось, Кошка.

Сэр Рич нащупал в кармане диск, и непрошенные слезы опять предательски выступили в уголках глаз. Но на этот раз он мгновенно переборол их и очень вовремя.

Дверь отворилась, и в проеме показался Старый Лео:

– Ты... вы, сэр, здесь? А я жду вас в гостиной.

– Я думал, что вы в своем кабинете, вот и зашел сюда, но вас не нашел и уже было решил идти в гостиную, – сказал Рич спокойно. – В общем-то, я хотел с вами попрощаться.

– Может, выпьем чего-нибудь? У меня сохранилось чудесное вино с Леи. – Старый Лео блаженно прищурился. –

По-моему, отличный напиток, хотя я не особый знаток.

– Нет, благодарю вас, но дела не ждут, – ответил сэр Рич и тут же подумал про себя: «Черт возьми! Я все же успел нахвататься изысканных манер от проклятых земляшек! Эта их вежливость прилипчива, как грязь».

– Ну как хочешь. – Лео развел руками, и они вместе вышли из кабинета.

Через двадцать минут капитан Рич отбыл восвояси на старом межпланетном катере, взятом напрокат. Теперь ему предстояло вернуться на Лею-4, а там сесть на рейсовик до своей системы. Он давно (а точнее, с ранней юности) не летал пассажиром. Он так привык к тому, что он вольная птица и летает туда, куда хочет! И вот теперь эта вольная птица потеряла крылья и была вынуждена добираться на попутках даже до родного дома. Он таких мыслей ему временами становилось не по себе, и тогда он закуривал, покусывая фильтр сигареты и стараясь выбросить эти грустные мысли из головы.

Черная громадина «Стеллы» смутно проглядывала сквозь ажурные строения ремонтного стапеля. Было холодно. У сэра Рича уже сильно замерзли пальцы, но он терпеливо ожидал. Время тянулось медленно, как будто нехотя.

«Бывает же так, черт побери, – уныло думал Рич, по привычке нащупывая сигарету в нагрудном кармане, но тут же убирая руку, вспомнив, что тут нельзя курить. – Желез-

ная Леди больше не принадлежит целиком только мне. Пришлось продать свой дом, свою крепость, отдав ее недра разработчикам. Теперь старушка Леди не будет таким идеальным убежищем, как раньше. Появится много разных новых людей, и все они станут совать нос ни в свои дела. И все это чтобы купить эту уродину. Ну, ничего! – тут же постарался он ободрить себя. – Если дела пойдут, все будет о-кей. Просто нужно сразу же заняться чем-нибудь наиболее прибыльным. Только придется сразу кое-что поменять: усилить двигатели, смонтировать дополнительные энергетические емкости, довооружит... и еще кое-какие мелочи... Конечно, эта бестолковая коробка не чета бедному «Звездному волку» во всех отношениях, но это все-таки хоть что-то. Эх, какой был отличный корабль! Черт бы побрал этих земляшек вместе взятых и каждого в отдельности!»

Тут он взглянул на часы. Продавец явно опаздывал уже минут на сорок.

– Вот все они так, – со злостью подумал сэр Рич. – Любят, когда их люди дожидаются.

Тут послышались шаги.

– Наконец-таки! – Сэр Рич нащупал кредитку.

Совсем близко мелькнула подозрительная тень. Сэр Рич, вдруг ощутив неминуемую угрозу, по животному испугался. В эту же секунду что-то щелкнуло, и ослепительный свет проник во все уголки. Сэр Рич заслонился от прожектора левой рукой, одновременно хватая рукоятку мини-бластера

правой. Он ничего не видел, но остро чувствовал, что это неожиданный и полный провал. Единственная мысль металась в мозгу, как шарик в рулетке:

– Кто же стукнул? От кого же просочилось?

– Ни с места! Военная полиция. Стреляем без предупреждения, – прогремел отдающий металлом голос. – Бросить оружие. Руки за голову.

Сэр Рич бросил мини-бластер и медленно поднял руки. Он уже оправился от первоначального ступора, вызванного внезапным появлением полицейских. Шок прошел, осталось только холодное понимание факта крушения надежд на «светлое» будущее.

Рич чувствовал, что шансы на спасение очень невелики, но тем не менее не собирался сдаваться. Пока мозг лихорадочно работал над планом спасения, он всем своим видом старался изобразить крайнюю растерянность и беспомощность и даже намеренно испуганно-истеричным тоном крикнул:

– Прошу, уберите прожектор! Я ничего не вижу, резь в глазах просто невыносима! За кого вы меня принимаете? Это какая-то ошибка!

– Никакой ошибки нет! – прозвучал в ответ все тот же железный голос. – Вы – Ричард Ричардсон, бывший владелец скоростного судна, именуемого «Звездным волком». Вы обвиняетесь в уклонении от налогов, контрабанде, незаконной транспортировке бойцов и оружия в зоны конфликтов,

а также в государственной измене. Ваши самовольные действия вызвали межгосударственные трения, чуть было не переросшие в конфликт с далекоидущими последствиями.

– В государственной измене? Не понимаю, о чем идет речь! – все еще притворялся Рич, осознавая, что дела еще хуже, чем он предполагал.

Он уже понял, что земляшки не только сделали официальное заявление по поводу инцидента двухгодичной давности, но и позаботились о доведении до «властей» такой «мелочи», как поименное указание непосредственных «обидчиков». Это-то наверняка и послужило причиной такого прямого тяжкого обвинения. Без сомнения, именно проклятуший Алекси приложил свою чистенькую ручонку к этому делу, и сделал это со своей всегдашней аккуратной настойчивостью... И что помешало расправиться с этим ублюдком еще в самом начале «знакомства», на «Звездном волке»? Ничего ровным счетом, кроме... кроме самого Рича. Черт дернул быть тогда великодушным напоказ Кошке. И вывод тут напрашивается сам собой: никогда не меняй своих привычек даже ради любимой бабы...

Тут сэръ Рич усилием воли прекратил поток подобных мыслей, сосредоточился на создавшейся ситуации и намеренно плаксивым голосом запричитал:

– Но сэръ! О чем идет речь? Я тут оказался совершенно случайно!

– Все дальнейшие разъяснения вы получите в участке.

После стандартной процедуры задержания вам официально предъявят обвинения и предоставят независимого общественного адвоката. А сейчас не сопротивляйтесь властям! — вещал железный голос.

Тут подбежали двое полицейских, собираясь уже надеть на Рича наручники и отвести в полицейский флаер. Тут настал как раз тот момент, которого он ожидал. На секунду один из полицейских заслонил Рича от прожектора и остальных, второй же находился немного сбоку, в неудобном для немедленной обороны положении. Рич не стал больше раздумывать, он понимал, что если он не попытается бежать сейчас, то вряд ли ему предоставится еще одна такая возможность. Он резко переменил положение, выхватив из сапога пистолет, выстрелил с колена в бокового полицейского. Второго он сбил сокрушительным ударом головы и, схватив обмякшее тело, загородился им от остальных. Момент спасения настал, осталось только преодолеть каких-то десять метров, чтобы вырваться из «гибельного круга». Рич рванулся в сторону темных переплетений железа под спасительную тень космического корабля. Полицейский, находящийся без сознания, мешал ему бежать, но в то же время был необходимым щитом. Еще четыре шага! Всего четыре шага отделяло Рича от спасительной темноты, но вдруг что-то круглое мелькнуло под ногами. Маленький матовый диск ударился гранью о бетон, подпрыгнул и покатился по полу. Рич на долю секунды остановился и забыл о прикрытии, наклоня-

ясь и протягивая руку к этому крохотному предмету. Сразу несколько пуль настигло его в этот момент. Рич коротко вскрикнул и рухнул вниз лицом. Руки все еще тянулись за кругленькой безделушкой.

Когда преследователи уже неторопливо подошли к беспомощно распластавшемуся на бетоне беглецу, капитан погибшего «Звездного волка», матерый разбойник и пират, столько лет преспокойно проворачивавший свои незаконные делишки и остававшийся безнаказанным из-за своей поразительной изворотливости и полного отсутствия прямых улик и свидетелей, государственный изменник Ричард Ричардсон был уже мертв...

– При попытке к бегству. Так даже лучше. – Полицейский офицер пнул труп носком сапога и улыбнулся женщине-мед-эксперту, только что констатировавшей и зафиксировавшей в документах смерть главного обвиняемого. – Его сообщники давно у нас в кармане и теперь запоют как птички.

Тут раздался жалобный и в то же время мелодичный прощальный звон, как будто кто-то уронил хрустальный колокольчик. Это один из полицейских, обступивших мертвое тело, нечаянно наступил каблуком на злополучную кругленькую безделушку.